

**НАГОРНЫЙ
КАРАБАХ
и ВОКРУГ НЕГО**

*Глазами независимых
наблюдателей*

С.Т. Золян, Г.К. Мирзоян

**НАГОРНЫЙ
КАРАБАХ
и ВОКРУГ НЕГО**

*Глазами независимых
наблюдателей*

*Сборник
документов*

ББК 66. 3 (2 Ар)
Н 167

Н Нагорный Карабах и вокруг него...

Н 167 Глазами независимых наблюдателей (сборник материалов). Составители: С. Т. Золян, Г. К. Мирзоян.— Ер.: Луйс, 1991 г.—с. 567.

В сборнике нашли отражение публикации советских авторов, независимых наблюдателей-армян о «событиях в Нагорном Карабахе и вокруг него».

Книга рассчитана на широкие круги читателей, не сумевших, вследствие тенденциозного подхода к освещению проблемы НКАО, понять, что же представляет собой эта проблема.

Н 0803010400 (29)
702 (01) 1991 не объявлено. 1991 ББК 66. 3 (2 Ар)

ISBN 5-545-00849-7

© С. Т. Золян, Г. К. Мирзоян, составление, 1991

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Настоящий сборник составлен на основе публикаций тех советских авторов, которые не следовали утвержденному свыше предвзятому официальному взгляду на «События в Нагорном Карабахе и вокруг него», а попытались самостоятельно разобраться в проблеме. Сейчас уже многим ясно, что все, что происходило и происходит в Нагорном Карабахе, Армении и Азербайджане, центральные средства массовой информации, следуя укоренившейся традиции, сначала пытались замолчать, затем обратились к умышленному искажению событий, и потчуют читателя полуправдой.

Сама по себе суть Карабахской проблемы предельно ясна и может быть выражена буквально одним предложением, как это было сделано великим гражданином России А. И. СОЛЖЕНИЦЫНЫМ:

«Проницательный Ильич — первый называл вопрос границ «даже десятистепенным». (Так и Карабах отрезали к Азербайджану, какая разница — куда, в тот момент надо было угодить сердечному другу Советов — Турции)» («Как нам обустроить Россию»).

Сразу же была понята Карабахская проблема и великим поборником прав человека Андреем Дмитриевичем Сахаровым, чьи многочисленные отклики на события в Нагорном Карабахе читатель найдет в нашем сборнике. Это недвусмысленно показывает, что сложность Карабахской проблемы, о которой столь часто говорят сейчас, — явно надуманная. И именно из-за предельной ясности и простоты справедливого требования народа Карабаха потребовалось воздвигнуть вокруг карабахской проблемы бастионы проблем совсем иного рода — геноцид в Сумгаите, затем в Баку и Кировабаде, блокада Армении и НКАО, политические репрессии, непрекращающиеся провокации — высшее политическое руководство страны всеми средствами старалось — и безуспешно — подменить проблему Карабаха многочисленными проблемами «вокруг Нагорного Карабаха». В этом же духе действовала и пресса. Вследствие явно тенденциоз-

ного подхода к освещению проблемы НКАО сложилась ситуация, когда, несмотря на обилие публикаций, широкие круги читателей так и не смогли понять, что же представляет собой эта проблема.

К этому следует добавить, что азербайджанская русскоязычная печать приложила огромные усилия для того, чтобы пустить гулять по свету откровенную, ни на чем не основанную ложь. При этом попирались самые элементарные нормы журналистской, научной, издательской и просто человеческой этики (достаточно упомянуть лишь статьи академика З. Буниатова, полные самых беспардонных оскорблений и угроз в адрес А. Д. Сахарова и его супруги). Между тем именно азербайджанскому читателю в первую очередь крайне необходима непредвзятая информация.

Однако, несмотря на все массивированные усилия, правда о проблеме НКАО смогла прорвать кордоны возводимой вокруг нее лжи и найти отклик не только в нашей стране, но и у людей доброй воли во всем мире. Разумеется, здесь сыграли свою роль средства массовой информации, однако, в данном случае, сначала зарубежные, и лишь потом — советские, причем в большинстве случаев это были независимые издания.

Тем не менее мы вынуждены с сожалением констатировать, что массовое дезинформирование советского читателя не могло пройти бесследно, и ныне среди введенных в заблуждение есть многие, кто стоит за справедливое решение карабахского вопроса, но не располагает необходимой информацией, ибо для них остались недоступными статьи и размышления непредвзято настроенных авторов. Настоящий сборник призван помочь им составить самостоятельное представление. Думаем, сборник поможет составить впечатление не только о карабахской проблеме. Дело в том, что, ответив репрессиями и сумгантами против Карабаха и всего армянского народа, центральное руководство по сути подтолкнуло эскалацию насилия по всей стране. Теперь уже ясно видно, в каких регионах страны события развивались по сумгантскому сценарию: Фергана, Ош, Дубоссары...

А ведь об этом предупреждали почти все авторы, которые с самого начала соприкоснулись с проблемой. Приведем только одно предупреждение, прозвучавшее еще весной 1988 года: «В течение десятилетий нацио-

нальные вопросы в нашей стране замалчивались, находились в пренебрежении. В ходе демократизации все искусственно подавлявшиеся проблемы неизбежно встают на повестку дня, нередко в очень острой форме. От успеха решения национальных проблем во многом зависит судьба всего процесса демократизации. Нельзя закрывать глаза и на то, что люди и инстанции, которым мне по душе происходящее обновление нашего общества, могут специально разжигать недоверие между народами, даже провоцировать столкновения. Поэтому сумгаит — не просто очередной эпизод трагической истории армянского народа, — это набат, который призван предупредить нас всех, разбудить нашу совесть». К сожалению, справедливый голос М. Лотмана, А. Сахарова и других авторов остался не услышанным как тогда, так и сейчас.

При составлении сборника мы руководствовались следующими принципами:

1. В сборник не были включены статьи армянских авторов. Исключение было сделано лишь для материалов, освещающих ход судебного разбирательства над сумгантскими преступниками, поскольку эти процессы практически не были освещены ни в официальной, ни даже независимой прессе, и статьи «Почему не досказываете, товарищ генерал», ибо факты, приведенные в ней, принадлежат не авторам.

2. Материалы даны преимущественно в хронологическом порядке и при этом, для удобства читателей, сгруппированы в тематические разделы, хотя, конечно, эта рубрикация весьма относительна. Особенно это проявилось в материалах 1990 г. — если ранее события носили более локальный характер, то в 1990 г. «события вокруг Нагорного Карабаха» уже не укладываются в какие-либо тематические рамки. Они охватывают и погромы на границе, и репрессии против русскоязычного населения, и, к несчастью, ставшую уже общесоюзной, проблему беженцев. Естественно, что по техническим причинам было невозможно охватить весь 1990 г., и составители вынуждены были ограничиться материалами по ноябрь месяца.

3. При изложении карабахской проблемы составители не допускали каких-либо изменений или сокращений в тексте. Однако, чтобы не обременять читателя,

при воспроизведении некоторых статей и интервью опускались никоим образом не относящиеся к проблеме фрагменты. По техническим причинам опущены фотографии.

4. В случае фактических ошибок и неточностей составители вносили уточнения в форме примечаний, не затрагивая основной текст.

Хотим оговорить, что целью составителей было воспроизвести высказанные независимые точки зрения, почему сборник не претендует на то, чтобы представить полную документированную историю карабахского вопроса — как до, так и после февраля 1988 г. Дело в том, что составители были ограничены составом имевшегося в их распоряжении материала, тогда как многие происшедшие события не нашли никакого отражения в прессе. Да и наивным было бы ждать от одного сборника исчерпывающего освещения богатой истории Нагорного Карабаха и карабахского движения. Ликвидация информационных лакун — дело будущего, пока же их частично могут компенсировать следующие издания:

1. Нагорный Карабах. Историческая справка. Ер., 1988.
2. Правда о Нагорном Карабахе. Степанакерт, 1989.
3. Правда о Нагорном Карабахе. Ер., 1989.
4. Сумгаитская трагедия в свидетельствах очевидцев, кн. 1. Ер., 1989.
5. Сумгаит... Геноцид... Гласность? — Ер., 1989.
6. Л. А. Хуршудян. Истина — единственный критерий исторической науки, Ер., 1989.
7. Ю. Г. Барсегов. Право на самоопределение — основа демократического решения межнациональных проблем. К проблеме Нагорного Карабаха, Ер., 1989.

Вполне возможно, что из нашего поля зрения выпал ряд важных материалов, которые мы постараемся учесть в последующем. Все ваши замечания, пожелания и предложения просим высылать по адресу:

Ереван-49, ул. Мравяна 1, Ереванский университет, кафедра истории философии.

1988

НАГОРНЫЙ КАРАБАХ

1. Хроника событий. Для мира события в Нагорном Карабахе разворачивались так, словно кто-то крутил пленку в обратном направлении. 18 и 19 февраля западные телеграфные агентства сообщили о демонстрациях в Ереване. Особого шума известие не вызвало: сочли, что это продолжение прежних демонстраций, экологических. Новые сведения, поступившие 20-го, еще более запутали ситуацию. Получалось, что демонстранты — неизвестно зачем и почему — требуют присоединения к Армении части территории соседнего Азербайджана, Нагорно-Карабахской автономной области.

Только с 21 февраля картина стала проясняться. Оказалось, что демонстрации в Ереване были явлением вторичным, производным. Началось же все в Степанакерте, столице Нагорного Карабаха, и гораздо раньше — 11 февраля. В этот день в городе стали распространяться листовки и открытые письма с призывами добиваться выхода области из Азербайджана и включения ее в состав Армении. Школьники и студенты единственного в городе института бойкотировали занятия. 12—13 февраля по всему Карабаху прошли собрания с требованием созвать внеочередную сессию областного совета. Это предложение поддержали четыре райисполкома (из пяти) и 87 членов самого областного совета. 20-го сессия была созвана и подавляющим большинством голосов (110 против 17, при 13 воздержавшихся) приняла решение ходатайствовать перед Верховными Советами обеих республик о передаче НКАО в состав Армении. На следующий день решение было опубликовано в газете «Советакан Карабах».

Сразу после этого в Степанакерт прибыли два руководящих деятеля из Москвы — П. Демичев и Г. Разумовский. По их требованию был срочно созван пленум обкома партии. Однако пленум (80 голосами против 10) одобрил резолюцию областного совета. Таким образом, решение совета, беспрецедентное само по себе, приобре-

до характер всеобщего бунта. Бунта тем более ужасно-го, что все было сделано в точном соответствии с законом.

Интересно, что в марте, уже после того, как партийное руководство области сменили, обком снова проголо-совал за отделение. Похоже, что случилось нечто невероятное: обнаружались открытые расхождения внутри руководства самой партии. В данном случае — по национальному вопросу. Однако завтра предметом споров могут стать любые проблемы: экономики, экологии, кадровой политики...

В области вспыхнули межэтнические распри. Особенно острые столкновения произошли на юге, в районном центре Гадрут. Судя по тому, что город покинула армянская часть населения, инициаторами распри, видимо, были азербайджанцы. О том же свидетельствуют нападения на машины и автобусы с беженцами-армянами. Беженцы устремились в Степанакерт, где для них был разбит палаточный городок, но многие бежали и дальше, в Ереван.

В Нагорный Карабах были переброшены милицейские подразделения из Ростова-на-Дону и Челябинска, и порядок был довольно скоро восстановлен. Позднее заместитель Генерального прокурора СССР А. Катусев признал, что были «совершены преступления», но отрицал сообщения о большом количестве жертв. Вскоре были названы цифры: двое убитых и шестнадцать раненых.

23 февраля московским «координаторам» удалось добиться кое-каких перемен. С этой целью был созван «актив» — нечто аморфное, не имеющее ни границ, ни партийного статуса. Актив освободил от должности первого секретаря обкома Бориса Кеворкова и избрал на его место первого заместителя председателя облисполкома. Столь резкое нарушение «субординации» дает некоторое представление о расстановке сил в высших эшелонах местной власти.

В тот же день, 23-го, всесоюзное радио внезапно вспомнило, что мы живем в эпоху гласности. Было передано сообщение ТАСС: «В последние дни... имели место... Рассмотрев информацию о событиях в Нагорно-Карабахской автономной области, Центральный Комитет КПСС считает, что действия и требования, направленные на пересмотр существующего национально-тер-

риториального устройства, противоречат интересам трудящихся Азербайджанской и Армянской ССР... ЦК КПСС поручил ЦК Компартий Азербайджана и Армении принять необходимые меры к оздоровлению сложившейся обстановки...»

Сообщение ТАСС — документ во многих отношениях замечательный. Потрясает, во-первых, абсолютная уверенность в том, что Центральному Комитету интересы армянского и азербайджанского народов известны, конечно же, куда лучше, чем самим этим народам. Во-вторых, сильное впечатление производит, говоря словами классика, «легкость в мыслях необыкновенная». Видно, московские вожди искренне верили, что сложнейшую, острейшую, тяжелейшую проблему можно решить с помощью ординарных заклинаний: «Последовательно руководствуясь ленинскими принципами национальной политики...» Наконец, в-третьих, в ход пушена угроза. Не так уж трудно догадаться, как следует понимать требование «нормализовать обстановку», «обеспечить общественный порядок и строгое соблюдение социалистической законности».

Не станем кривить душой и удивляться наивности ленинского Центрального Комитета. Еще вчера такой резолюции-отмашки было бы с избытком достаточно, чтобы вогнать стихию в отведенные ей берега. Однако «новым людям» в Кремле не грех было бы и задуматься: как случилось, что партийные работники с многолетним руководящим стажем (тот же Борис Кеворков секретарствовал в НКАО больше десяти лет, а до того возглавлял Кировский райком партии в Баку) вдруг опростоволосились. Неужто они не знали, что за этим последует, не понимали, что их ждет? Конечно, знали. Конечно, понимали. И если все-таки решились на такую меру, значит, вода явно дошла до горла.

Очень скоро в этом смогли убедиться и люди в Кремле. Еще 20 февраля в ереванской демонстрации участвовало не более 30 тысяч человек. Однако после прибытия в город беженцев из Нагорного Карабаха и величественной отмашки ЦК обстановка в Армении обострилась до предела. 23 февраля демонстрировало уже 300 тысяч человек, в следующие дни на улицы города вышло около миллиона. Демонстрировала практически вся республика.

Демонстрации (жители пяти шестых земного шара — плюс Армении — имели возможность видеть их по телевидению) проходили исключительно организованно. К 10 часам утра на главных площадях и основных магистралях столицы собирались жители Еревана, к ним присоединялись представители других городов и сел. В 23 часа демонстрации прекращались, чтобы возобновиться на следующий день. В Ереване резко сократилась преступность, не было зарегистрировано ни одной кражи. Даже заместитель министра внутренних дел СССР В. Трушин вынужден был признать, что в городе «не отмечено никаких нарушений общественного порядка».

24 февраля в Ереване был создан Организационный комитет воссоединения. Его почетными председателями избрали писательницу Сильву Капутикян и президента Академии наук Армении Виктора Амбарцумяна. В состав комитета вошли директор Степанакертского театра Ваче Саруханян, кандидат исторических наук Игорь Мурадян, математик Армен Оганесян и др.¹

В тот же день в Армении начались забастовки. В самой столице работали только хлебопекарни, продуктовые магазины, больницы, радио и телевидение. Движение городского транспорта полностью прекратилось. В Ленинакане забастовка была всеобщей.

Армянское телевидение и радио заявили решительный протест в связи с передачей московской программы «Время», где демонстранты были названы экстремистами. По телевидению выступали многие видные общественные деятели Армении: член Совета ветеранов афганской войны, представитель армянских курдов. Особенно большое впечатление произвела речь Католикоса всех армян Вазгена I. Призвав к сдержанности, он, однако, не оставил сомнений в том, что поддерживает демонстрантов. Вазген I сообщил, что он направил М. Горбачеву письмо с призывом удовлетворить требования народа.

По армянскому телевидению выступил и секретарь ЦК КПСС В. Долгих. Он тоже признал, что в Нагорном Карабахе были человеческие жертвы. Но главное, он сообщил, что партактив Армении обратился к ЦК КПСС «с просьбой всесторонне рассмотреть проблему Нагорного Карабаха». Понятно, что такое обращение означало ревизию недавно принятого решения ЦК КПСС. Ревизию, одобренную на высшем уровне, ибо в собрании

актива участвовали секретари ЦК: сам В. Долгих и Г. Разумовский².

Тем не менее 25-го в Ереван были переброшены части внутренних войск: три тысячи — эшелонами и еще две тысячи — самолетами. Солдаты перекрыли движение по ул. Ленина, просп. Туманяна и другим центральным улицам города, блокировали площадь перед Оперным театром и парк. Но столкновений с демонстрантами не было. Милиционеры подчеркнuto держались в стороне, у них было отобрано оружие.

Одновременно в Москву были приглашены представители демонстрантов. Двое — Сильва Капутикян и многолетний корреспондент «Литературной газеты» Зорий Балаян — несколько часов беседовали с членом Политбюро А. Яковлевым, а затем были приняты М. Горбачевым. Результаты встречи оба оценили по-разному. З. Балаян, выступая в ереванском Доме писателей, дал понять, что на сей раз вопрос будет рассматриваться серьезно, а для этого надо дать Горбачеву передышку. Более эмоциональная (но и куда более опытная) С. Капутикян — в речи по телевидению — оценила итоги разговоров гораздо сдержаннее.

26 февраля секретарь ЦК КПСС В. Долгих зачитал обращение М. Горбачева «к трудящимся, к народам Азербайджана и Армении». В центральных газетах оно не публиковалось, но ереванский «Коммунист» напечатал его полностью. Документ оставляет двойное впечатление. В нем нет уже той бездумной категоричности, с которой еще недавно ЦК КПСС отменял саму мысль об изменении «существующего национально-территориального устройства». «Мы не за то, — сказал Генеральный секретарь, — чтобы уклоняться от обсуждения различных идей и предложений, но делать это надо спокойно, в рамках демократического процесса и законности...»

С другой стороны, ощущение такое, что и теперь, после всего, что произошло, М. Горбачев не до конца понимает серьезность ситуации, ибо рассчитывает справиться с ней путем дежурных заклинаний. Это верно, что и Егише Чаренц, и Самед Вургун призывали народы обеих республик жить в дружбе. Столь же верно, однако, что дружбы не получилось. К сожалению, вся история XX века полна примерами того, как благородные призывы виснут в воздухе, а отношения народов форми-

руются по каким-то иным, не вполне ясным пока законам...

Все-таки призывы к спокойствию и благоразумию как будто подействовали. Вечером 27 февраля Организационный комитет решил приостановить демонстрации и забастовки на месяц. Зная по опыту (хотя бы крымских татар) умение властей спускать острые вопросы на тормозах, оргкомитет объявил, что если рассмотренные проблемы затянутся, демонстрации будут возобновлены 26 марта в два часа дня.

С этого момента обстановка в Ереване постепенно нормализуется. Правда, в Степанакерте волнения продолжались. Бастовали рабочие, учащиеся, студенты. Огромные толпы народа ходили по улицам с плакатами. Перед отлетом из Нагорного Карабаха П. Демичев обратился к демонстрантам с речью, призывающей к спокойствию. Одновременно были приняты меры, направленные на предоставление армянам НКАО кое-какой «культурной автономии». Было объявлено о расширении радиопередач на армянском языке, передачи школ, театров и других учреждений культуры в ведение армянских органов (?), реставрации древнего армянского города Шуши, пришедшего в полный упадок.

Это призрачное успокоение продолжалось недолго. Из Армении в Азербайджан устремился поток беженцев, напуганных размахом волнений. 29 февраля по бакинскому радио выступил А. Катусев, сообщивший, что в Агдамском районе Азербайджана, граничащем с Нагорным Карабахом, были убиты два азербайджанца. Как это произошло и при каких обстоятельствах — до сих пор не ясно. Есть основания думать, что они были убиты охраной при попытке захватить склад оружия³.

Однако не это заявление, само по себе достаточно рискованное, привело к взрыву. В Сумгаите, основном центре беспорядков, волнения начались еще 27 февраля⁴. Толпа в несколько тысяч человек, собравшаяся на главной площади города, принялась забрасывать камнями щит с гербом Армянской ССР (на площади были выставлены гербы всех советских республик). Слабые попытки милиции и пожарных разогнать толпу успеха не принесли. Небольшое армейское подразделение, доставленное утром 28-го из Баладжар, тоже оказалось бес-

сильным. Солдаты отступили, за ними бросились бежать милиционеры. Город остался во власти толпы.

При оценке того, что произошло в Сумгаите, нужна сугубая осторожность. Официальные сообщения, опубликованные в газетах 1 и 5 марта, нарочито расплывчаты: «Группа хулиганствующих элементов... Имели место случаи бесчинства и насилия... Приняты меры...» Единственное, о чем сказано определенно, — о гибели 32 человек. Среди убитых — старики и женщины.

По рассказам людей, которым удалось спастись, жертв несравненно больше. Называют и сто, и двести, и свыше пятисот убитых. Возможно, что власти включали в сообщение лишь тех, кто погиб на месте. Но и очевидцы могли ошибиться: от тех, кого убивают, трудно требовать почтения к статистике.

Но еще важнее другое — обстоятельства беспорядков. Сообщения, расходящиеся в ряде деталей, едины в главном. Грабежами, убийствами, изнасилованием занималась не бесформенная толпа, а организованные банды — по 30, 50, 100 человек. Банды нападали не только на случайных прохожих, но врываются в дома, ломали окна и двери. Они знали, куда врываются, ибо какая-то часть азербайджанцев, повинуюсь требованию бандитов, выключала в своих квартирах свет, в армянских же он продолжал гореть. Среди нападавших было много людей, завезенных в город на машинах откуда-то из других мест. Наиболее «грязную» работу выполняли подростки 14—17 лет, которым, по закону, не грозит смертная казнь...

Все это дает основания думать, что если взрыв насилия и был стихийным, то стихия была хорошо организована. Кем? Поговаривают о подпольной мусульманской организации. Если и так, эти деятели неплохо разбираются в общей ситуации и в психологии советского руководства. На представителей ЦК КПСС, побывавших в Ереване и Степанакерте, не могло не произвести впечатление то единодушие, с которым буквально все армяне — по обе стороны границы — поддержали идею воссоединения. Какое-то впечатление, надо полагать, произвела и беседа с представителями демонстрантов в Москве. Доводы у сторонников отделения Карабаха были веские, а излагать их и эмоциональная Сильва Капутикян, и подчеркнута рациональный Зорий Балаян

умеют. В этих условиях возникла реальная опасность того, что кремлевские вожди выберут меньшее из зол — передачу НКАО Армении. При желании это можно было оформить достаточно эффективно — как еще одно яркое свидетельство дружбы двух братских народов!

Надо было срочно доказать, что это представление ошибочно, что такое решение чревато не менее серьезными последствиями, чем те, которыми грозит отказ изменить существующие границы. Конечно, миллионные демонстрации, выступление Католикоса, резолюция областного совета и обкома партии — доводы серьезные, но опасность всеобщей резни (а кто поручится, что беспорядки в Сумгаите не были всего лишь репетицией?) — довод еще более веский. Пусть эти люди в Кремле бросят на чашу весов то и другое. Посмотрим, что перетянет...

На всякий случай сумгаитские события были подкреплены волнениями в других городах Азербайджана: Кировабаде, Агдаме, Евлахе. Напряженная обстановка сложилась даже в Баку. Было сделано все, чтобы показать Москве, что Азербайджан не потерпит покушения на его территорию.

Хотя и с опозданием, беспорядки в Сумгаите удалось остановить. В город были введены войска: автоматчики, более 50 танков, бронетранспортеры. С 20 часов до 7 утра был установлен комендантский час. Многие армяне были размещены в охраняемых зданиях горкома партии и Дворца культуры. Арестовано около 200 человек. Заместитель Генерального прокурора СССР Катусев открыто расценил происшедшее в Сумгаите как погром.

Таким образом, активные действия с обеих сторон удалось приостановить. Однако взрывная волна продолжала распространяться. Азербайджанцы из Армении устремились в Баку, армяне из Азербайджана бежали в Ереван. В обеих республиках были приняты меры, чтобы приостановить этот процесс и вернуть бежавших обратно. Тысячи армян хлынули в Москву. 28 февраля и 6 марта они провели митинги на старом армянском кладбище, у церкви Вознесения. Был создан Комитет беженцев, отслужена панихида по погибшим. Митинги, посвященные памяти погибших, прошли и в Ереване.

Но, в общем, стороны заняли выжидательную позицию, избегая действий, которые могли бы сдвинуть

хрупкое равновесие. Ждать осталось как будто недолго: были даны заверения, что окончательное решение будет вынесено до 26 марта. 9 марта состоялось совещание в ЦК КПСС. На нем было сказано, что «решением Политбюро Секретариату ЦК поручено организовать глубокое и всестороннее изучение накопившихся проблем в автономной области Нагорного Карабаха, причин межнациональных отношений вокруг нее, проработку соответствующих предложений и по мере готовности вносить на рассмотрение ЦК КПСС и правительства СССР».

Последняя часть фразы позволяет предположить, что вопрос, видимо, будет решаться по частям. Такой «лоскутный» метод позволяет сбить остроту и ограничиться полумерами, что вообще характерно для Горбачева. Впрочем, справедливости ради надо признать, что ситуация и в самом деле крайне сложна и запутана, ибо на протяжении десятков лет советское руководство просто игнорировало действительность, свято веря, что все национальные проблемы можно решить с помощью мифических лозунгов и реальных репрессий.

2. История вопроса. Попытки решить спор о принадлежности Нагорного Карабаха ссылками на историю явно лишены смысла. Этот небольшой пятачок входил в состав древней Албании; его захватывали арабы, турки-сельджуки, монголы; здесь разворачивались кровавые сражения между Ираном и Турцией. После присоединения Карабаха к России район входил в состав разных областей. При этом царские власти руководствовались соображениями сугубо административными.

Решение образовать Нагорно-Карабахскую автономную область и включить ее в состав Азербайджанской ССР было принято в июле 1923 г. Решение это отнюдь не было бесспорным. И в этом районе, и во многих соседних преобладающую часть населения составляли армяне. Неудивительно, что в специальной декларации, опубликованной 1 декабря 1920 г. за подписью тогдашнего председателя Азербайджанского ревкома Наримана Нариманова, было объявлено о предстоящей передаче Армении трех районов — Нагорного Карабаха, Зангезура и Нахичевани. В дальнейшем, однако, этот сомнительный эпизод не упоминался. Официальная исто-

рия излагалась так, будто в декларации ничего подобного не было.

Каким же образом все-таки армянская область оказалась в составе Азербайджана? Виной тому сложное сплетение обстоятельств, начало которому положило истребление армян в Турции, начавшееся весной 1915 г. При этом 1,5 миллиона было уничтожено, еще 600 тысяч угнано в пустыни Месопотамии, где большинство из них погибло. Но тремстам тысячам удалось спастись — они укрылись в России.

Видимо, эти оставшиеся в живых свидетели преступления всерьез беспокоили турок. Дважды — в апреле 1918-го и в сентябре 1920 года — турецкие войска вторглись на территорию независимой Армении. Эти войны сыграли немалую роль в судьбе страны: из двух зол армяне выбрали меньшее.

Принято считать, что решение передать НКАО Азербайджану было принято под давлением Турции. Вряд ли это верно. К 1923 году у Советского Союза хватало сил, чтобы противостоять потерпевшим поражение туркам. Иной вопрос, что тогдашнее советское руководство вовсе не хотело ссориться с Турцией, ибо здесь была одна из «слабых точек» империализма и, по прогнозам, именно в этом направлении должна была развиваться «мировая революция». Чего стоила, в сравнении с этой великой целью, такая малость, как национальные интересы каких-то армян?...

Но будем объективны. В начале 20-х годов большевистские лидеры искренне верили, что Октябрьская революция раз и навсегда решила все национальные проблемы. И Армения, и Азербайджан вошли теперь в братскую семью народов. С этого момента постановка вопроса, в состав какой из республик включен Карабах, потеряла смысл. Как писал один из известных в те годы журналистов: «Всюду есть Солнце и Советская власть!»

Между тем реальность совсем не была такой радужной. Вражда двух народов — азербайджанского и армянского — уходит в глубь веков. Трудно сказать, что тому причиной: разные религии, вторжение захватчиков — чаще всего, мусульман, психологическая несовместимость. Факт тот, что, например, в Баку — городе многонациональном и веротерпимом — столкновения между

двумя народами вспыхивали уже в 1905—1907 гг., задолго до трагических событий в Турции.

Однако подлинного размаха межнациональная вражда достигла в 1918 году, когда Азербайджан заняли турецкие войска. Именно к этому периоду относится печально знаменитая «татаро-армянская» резня. Были ли к ней причастны турки? Вероятно. В самом Баку они, правда, держались осторожно, прямо в резню не вмешиваясь. Но в том же Нагорном Карабахе их войска откровенно поддерживали единоверцев. В результате Карабах потерял 20 процентов всего населения. Нужно было обладать незаурядной смелостью (или верой в «идею»), чтобы через пять лет после этой резни включить область, населенную почти исключительно армянами, в состав «дружественного» Азербайджана!

Мы до сих пор не знаем, что послужило поводом к нынешним событиям в Нагорном Карабахе. По одной версии, все началось с армянского села Чардахлы, родины маршала Баграмяна. При жизни маршала местное начальство жителей не притесняло. Но после его смерти село стали заселять азербайджанцами, у местного колхоза отрезали земли и т. п. Дело будто бы кончилось погромом, который возглавил лично первый секретарь райкома. И хотя формально село лежит за пределами НКАО, жители области восприняли этот эпизод как сигнал тревоги.

По другой версии, поводом к волнениям послужил очередной отказ Москвы удовлетворить петицию об изменении территориального подчинения области, подписанную 75 тысячами ее жителей. Похоже, что эта петиция была последней в длинном ряду заявлений, с которыми население Карабаха обращалось к центральным властям на протяжении многих лет. Однако эта петиция была вручена лично секретарю ЦК КПСС А. Яковлеву, да и времена нынче изменились. Поэтому на сей раз карабахцы были уверены в успехе. И вдруг — снова отказ. Отказ немотивированный, небрежный, подписанный второстепенным чиновником. Было ясно: по существу вопрос никто и не рассматривал, от проблемы, затрагивающей судьбы тысяч и тысяч людей, просто отмахнулись. Как от назойливой мухи.

Не исключено, однако, что серьезного повода для волнений вообще не было. Когда обстановка напряжена

до предела, любая мелочь способна вызвать взрыв, а горячего материала хватало. И в самой области, и за ее пределами.

Лет десять назад в «Правде» был опубликован смешной фельетон Шатуновского. В нем описывалась полемика между историками двух союзных республик на тему, чья культура древнее. Читателю могло показаться, что автор, в соответствии с законами жанра, явно преувеличивает. Между тем Шатуновский преуменьшал. Он, например, ничего не сказал о том, как видный бакинский историк прокомментировал тот печальный факт, что древние рукописи на армянском языке сохранились, а на азербайджанском их нет. А прокомментировал он их точно по анекдоту о беспроволочном телеграфе. Поскольку азербайджанские рукописи не найдены, хотя они бесспорно были, ясно, что злоумышленники-армяне перевели их на свой язык, а подлинники... уничтожили. Заметим, впрочем, что работы некоторых армянских историков были выдержаны примерно на том же уровне...

Общеизвестно, что руководителем Бакинской коммуны (1918 г.) был Степан Шаумян. Однако в изложении бакинских газет он давно стал фигурой призрачной, а на первое место вышли азербайджанцы — Мешади Азизбеков и Мир Гасан Везиров. Портрет Шаумяна работы известного скульптора П. Сабая долгие годы пылился в его мастерской — никто и слышать не желал о том, чтобы установить в Баку бюст «этого армянина».

И вдруг произошло чудо: Гейдар Алиев, заняв пост первого секретаря ЦК, распорядился водрузить скульптуру верного ленинца в Шаумяновском районе Баку. Торжество было задумано как еще одно свидетельство... Нет, не братской дружбы народов, а того, что если и есть в Закавказье подлинный интернационалист и радель этой дружбы, то, конечно же, Гейдар Алиевич Алиев. И момент был выбран с поразительной точностью: именно в это время возникла первая волна слухов, что незаменимого Гейдара Алиева с повышением переведут в Москву...

В апреле прошлого года «Известия» напечатали статью «Столь долгое ожидание» — рассказ о том, как были приговорены к расстрелу два ни в чем не повинных человека — Данакия и Багдасарян. История эта случилась не в Нагорном Карабахе, а севернее, в армян-

ском селе Нидж, и, может быть, выбор этих людей в качестве жертвы за чужие грехи не имел никакого отношения к их национальности, — может, просто попались под руку. А все-таки факт, что рядового бухгалтера Багдасаряна осудили на смерть, а его начальника, главного бухгалтера Хасмамедова, даже и не привлекли к ответственности. Легко себе представить, как восприняли это нашумевшее в республике дело люди, которые и без того считали себя ущемленными!

Но правомерно ли говорить о дискриминации Нагорного Карабаха? Ответить на этот вопрос чрезвычайно сложно. Дело не в фактах, а в их интерпретации. Область, безусловно, принадлежит к числу наиболее отсталых и бедных районов Азербайджана. В НКАО всего одно предприятие, которое с оговорками можно считать заводом — Степанакертский электротехнический. Один вуз — педагогический. Свыше половины всей продукции приходится на пищевую промышленность, еще около 30% — на легкую. Промышленность работает почти исключительно на местном сырье.

Основная отрасль сельского хозяйства — выращивание винограда, причем преобладают технические сорта. Решения о борьбе с алкоголизмом были поняты в Азербайджане как сигнал к выкорчевыванию виноградников. Эта мера особенно ударила по Нагорному Карабаху, для которого дешевое вино было главным продуктом вывоза. Не исключено, что этот — экономический — аспект тоже сыграл свою роль в событиях.

Существующую ситуацию можно рассматривать двояко. Можно считать, что нежелание вкладывать крупные средства в развитие района обусловлено естественными причинами: удаленностью области от центров, бедностью природных ресурсов, трудным рельефом и т. п. Можно, однако, усмотреть в этом и тенденцию — стремление изолировать «чужую» область, законсервировать ее на исходно низком уровне. Все, очевидно, зависит от подхода. Но как раз объективного подхода при нынешних отношениях ждать трудно. Общая обстановка недоверия и подозрительности приводит к тому, что любое действие (или бездействие) бакинских властей воспринимается жителями области вполне определенно — как сознательное ущемление их интересов. Важно даже

не то, правильно это или неправильно, важно, что подобная реакция стала определяющей. Обстоятельство, с которым никак нельзя не считаться.

3. **Что же остается?** Казалось бы, проблема Нагорного Карабаха при всей своей остроте носит локальный характер. Область невелика и по площади (5,1% территории Азерб. ССР), и по населению (2,8% — на 1 января 1973 г.). Однако надо учитывать и более широкий аспект. В Армении живет свыше 160 тысяч азербайджанцев, а в Азербайджане — около 500 тысяч армян. Их взаимная «рокировка» (а бегство уже началось) не только стала бы концом легенды о дружбе народов, но и тяжело отразилась бы на экономике обеих республик, не говоря уже о судьбах сотен тысяч людей.

Между тем не надо быть провидцем, чтобы понять, что нынешний накал страстей еще больше осложнит и без того весьма непростые межнациональные отношения. Недело, разумеется, говорить о фатальной неизбежности конфликтов, о непримиримой вражде, заложенной в генах. Ничего этого нет. И среди армян, и среди азербайджанцев есть достаточно людей, свободных от всяких предубеждений. В Армении, насколько нам известно, чего-то похожего на погромы вообще никогда не было. В сообщениях из Сумгаита подчеркивалось, что многие жители-азербайджанцы укрывали и защищали армян, ставших жертвами нападения, помогали им выбраться из города, оказывали всяческую помощь.

Все это так. И однако же не секрет, что в моменты накала страстей погоду определяют не столько люди широкие, терпимые и благоразумные, сколько накипь, которая есть, увы, в каждом народе. Да и об отношениях между нациями судят, увы, не по вершинам. Сто проявлений дружбы и благородства далеко не всегда уравновешивают в сознании народа даже единственный случай национального изуверства.

Будем объективны. Секретариату ЦК КПСС предстоит решить нелегкую задачу; может быть, задачу, которая сегодня не имеет решения. Знакомство с прошлыми решениями этой достопочтенной организации никак не настраивает на оптимистический лад. Скорее всего, дело ограничится серией полумер — чем-то вроде армянской «культурной автономии» НКАО в рамках

Азербайджана и очередной порцией призывов к укреплению партийной работы, усилению интернационального воспитания и пр. Все это будет подкреплено «затягиванием гезек».

Конечно, предложить что-нибудь более разумное нелегко. Искусственный отрыв области от Армении был мерой не просто бессмысленной, но и преступной. Как сказал один из участников событий: «Нужно быть армянином, чтобы понять, что значат Нагорный Карабах для армян». Но и для азербайджанца — самого объективного, самого доброжелательного — одобрить отделение области будет трудно. Не потому, что она так уж нужна республике (характерно, что в Азербайджане не было массовых выступлений в «защиту» НКАО), а потому, что за 65 лет все привыкли к нынешним границам, стали считать их собственными.

Что же остается? Видимо, только одно. Вести в Нагорном Карабахе (хотя бы временно, хотя бы до успокоения страстей) «президентское правление». Система эта широко практикуется в Индии. Когда правительство штата теряет контроль над ситуацией, или в штате вспыхивает междоусобная резня, или возникает угроза волнений, президент распускает местные органы власти и вводит систему прямого управления штатом из центра. Практически это означает, что руководство переходит в руки «нейтральных» чиновников, назначенных правительством в Дели.

Ничего подобного у нас до сих пор не было? Конечно. Но у нас много чего не было. Ни кооперации, ни семейного подряда, ни «Доктора Живаго». И если нынешнее руководство собирается не играть в перестройку, а заниматься делом, оно должно быть готово к тому, что при этом возникнет множество проблем и решать эти проблемы придется по-новому.

Легко предсказать, что введение президентского правления ни в Армении, ни в Азербайджане не вызовет энтузиазма. Но взрыва возмущения, усиления национальной вражды оно тоже не вызовет, поскольку ни одна из сторон конфликта не будет считать, что спор решен в пользу другой.

Вероятно, это не идеальный выход. Но идеального сейчас и не может быть. После 70 лет полнейшего произвола в национальном вопросе, беззаконий, риторики

и демагогии всякая мера, которая сможет способствовать успокоению страстей,— уже благо. Именно под этим углом зрения и следует решать сегодня проблему Нагорного Карабаха.

События в Нагорном Карабахе продолжают развиваться. Ко времени выхода этого номера журнала в свет они несомненно получают новый поворот. Наш журнал намерен вернуться к этой проблеме в следующих номерах.

ОБРАЩЕНИЕ КОМИТЕТА ПО ВОССОЕДИНЕНИЮ НАГОРНОГО КАРАБАХА С АРМЯНСКОЙ ССР

Организации Объединенных Наций
Парламентам и правительствам
всех стран
Всемирному Совету Церквей
Коммунистическим и рабочим партиям
Социалистическому Интернационалу
Международному Красному Кресту

Во второй раз в двадцатом веке армянский народ переживает геноцид. Виноваты в этом руководители советского Азербайджана и бюрократические элементы в руководстве КПСС, стремящиеся умиротворением азербайджанских националистов за счет интересов и достоинств армянского народа закрыть карабахский вопрос. Все 70 лет руководство Азербайджана с переменным успехом осуществляло в Нагорном Карабахе, как и в других армянских областях, геноцид армянского населения. Так, исконная армянская область Нахичевань, включенная в состав Азербайджана в соответствии с договором СССР с Турцией (1921), в настоящее время почти полностью лишена армянского населения. Однако руководителям Азербайджана, несмотря на чудовищную политику геноцида, не удалось полностью вытеснить армянское население из Нагорного Карабаха. Оно со-

ставляет 75 процентов населения области — 132000 человек. Армяне Нагорного Карабаха сохранили осколки национальной государственности вплоть до прихода русских войск в Закавказье. Создание невыносимых условий жизни, сдерживание социально-экономического развития, постоянное оскорбление национального чувства, постоянное уничтожение памятников христианской культуры, беспримерная фальсификация истории, почти полная изоляция от советской Армении — не сломили освободительный дух армян Нагорного Карабаха. Пользуясь обстановкой относительной гласности в стране, армянское население Нагорного Карабаха после многомесячного освободительного движения конституционным путем на сессии областного совета (это местный парламент) провозгласило воссоединение своего края с Советской Арменией. В ответ на это руководители советского Азербайджана массовой пропагандой инспирировали межнациональные столкновения в самом Нагорном Карабахе, а затем и в других районах и городах Азербайджана, где проживает многочисленное армянское население. Обращение Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева к азербайджанскому и армянскому народам вызвало в двух республиках совершенно различную реакцию. Если армянский народ как в Армянской ССР, так и в Нагорном Карабахе прекратил демонстрации и приступил к работе, то азербайджанские националисты восприняли известное постановление ЦК КПСС и обращение Горбачева как узаконивание своей правоты, начали резню, погром армянского населения в городах Сумганте, Кировабаде, Шамхоре и других местах. В Сумганте было 30 человек убито. Этими действиями руководители Азербайджана надеются заставить армянский народ в Нагорном Карабахе и в Армянской ССР отказаться от борьбы за воссоединение. Этими действиями объективно потворствуют советские средства массовой информации, оказавшиеся беспомощными в создавшейся обстановке. Бюрократические элементы в ЦК КПСС своей беспомощностью, отрицанием национальных проблем в СССР, нежеланием решать вовремя эти проблемы довели карабахский вопрос до критического состояния, что привело к резне.

Мы обвиняем руководителей советского Азербай-

джана, ряд ответственных работников ЦК КПСС в престоуплениях против всего армянского народа.

Надежда не покидает нас. Залог тому — официальное признание советским правительством карабахского вопроса и обещание рассмотреть его.

Армянский народ полон решимости вернуть Нагорный Карабах в объятия Родины. Ничто не может поколебать дух армян Нагорного Карабаха.

Родина или смерть!

Комитет призывает и просит человечество принять все усилия по спасению армянского населения в Азербайджане и решить вопрос воссоединения Нагорного Карабаха с Армянской ССР.

3 марта 1988, Ереван

«Страна и мир»
январь—февраль, 1 (43)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Неточность: Игорь Мурадян — экономист, а Армен Оганесян — писатель-публицист.
2. Неточность: в Ереване находились А. И. Лукьянов, а не Г. Разумовский.
3. Эти сведения в дальнейшем не подтвердились. Подробности см. в статье А. Василевского.
4. Волнения в Сумгаите начались не 27-го, а 26-го февраля. Кроме того, в Сумгаите и вокруг него находились довольно значительные воинские силы, однако они не имели приказа действовать.
5. Нагорный Карабах (Арцах) никогда не входил в состав древней Албании (Кавказской или левобережной Албании), которая граничила с Арменией. Недоразумение основано на том, что после раздела Армении между Персией и Византией и упразднения Албании Арцах был присоединен к образованному персами марзпанству, которое получило название «Албания» (Аран). Следует отметить также, что попытки идентификации ассимилировавшихся еще в раннее средневековье кавказоязычных албанцев с тюркоязычным населением Аз. ССР, лишены какого-либо основания. Тюрки появились в Закавказье лишь к XI в.
6. Решение было принято на заседании Кавбюро РКП(б) 5 июля 1921 г. (см. статью М. Ю. Лотмана и др.), а в 1923 был опубликован Декрет ЦИК Аз. ССР об образовании НКАО.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ В ЗАКАВКАЗЬЕ И КРИЗИС ПОЛИТИКИ ГЛАСНОСТИ

Я уже писал об остром национальном конфликте между Азербайджаном и входящей в его состав Нагорно-Карабахской областью (НКАО), единственным в СССР автономным образованием при наличии союзной республики с аналогичным и преобладающим по численности национальным составом. Этот конфликт втянул в свою орбиту фактически все население Армении и Азербайджана, проживающих в Москве.

Излишне говорить о беспорядке в руководящих органах ЦК КПСС и СССР, где лихорадочно искали возможности справедливого решения этой неожиданно возникшей проблемы. Теперь эти решения приняты на всех уровнях. В ЦК КПСС признается и обсуждается факт многолетней национальной дискриминации армянского населения НКАО, поощряемой из Баку, и пренебрежения социальными и культурными проблемами области. Принято постановление по ускорению социально-экономического и культурного развития НКАО в 1988—1995 гг. В области расширяется строительство жилых домов, школ и дошкольных учреждений, больниц, домов школьников, спортивных сооружений. Принимаются меры для улучшения преподавания армянского языка, в педагогическом институте снова вводится недавно отмененное изучение истории Армении, увеличивается издание и продажа литературы на армянском языке, в срочном порядке будут завершены работы по обеспечению приема-передач армянского телевидения, будут также построены новые дороги, соединяющие НКАО с Арменией.

Однако главное требование подавляющего большинства населения области, поддержанное даже обкомом партии и облисполкомом о передаче НКАО в состав Армении было отвергнуто на заседании Президиума Верховного Совета СССР, где выступили не только Громыко и Горбачев, но и представители всех союзных республик. Это решение готовилось в такой спешке, что в нем имеется ряд положений, противоречащих Конституции СССР. В постановлении Президиума имеется, на-

пример, фраза: «Признать недопустимым... пересмотр закрепленных в Конституции СССР национально-государственных и национально-административных границ». («Правда», 25 марта 1988 г.). Между тем в Конституции СССР нет статей, закрепляющих границы союзных и автономных республик. Напротив, статья 73 Конституции СССР позволяет Верховному Совету СССР «Утверждать изменения границ между союзными республиками» и «Образовать новые автономные республики и автономные области в составе союзных республик». Все эти изменения происходили многократно, в том числе и в Закавказье. Но Президиум Верховного Совета ссылается почему-то не на статью 73, а на статью 81, которая в первую очередь охраняет права союзных республик от посягательства извне и о защите «революционных завоеваний трудящихся перед лицом империализма» (Конституция СССР, политико-правовый комментарий, М., 1982 г., стр. 240).

Решением ЦК КП Армении и Совета Министров республики в Ереване запрещены самочинные демонстрации, а также деятельность общественного комитета «Карабах», которая якобы противоречит действующему законодательству и интересам народа. В НКАО запрещена деятельность общественного комитета «Крунк» (по-армянски крунк — журавль, символ тоски по родине). Все эти решения приняты населением Армении и Азербайджана без энтузиазма. Население Еревана решило отказаться от проведения намеченных на 26 марта митингов и демонстраций, и большинство жителей города не выходило 26—27 марта на улицу. Вечерние спектакли театров и показ фильмов проходили в полупустых залах. В НКАО армяне демонстрируют свое недовольство продолжением не только манифестаций, но и забастовок. Большинство рабочих и служащих области не вышли на работу в понедельник и вторник 28—29 марта. Показательно, что отказались работать в этот день и азербайджанцы.

Принятые решения открыли дорогу в Закавказье десяткам журналистов из всех центральных газет. Нехоту их встречают здесь более чем холодно. Как признает корреспондент «Известий» П. Гутионов, профессия журналиста в НКАО сегодня далеко не самая уважаемая. И в том, якобы, есть доля вины самих журналистов, т. к.

они давали в печать слишком «куцые» сообщения. Надо добавить, что главная вина лежит на руководителях, принуждавших не только к молчанию, но и к прямым фальсификациям. Особенно отличалась по части фальсификации газета «Правда». Так, например, популярный в Армении народный артист Р. Капаланян неожиданно обнаружил под демагогической заметкой в «Правде» свою фамилию, хотя он не писал и не подписывал этой заметки. Протест Капаланяна по поводу такой пиратской работы был опубликован только 17 марта и не в «Правде», а в газете «Советская культура». Особенное возмущение в Армении вызвали статьи в «Правде» от 21 и 22 марта. Дело дошло до того, что московские армяне пытались устроить возле редакции газеты демонстрацию, остановленную московской милицией. А корреспондент «Правды» по Армении Ю. Аракелян вынужден был публично отказаться от своей подписи под статьей «Эмоции и разум» (21 марта), и газета так же публично «приостановила его полномочия» как корреспондента «Правды» по Армянской ССР («Правда» 25 марта). Газета «Правда» откровенно намекает, что весь нынешний кризис вокруг Нагорного Карабаха порожден не дискриминацией армянского населения в Азербайджане, а попыткой руководства Армении отвлечь критику центральной печати в свой адрес. Это совершенно нелепое положение, ибо именно в дни массовых февральских демонстраций в Ереване армянское партийное руководство во главе с Демирчяном демонстрировало полную неспособность вести за собой армянскую нацию. Армянский народ выразил явное недоверие своим нынешним официальным лидерам. Миллионную демонстрацию и справедливое негодование армян «Правда» объясняет армянским национальным эгоизмом. Тенденциозно и лживо излагаются в «Правде» и события в Армении, и деятельность общественного комитета «Карабах». Газета игнорирует заявления и выступления уважаемых в Армении ученых, писателей, артистов, общественных деятелей, известных всему советскому народу, но произвольно цитирует (и то не без искажений) отдельные выступления людей, вроде К. Нагапетяна, который неизвестен в Ереване и проживает в Москве. Даже самые первые сообщения «Правды» из Закавказья еще в конце февраля вызвали возмущения в Армении и

Нагорный Карабах и объективно спровоцировали нежелательное развитие событий. Что должны думать десятки тысяч армян из Нагорного Карабаха, когда они читали в «Правде», что их справедливый протест спровоцирован безответственными экстремистскими элементами, и что их демонстрации сопровождалась «нарушениями общественного порядка». Между тем именно в НКАО в феврале и марте практически не зарегистрировано ни одного преступления, тогда как вспышки населения были в действительности спровоцированы в соседнем с НКАО Агдамском районе, где группа азербайджанских националистов сумела сколотить толпу из более чем двух тысяч азербайджанцев и провести ее в Нагорный Карабах «наводить порядок». В столкновении этой толпы с органами порядка и погибли двое азербайджанцев, что вызвало бегство сотен азербайджанских семей из Армении в Баку и дало толчок погрому и настоящей резне армянского населения Сумганта. Пресса молчала, а люди руководствовались слухами, которые становились все страшнее. Что же удивляться, что сегодня, когда газеты, наконец, заговорили, население Армении, да и Азербайджана, не верит ни корреспондентам, ни специальным прокурорам. Так, например, следственная группа в Сумганте упорно заявляет, что в ходе погромов в этом городе погибло 32 человека, из которых 26 армян и 6 азербайджанцев. Но слухи упорно увеличивают эту цифру до 300 и более человек, и Армения верит, что погромщики убивали не только стариков и женщин, но и маленьких детей, даже только что родившихся армянских детей, выбрасывая их в окно. Еще большее недовольство в Армении вызвала позиция местной прессы, которая ничего не писала о событиях, происходивших рядом — за окнами редакционных кабинетов.

Более объективную картину событий в Закавказье дает газета «Известия». Газета справедливо отмечает, что в Азербайджане реакция на решение народа НКАО была совсем иной, чем в Армении. Что руководители Азербайджана пытались отрицать допущенные ими ошибки, повсюду преобладало стремление «наказать неблагодарных» армян, живущих в Азербайджане. По свидетельству «Известий» (24 марта), и сейчас в ЦК КП Азербайджана склонны некритически смотреть на причины разыгравшегося кризиса. Азербайджанские руко-

водители ищут причины кризиса где-то далеко за границей, указывая на существование «подрывных центров на западе, пытающихся разыграть национальную армянскую карту».

Но разве не большего внимания заслуживает версия армянской общественности о влиянии на азербайджанцев активной пропаганды из Турции и Ирана. Если демонстранты в Ереване несли портреты Ленина и Горбачева, то среди отдельных групп азербайджанских националистов можно было видеть портреты Хомейни.

Только теперь положение в Армении и Азербайджане начинает меняться. Отменен комендантский час и выведены войска из Сумганта. Еще раньше комендантский час был отменен в Кировабаде, где страсти также накалялись до опасного предела, и армянские семьи вынуждены были вооружаться. Возвращаются в свои дома беженцы из разных городов и районов. Активно ведется следствие по поводу трагедии в Сумганте, и первые результаты расследования обещают обнародовать в начале апреля. Новые люди пришли к руководству в НКАО и в Сумганте. Можно не сомневаться, что новые люди придут и к руководству в ЦК КП Армении и ЦК КП Азербайджана. Можно, конечно, понять растерянность и осторожность тех московских руководителей, которые, вероятно, только в феврале 1988 г. узнали о существовании Нагорно-Карабахской автономной области и ее нелегких проблем. Но нельзя понять, ни тем более оправдать растерянность и недостойное поведение нынешних руководителей Армении и Азербайджана и их ближайшего окружения.

Восстанавливается в Закавказье порядок, но не прежний образ мыслей. Народ Армении и Азербайджана обрел в эти дни немалый новый опыт, получил важные уроки, в том числе и в отношении своих официальных и неофициальных лидеров. Нагорный Карабах остался в составе Азербайджана, но было бы опрометчиво заявлять, что это положение сохранится навсегда, «ибо земля у нас везде советская». События, подобно тем, которые происходили на наших глазах в Армении и Азербайджане, сохраняются в национальном сознании и памяти. Что касается армянского населения Нагорного Карабаха, то для народа здесь нормальная во всех

отношениях жизнь и работа станет только тогда, когда ясное и недвусмысленное волеизъявление народа этой небольшой горной области будет воплощено в жизнь фактически и юридически.

РОЙ МЕДВЕДЕВ

Опубликовано в газете «Лос-Анжелес таймс»,
апрель 1988 г.

ЗА СПОКОЙСТВИЕ И МУДРОСТЬ!

21 марта 1988 года я направил письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву, в котором изложил свою точку зрения по двум острым национальным проблемам: о возвращении крымских татар в Крым и о воссоединении Нагорного Карабаха с Арменией. Я призывал и призываю к решениям, основанным на спокойном, и по возможности, беспристрастном учете интересов каждого из народов нашей страны.

24 марта опубликовано Постановление Президиума Верховного Совета СССР о положении в Нагорном Карабахе. Однако в этом Постановлении не высказано отношение к решению областного Совета народных депутатов Нагорного Карабаха, я надеюсь, что это еще не последнее слово Верховного Совета и его Президиума.

Мне представляется необходимым в соответствии с Конституцией СССР рассмотреть ходатайство областного Совета народных депутатов Нагорного Карабаха в Верховном Совете Азербайджана и Верховном Совете Армении. В случае разногласия арбитражное решение должен вынести Верховный Совет СССР.

В эти тяжелые дни я обращаюсь с просьбой и призывом к народам Азербайджана и Армении полностью исключить насилие.

Было бы величайшей трагедией, если бы ответом на уже совершенные чудовищные преступления стали новые преступления.

АНДРЕЙ САХАРОВ, академик

«Московские новости», № 14,
3 апреля 1988 г.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Считаю необходимым привести упомянутое письмо А. Д. Сахарова, а также дополнение к нему, которое, как может убедиться читатель, было опубликовано в «Московских новостях» с одним существенно изменившим его смысл сокращением.

Открытое письмо М. С. Горбачеву

Глубокоуважаемый Михаил Сергеевич!

Я решил обратиться к Вам по двум наиболее острым в настоящее время национальным вопросам: о возвращении крымских татар в Крым и о воссоединении Нагорного Карабаха и Армении. В каждом из этих случаев речь идет об исправлении несправедливости в отношении к одному из народов нашей страны. Автономная национальная область Нагорный Карабах была присоединена к Азербайджанской ССР в 1923 г. В настоящее время примерно 75% населения составляют армяне, остальные — курды, русские, азербайджанцы. В 1923 г. доля армян была еще выше — до 90%. Исторически вся область Нагорный Карабах (Арцах) являлась частью Восточной Армении. Можно предполагать, что присоединение Нагорного Карабаха к Азербайджану было произведено по инициативе Сталина. В результате внутренних и внешнеполитических комбинаций того времени, вопреки воле населения Карабаха и вопреки предыдущим заявлениям Сталина и руководства Азербайджана, на протяжении последующих десятилетий оно явилось постоянным источником межнациональных трений. Вплоть до самого последнего времени имеют место многочисленные факты национальной дискриминации, диктата, ущемления армянской культуры.

В обстановке перестройки у армянского населения Карабаха возникла надежда на конституционное решение вопроса. 20-го февраля на сессии областного Совета депутатов было принято решение о ходатайстве перед Верховными Советами Азербайджана, СССР о передаче области в состав Армянской ССР. Ранее аналогичные решения были приняты на сессиях четырех из пяти районных советов депутатов. Решения районных и областного советов были поддержаны многотысячными мирными демонстрациями в области и в Армении. Несомненно, во всем этом

проявились новые демократические возможности, связанные с перестройкой. Однако дальнейшее развитие событий не было благоприятным. Вместо нормального конституционного рассмотрения ходатайства органов Советской власти начались маневры и уговоры, обращенные преимущественно к армянам. Одновременно появились сообщения в прессе и по телевидению, в которых события излагались неполно и односторонне, а законные просьбы армянского населения объявлялись экстремистскими, и заранее как бы предопределялся негативный ответ.

К сожалению, приходится констатировать, что уже не в первый раз в обострившейся ситуации гласность оказывается подавленной как раз тогда, когда она особенно нужна. Все это не могло не вызвать соответствующей реакции. В Ереване, в Нагорном Карабахе и в других местах произошли забастовки и новые демонстрации, которые носили законный мирный характер. Но в Азербайджане в последние дни февраля произошли события совсем другого рода: трагические, кровавые, вольно или невольно напоминающие 1915 год.

Я думаю, что события в Азербайджане, как и волнения 1986 г. в Алма-Ате, спровоцированы и, быть может, организованы силами местной антиперестроечной мафии в ее арьергардной борьбе. Так или иначе, перестройке брошен вызов. Я надеюсь, что руководство страны, Политбюро, ЦК КПСС, Верховный Совет найдут способ — соответствующий ситуации: решительный, демократический и конституционный.

Поднятые в этом письме проблемы стали пробным камнем перестройки, ее способности преодолеть сопротивление и груз прошлого. Нельзя вновь на десятилетия откладывать справедливое и неизбежное решение этих вопросов и оставлять в стране постоянные зоны напряжения.

С глубоким уважением.

Академик **АНДРЕЙ САХАРОВ**.

21 марта 1988 г.

Дополнение

Это письмо передано Генеральному секретарю 21 марта. Я считаю важным сделать к нему следующее до-

полнение. Я призываю к решениям, основанным на спокойном и по возможности беспристрастном учете интересов каждого из народов нашей страны. Мне представляется необходимым в соответствии с Конституцией СССР рассмотреть ходатайство Областного совета народных депутатов Нагорного Карабаха в Верховном Совете Азербайджанской ССР и в Верховном Совете Армянской ССР. В случае разногласия арбитражное решение должен вынести Верховный Совет СССР. Я призываю Верховные Советы Азербайджана, Армении и СССР учесть ясно выраженную волю большинства населения автономной области и областного совета как главное основание для принятия конституционного решения.

В эти тяжелые дни я обращаюсь с просьбой и призывом к народам Азербайджана и Армении полностью исключить насилие. Было бы величайшей трагедией, если бы ответом на уже совершенные чудовищные преступления стали бы новые.

24 марта опубликовано постановление Президиума Верховного Совета СССР о положении в Нагорном Карабахе. Однако в этом постановлении не высказано отношение к решению областного Совета. Я надеюсь, что это еще не последнее слово Верховного Совета СССР и его Президиума.

АНДРЕЙ САХАРОВ

(Письмо в «Огонек»)

В 9-м номере «Огонька» за этот год была опубликована хорошая карикатура — бюрократ, грозящий пальцем, и надпись «гласНОсть!» Карикатура вполне злободневная. Как в старые добрые времена, о событиях за рубежом мы знаем куда больше, чем о проблемах своей собственной страны. К примеру, о том, что творится в Палестине, можно узнать в любое время, стоит только включить телевизор или радио. А по поводу событий в Азербайджане и Армении слышим самые общие фразы о «необходимости больше уделять внимание вопросам национальных отношений» и о том, что «обстановка там нормализуется» (после чего?)

В программе «Время» 9 марта вся информация о событиях в Сумгаите заключалась в словах «случилось то, что случилось» и «негативные явления». Прекрасный урок для дипломатов — говорить 10 минут и не сообщить буквально ничего! Впрочем, таких «дипломатов» у нас на телевидении больше, чем нужно. Особенно изощренно умеют обходить острые углы наши участники телемостов. Прямо бери любого и посылай хоть в Штаты, хоть в Китай. Не подкачают! В последнем телемосте «Москва—Лондон» наши дорогие соотечественники, по-видимому, слегка увлеклись и забыли, что телевизор смотрят не только англичане. Интересно, где живут у нас эти люди, у которых все есть, которые отлично одеты, не любят ходить по магазинам и никогда не стоят в очередях, которые всегда и во всем согласны, вдумчиво обсуждая свое будущее? Странно. Не знаю, как подбирают этих участников телемостов, но впечатление они подчас производят убогое.

Я считаю, что демонстрируя образцы такой гласности, наше телевидение проявляет элементарное неуважение к своему народу. Игнорируется право каждого человека получать своевременную и полную информацию о том, что происходит не только в Новой Зеландии, но и в своей собственной стране.

С. ГОРЯЧЕВ, геофизик
Мурманск

«Огонек», № 18 (3171) 30
апреля—7 мая 1988.

НАГОРНЫЙ КАРАБАХ — СУМГАИТ

Полуночная программа Эстонского радио

27. 05 23⁰⁰ — 28. 05 00³⁰

Диктор: В течение десятилетий национальные вопросы в нашей стране замалчивались, оставались в пренебрежении. В ходе нынешней демократизации все искусственно подавлявшиеся проблемы неизбежно встают на повестку дня, нередко в очень острой форме. От успешного разрешения национальных проблем во многом за-

висит судьба всего процесса демократизации. Нельзя закрывать глаза на то, что люди и инстанции, которым не по душе происходящее обновление нашего общества, могут специально разжигать недоверие между народами, даже провоцировать столкновения. Поэтому Сумгаит — это не просто очередной трагический эпизод в истории армянского народа, это набат, который призван предупредить нас всех, разбудить нашу совесть.

В задачу этой передачи не входит всесторонний анализ событий — выявление всех их причин, обстоятельств и следствий. В еще меньшей мере мы можем взять на себя право судить народы. Нашей основной целью является солидарность с жертвами — с людьми, на долю которых выпали нечеловеческие страдания без малейшей вины с их стороны. В конце апреля в Закавказье был научный сотрудник Института кибернетики **Михаил Лотман**. Он рассказывает о своих впечатлениях об армяно-азербайджанском конфликте и его исторической перспективе. Армянские шараканы читает **Лембит Петерсон**.

М. Л. Не имея ни малейшей предвзятости или антипатии по отношению к азербайджанцам, поневоле склоняюсь к передаче этих событий так, как их видели и чувствовали армяне, ибо, согласно общечеловеческому принципу, сначала нужно выслушать пострадавшую сторону. До сих пор, к сожалению, этим пренебрегали. Передача эта не была бы возможна, если бы не помощь людей — армян, грузин, азербайджанцев, русских, — с которыми мне удалось общаться в конце апреля в Армении и Грузии. Всем им я глубоко признателен.

Музыка (М. Маштоц. Гимн)

Шаракан. В буквальном переводе означает «ряд жемчужин». Шаракан — это средневековое армянское духовное песнопение или стихотворение. Создателем этого жанра считается св. Месроп Маштоц (V в.); он же создатель армянского алфавита. Шараканы слагались до XV века. Самыми плодотворными были V—VII вв. («золотой век»). Следует отметить, что территория современной Армянской ССР — лишь малая часть той местности, которую армяне населяли на протяжении веков

и где в ходе исторического развития у них складывались различные типы разноименных государственных образований. Так, во II в. до н. э. сложилась так называемая Великая Армения, границы которой простирались от Каспийского до Средиземного моря. После распада Великой Армении возник целый ряд более мелких царств, например, Киликийское в Западной Армении, в Восточной Армении — в числе прочих — Албанское. Их жители называли себя по имени государств — киликийцами, албанцами и т. п., хотя этнически они были в основном армянами. Территория Албании включала в себя всю территорию Нагорного Карабаха. В Великой Армении эта территория составляла провинцию Арцах.

В начале IV в., точнее в 301 г., Армения приняла христианство; через несколько десятилетий христианство было принято и в Албании. Христианство в Армении имеет довольно экзотическую форму: это наследие монофизитской ереси, возникшей в Византии и вытесненной оттуда на периферию христианского мира (Армения, Северная Африка). Различие между армянами и албанцами было чисто политическим — ни этническим, ни культурным, ни языковым¹. В отличие от ортодоксального православия или католичества, монофизиты считают Христа лишь Богом, а не человеком. Поэтому и дистанция, отделяющая Бога от человека, здесь большая. Одной из основных тем шараканов является безусловная греховность человека, лишаящая его всякой надежды на спасение; единственное, что может его спасти — это Божья милость.

Музыка (дудук)

Л. П.: Согрешил я Тебе, Господи — очисти меня. Все согрешили, творили беззаконие, не соблюдали Твоих Заповедей: согрешили мы Тебе, Господи — очисти нас. Отложи, Господи, гнев твой, пусть мимо идет ярость Твоя: согрешили мы Тебе, Господи — очисти нас.

(дудук).

М. Л.: Перенесемся теперь совсем в другой ареал. Значительную часть Евразии занимает так называемая великая степь, простирающаяся от Восточной Европы до

Тихого океана. Населяли ее многочисленные племена скотоводов-кочевников; во времена, когда сочных пастбищ было достаточно, племена эти были в основном миролюбивыми. Однако периодически в великой степи происходили экологические катастрофы — засухи, в результате которых эти народы устремлялись в поисках новых пастбищ и завоевания их. Около 1000 лет назад в великой степи начался очередной засушливый период. Как известно, в эпицентре новой волны в эмиграции народов оказались монголы, которые теснили и «толкали» перед собой другие племена и народы. Среди них были и прототюрки — предки нынешних турок, азербайджанцев и других тюркских народов. Их прародина находилась в бассейне реки Енисей и где до сих пор сохранились уникальные рунические надписи прототюрков. Пройдя через Среднюю Азию, где уже за несколько веков до этого утвердилось тюркское влияние, тюркские племена устремились на запад, в Малую Азию. По пути часть из них вторглась в Закавказье. Это произошло во II-ой половине XI века. Огузы (называемые также по имени правящей династии сельджуками) завоевали большую территорию Закавказья и обосновались на территории нынешнего Азербайджана. Этногенез азербайджанского народа начался в XI в. и продолжался пару столетий. Уже в XIII в. почти все жители Азербайджана, а там наряду с тюркским были также и иранский и мн. др. этнических элементов, в своей обиходной речи пользовались тюркским языком, хотя языком литературы и культуры оставался иранский язык — фарси. Ситуация, когда народ говорит на другом языке, обычна в средневековом обществе, однако в Азербайджане это иногда приводит к доходящим чуть ли не до курьеза проблемам культурного наследия. Так, великого поэта Низами и мн. др. поэтов, живших на территории Азербайджана, но писавших на фарси и ориентировавшихся на персидскую культуру, считают своими классиками как азербайджанцы (тюрки), так и таджики (иранцы). В эстонской советской энциклопедии Низами назван лишь персидским поэтом. Вообще следует отметить, что само понятие «азербайджанская литература» обладает известной проблематичностью. Так, в столь авторитетном источнике как «Принстонская энциклопедия по поэзии и поэтике», вообще отсутствует статья

«Азербайджанская поэзия», хотя мы найдем там, к примеру, такие статьи, как «Эстонская», «Латышская», «Литовская», разумеется «Армянская» и «Грузинская поэзия». Все то, что мы считаем азербайджанской поэзией, разделено между иранской и турецкой литературой. После османского завоевания Византии почти вся территория Армении оказалась под турецким игом, Армения все более разделилась на две части: Западную и Восточную. Вся Западная Армения оказалась под властью Турции; последнее западноармянское государство — Киликийское царство прекратило свое существование в XIV в. В то время как Восточная Армения в своей культурной ориентации была связана с сохранением культурного наследия и национальной традиции, Западная Армения во все большей мере ориентировалась на европейскую культуру. Армянские колонисты жили во многих странах Европы; большая колония армян, например, в Венеции, где была основана и первая армянская типография. В 20-х гг. XIX в. Закавказье было присоединено к Российской империи, причем большая часть азербайджанцев осталась жить в Иране, а большая часть армян — в Турции. Если мы взглянем на проблему Нагорного Карабаха в историческом аспекте, то мы увидим, что значительная часть нынешних трудностей берет начало в административном членении царской России: область Нагорного Карабаха вошла в состав Елизаветпольской губернии, где большинство населения составляли азербайджанцы. Границы между губерниями проводились совершенно произвольно: руководствовались при этом размером территории и количеством населения, но не этническим составом этого населения. Это должно быть нам хорошо понятно: ср. границу между Эстляндской и Лифляндской губерниями. К счастью, эстонцам и латышам впоследствии удалось эту границу передвинуть так, что сейчас эстонцы живут в своих этнических и исторических пределах.

Когда в XIX в. Оттоманская империя начала ослабевать как в политическом и военном, так и в экономическом отношении, поработанные народы начали поднимать голову; восстали греки, сербы и др.; в 70-х годах восстали и армяне. Турецкие власти ответили политикой геноцида. Живущим на Балканах славянским народам оказала поддержку царская Россия, грекам помогали

англичане и др. Армянам же, жившим в глубине турецкой территории, пришлось вести борьбу в одиночку. В 70-х гг. начались массовые убийства армян Западной Армении. Европейская общественность ответила протестами и давлением на свои правительства, в результате чего в Берлине была подписана конвенция, согласно которой Турция должна была гарантировать права армян на национальное развитие. Однако договор этот остался клочком бумаги, и в 95-м г. по Западной Армении прокатилась еще более кровавая волна геноцида: в течение короткого времени было убито 200—300 тыс. человек. Вся прогрессивная Европа ответила протестами. Вот что, например, заявил Анатолий Франс:

Л. П.: Выступление на собрании в защиту Армении и Македонии
18. III. 1903.

Граждане, по приказу кровавого султана убито 300 000 армян. От вершин Тавра до склонов Арарата живет этот осиротевший народ с ножом, приставленным к горлу. В Македонии, в нескольких часах езды от Будапешта и Вены турецкие солдаты и чиновники убивают крестьян, жен и дочерей которых насилуют. Европа должна бороться против этих позорящих ее преступлений. К этому обязывает ее человечество; Берлинский договор дает ей на это полное право. (...)

Неужели султан, предавший Армению и Македонию произволу головорезов, не рисковал протестом со стороны великих держав? Его покровители — Германия, Англия и Франция — говорят ему: «Ты можешь убивать, если только ты нам заплатишь!» Если верить хитрецам, есть два сорта политики. Осторожная политика и наша. Мы же говорим, что перед лицом таких преступлений возможна лишь одна политика: общечеловеческая. Утверждают, что нам не хватает скромности и осторожности. Нет, если мы предвидим резню, которая через несколько дней потопит в крови Македонию; когда мы кричим каждому, кто нас слушает, что турецкий меч все еще угрожающе занесен над Арменией, то нам не недостает ни осторожности, ни мудрости. Осторожность не может заключаться в отрицании или замалчивании резни. Подлым молчанием оправдывать преступления —

это не осторожность. Трусость не является мудростью. Что за мудрость в молчании, если кровь жертв вопиет? Только наша политика мудра, потому что она искренна и откровенна, кривые пути приводят лишь к неожиданностям и опасностям. Лишь наша политика миролюбива, ибо она основана на чувствах цивилизованных народов, а народ везде ненавидит войну. Граждане, сочувствуя судьбе армян и македонцев не потому, что они христиане, а потому, что они люди, требуем их спасения и во имя укрепления всеобщего мира неукоснительного выполнения частей Берлинского договора, касающихся Армении и Македонии.

М. Л.: Протесты охватили и Российскую империю, включая и Эстонию. Как отметил профессор ТГУ Сергей Исаков: «Скорбная судьба далекого армянского народа была близка эстонцам еще и потому, что она ассоциировалась в их сознании с тяжелым положением самих эстонцев под игом чужеземных поработителей. Интерес к национально-освободительному движению сближал эстонских и армянских писателей» («Кеель я киряндус», 1982, № 12).

Еще более чудовищный акт геноцида был осуществлен в 1915 г., когда было убито около 1,5 млн. чел. Практически это означало истребление всего западно-армянского населения. Из Стамбула было вывезено в пустыню и там убито ок. 200 000 чел. В Стамбуле было арестовано 10 000 армян-интеллигентов и все они были уничтожены.

Отголоски политики геноцида, проводимой в Турции, имели место и в Российской империи, где также проживало много турков. В 1907-1908 гг. происходили кровавые столкновения; во многих городах и деревнях армянское население было практически ликвидировано. Одно из последних таких побоищ имело место как раз в Нагорном Карабахе, где в марте 20-го года войска мусаватистского Азербайджана совместно с турками уничтожили столицу Нагорного Карабаха Шушу. Ок. 40 000 чел. было убито. Цитирую статью «С позиции правды» из газеты «Советский Карабах» от 15 марта с. г. (авт. член СЖ СССР Г. Айвазян): «Помню март 1920 г. В то время мне было 10 лет. Мой родной город Шуша за несколько дней был сожжен, день и ночь языки пламени лизали стены домов, поднимаясь до неба. Тысячи невин-

ных людей, в том числе женщины, дети, старики, были зверски убиты. Губернатор мусаватистского правительства Султанов воодушевлял, подзадоривал преступников: убивайте, уничтожайте, отвечать буду я.

(...) Серго Орджоникидзе, будучи в Шуше, стал очевидцем событий: «Этот красивый армянский город был уничтожен; в колодцах я видел трупы женщин, детей», — вспоминал он позднее.

Через 10 лет в Шуше был великий русский поэт Осип Мандельштам. В 30-ом г. Шуша был по-прежнему мертвый город, вид которого произвел на поэта самое удручающее впечатление. В одном из его стихотворений встречаем такие строки: «Так, в Нагорном Карабахе, В хищном городе Шуше, Я изведаль эти страхи, Соприродные душе. Сорок тысяч мертвых окон Там глядит со всех сторон...» Мертвый город пробудил врожденные страхи, спрятанные у человека далеко в подсознании. Позже город стал заселяться мигрантами из Азербайджана; армян в Шуше не прописывают до сих пор...

1 декабря 1920 г. была установлена советская власть в Армении; в Азербайджане советская власть уже была установлена. Одним из первых шагов, предпринятых Советским Азербайджаном, был отказ в пользу Армении от тех армянских территорий, которые достались ему в наследство от царизма. В последнее время много говорится о различиях в ленинской и сталинской национальных политиках. В судьбе Нагорного Карабаха это отличие прослеживается довольно отчетливо. Ленин с самого начала поддерживал идею возвращения Армении спорных территорий. Так, в музее Ленина в Москве каждый может видеть карту, где рукой Ленина написано: «Нахичеван, Зангезур и Нагорный Карабах — Армения»². Любопытно отметить, что вначале был за это и Сталин. Так, в статье «Да здравствует Советская Армения», напечатанной в «Правде» 4. XII. 20 г. он писал:

«Ни живые заверения Англии, «Вековой защитницы» армянских интересов... ни широкообещательные обещания Лиги наций с ее «мандатом» на управление Арменией — не смогли (и не могли!) спасти Армению от резни и физического истребления. Только идея Советской власти принесла Армении мир и возможность национального обновления... 1 декабря Советский Азербайджан добро-

вольно отказывается от спорных провинций и декларирует передачу Советской Армении Зангезура, Нахичевана и Нагорного Карабаха. (...) Вековая вражда между Арменией и окружающими ее мусульманами решилась одним ударом, путем установления братской солидарности между трудящимися Армении, Турции, Азербайджана.

Пусть знают все, кому ведать подлежит, что так называемую армянскую «проблему», над которой тщетно ломали голову старые волки империалистической дипломатии, оказалась в силах разрешить только Советская власть. Да здравствует Советская Армения».

Однако очень скоро руководство Азербайджана изменило своему решению и стало требовать назад Нагорный Карабах. Нарком Азербайджана Нариманов мотивировал это тем, что в противном случае в Азербайджане поднимут голову антисоветские элементы. Позицию Нариманова поддержал Сталин, хотя остальные члены Кавбюро (Орджоникидзе, Киров и др.) голосовали против этого предложения. Сталину удалось без голосования решить спор в пользу Азербайджана. Дополнительным аргументом Нариманова стала нефть: от бакинской нефти зависела вся экономика страны.

Одновременно с этим Турция оккупировала ряд восточноармянских провинций (Карсскую обл. и др.); на территории Турции до сих пор оказывается национальный символ армян — Арарат. Турция требовала общей границы с Азербайджаном в результате чего (опять-таки не без помощи Сталина) Нахичеван был передан Азербайджану, причем в советско-турецком договоре Нахичеван рассматривается в качестве азербайджанского протектората. На нашем политическом языке он автономная республика, для турок — протекторат.

После смерти Сталина жители Нагорного Карабаха возобновили борьбу за воссоединение с Арменией. Петиция 65-го г. собрала 45 000 подписей; попытки не прекращались и в 70-е гг., когда в Москву было послано несколько петиций, однако кульминации достиг этот процесс в начале этого года, когда все партийные и советские организации Нагорного Карабаха проголосовали за присоединение области к Армении. Почему же карабахцы не хотят жить в составе Азербайджанской ССР? Приводятся четыре ряда причин. Во-первых, демогра-

фические процессы: в конце прошлого столетия армянского населения в Нагорном Карабахе было ок. 95%, в 20-х — ок. 90%, сейчас — ок. 75%. Причем армянское население сокращается не только процентуально, но и абсолютно: сейчас армян примерно на 30 000 меньше, чем в 1926 г. Вторая причина — в политике в области культуры и просвещения. Поскольку все культурные и образовательные учреждения подчинены соответствующим ведомствам Азербайджана, национальные интересы армян дискриминированы. Школ с армянским языком обучения мало. В школах не преподается история Армении, вместо нее учащиеся должны изучать историю Азербайджана, причем последняя подается в форме, оскорбляющей национальные чувства армян, особенно же карабахцев. Следующая причина связана с охраной древностей. В Нагорном Карабахе сохранилось большое число значительных памятников архитектуры и культуры. Судьба их прискорбна. Старые церкви — некоторые из них X века — ломаются. В одной церкви устроена уборная. Старые кладбища оскверняются. Уникальные армянские хачкары (стелы с изображением креста) измельчаются в щебенку и используются для прокладки дорог. Между прочим, и в Турции уничтожается большинство памятников, связанных с армянской культурой. Наконец, последняя причина связана с экологией. Азербайджанцы — овцеводы; они заинтересованы в больших пастбищах. Для расширения площади пастбищ в горах вырубается леса. Однако в горах очень сильная эрозия почвы, они постепенно превращаются в пустыни. Всякий, кто путешествовал по Закавказью, отчетливо видит разницу между горами северной Грузии, покрытыми лесом и плодовыми садами, и южной Грузии, где только песок и камни: несколько столетий назад турки вырубали там леса для расширения площади пастбищ. Сейчас этих пастбищ больше нет.

Карабахцы хорошо помнят судьбу Нахичевана, где сейчас армян практически не осталось. После ряда массовых преследований начала века в 20-х гг. там оставалось немногим более трети армянского населения; в 26-м г. ими составляло уже лишь 11%, а в 1970-х — 1,4%; сейчас менее 1%.

Требования карабахцев поддержали жители Армении, особенно Еревана. В феврале там начались массовые

митинги и демонстрации, достигшие своей кульминации 25 и 26. II. В отдельные моменты число демонстрантов достигало 1 200 000 человек. Это были крупнейшие демонстрации в истории СССР. Демонстрации эти были мирными, требования, выдвигаемые манифестантами, находятся в полном соответствии с конституцией нашей страны. Ереванские демонстрации продолжались почти десять дней, но в течение всего этого времени в столице Арм. ССР не было совершено ни одно преступление, ни одно сколько-нибудь серьезное нарушение общественного порядка. Когда демонстранты затоптали клумбу, то после окончания демонстрации добровольцы ее восстановили; даже ереванские воры решили в эти дни воздержаться от воровства... В магазины Армении и Нагорного Карабаха была в больших количествах завезена водка, но население ее практически не покупало. Следует также подчеркнуть, что ереванские демонстрации не были направлены ни против одного народа, в том числе азербайджанского. Манифесты специально указывали, что азербайджанский народ не несет ответственности за преступления сталинского режима, направленные против целых народов.

О ереванских демонстрациях известно довольно широко; гораздо меньше — о проходивших в Тбилиси демонстрациях в поддержку требований жителей Нагорного Карабаха, в которых участвовали и грузины. Позже я беседовал с грузинскими учеными. Я спросил у одного из участников этих демонстраций, была ли их цель только поддержка армян. Не только, ответил он: в Азербайджане есть целый ряд грузинских поселений, жители которых подвергаются, как он сказал, «белому геноциду». Это значит: делается все для того, чтобы народ прекратил на данной территории свое существование, не прибегая, однако, к кровавым деяниям.

В Ереване армян поддерживали и курды, что, по-моему, особенно знаменательно, поскольку курды — мусульмане (как азербайджанцы), а не христиане (как армяне). Тем не менее, они ходатайствуют о присоединении района их проживания в Азербайджане к Армении: в Армении у курдов есть возможность получать образование на родном языке, имеется курдская газета и т. п., в то время как в Азербайджане ничего этого нет. Более того, в Аз. ССР — курды дискриминируемый народ. Цитирую

письмо курдов Генеральному секретарю КПСС: «... пробудившийся в сталинские времена пантюркизм действовал тайно, маскируясь знаменем марксизма-ленинизма. И сегодня официально отрицается существование в Азербайджане компактного курдского населения, фальсифицируется перепись, постоянно занижается численность курдов. Нет курдских писателей, артистов, художников, работников советского и партийного аппаратов. Для того, чтобы занять ответственную должность, для курда непременным условием является в паспорте отметка об азербайджанской национальности. Разве можно назвать это равенством и братством? (...) Вновь и вновь мы просим, требуем удовлетворить просьбу курдского населения Азербайджана, отнестись с уважением к нашему ходатайству и ввести граничащие с Арменией (курдские) районы в состав Армянской ССР и спасти их от белого геноцида, который был начат азербайджанскими властями с 1929 года и продолжается до сих пор. Перестройка и демократизация для курдского народа начинаются с коренного пересмотра судьбы и положения курдского населения Азербайджана».

26. 2. Генеральный секретарь КПСС Горбачев обратился к азербайджанскому и армянскому народам. В ответ на его призыв 27. 02. армяне прекратили демонстрации. 27. 02. была суббота, но жители Еревана вышли на работу; работали они и в воскресенье 28. 02. В субботу 27. 02. в Сумгаите и некоторых других городах Азербайджана начались погромы³.

Музыка

Сумгаитские события освещались недостаточно и крайне неясно. Большинство сообщений подавалось нам в соответствии с худшими традициями застойных времен. Как написал один из читателей «Огонька», они могут побить все рекорды туманности формулировок. В качестве примера он приводит такие выдержки, как «когда случилось то, что случилось» и т. п. В статье «Тревожные дни» («Собеседник», № 15, апр. 1988), например, сказано: «Что последовало дальше, всем известно», однако авторы забыли указать, откуда это известно. Тем не менее, некоторая правдивая информация

содержится и в этой публикации. Например, там сказано, что 26 марта в Армении было 2669 сумгаитских беженцев. Примерно ту же цифру дает «Правда» от 11 мая, где сказано, что сейчас в Сумгаите пустоет около 1200 рабочих мест. Приведу небольшую цитату из «Собеседника»: «Директор пансионата «Шушан», где размещены беженцы из Сумгаита, Р. Сафарян рассказал нам, что многие приезжие, по мнению врачей, страдают нервно-психическими расстройствами; один из прибывших умер от инфаркта». И далее: «В блокнотах и на магнитофонной пленке другие исповеди: там примеры зверств, насилия, мародерства — просто не верится, что все это могло случиться на нашей земле» (с. 12). Однако, что же именно содержится в этих «исповедях», авторы не сообщают. По-моему, ужасные страдания, выпавшие на долю этих людей, заслуживают по крайней мере того, чтобы мы их наконец выслушали. Хочу обратить внимание на то, что даже так жестоко пострадавшие люди не переносят свой гнев на азербайджанский народ и сердечно признательны всем азербайджанцам, которые помогли им в беде. И еще одно предварительное замечание: я прошу всех родителей, чьи дети в этот поздний час еще не спят, отослать их от радио: мы должны эти вещи знать, психику детей следует щадить»

Музыка

Л. П.: Говорит Юрий Ишханян, бригадир-электромонтер 27 числа это началось. Днем на площади был митинг, приехал Сеидов (Председатель Совета министров АзССР). У них были лозунги: «Долой армян из Сумгаита», «Хотим крови армян», «Эрмени—эрмиви» (смерть армянам). И вот руководители горкома партии и республики — все они были на трибуне. Вечером первый секретарь горкома Муслим-заде впереди этой шайки встал, ему дали плакат. Пошли по городу. Остановливали машины. Если машина с армянским номером, то невзирая на то, что там азербайджанцы, они эту машину сжигали. А если армянин, значит, и убивали, и машину сжигали. Разгромили автовокзал. Армян вытаскивали из автобусов и убивали. О том, что было 28-го, рассказывать страшно. Начали они с 3-го микрорайона, основная

часть армян там живет. Там ни одной квартиры не оставили. У меня там брат живет, они в последнюю секунду убежали через балкон. Без денег, почти голые... 29-го мой русский товарищ пришел узнать, что с нами. Пришел и взрослый мужчина, начал плакать: людей с балкона бросают, в 3-м микрорайоне на улице Мира девочку за волосы вытащили на балкон и сбросили с 5 этажа... 29-го убили наших родственников, которые жили в 41-м квартале. Его звали Согомон Мелкумян — он очень известный специалист в Сумгаите, даже председатель горисполкома его друг. Он, видать, надеялся, что его не тронут. Убили его, двух сыновей, дочку, жену. Только невестку с ребенком успели передать через балконы (эта невестка — моя племянница). Над дочкой Согомона издевались на улице: раздели, потом облили бензином и заживо сожгли... а его жену ранили дома, она выбежала на улицу и лежит раненая, а их мальчишки кричат «добивайте ее!» и стали палками бить, пока не убили... а нашего зятя — его звали Эдик Мелкумян — сожгли на костре... Племянница плакала: ничего от Эдика не осталось, один пепел... Трупы хоронили по всему Апшерону. Наших, например, похоронили в 70 км от Сумгаита. Никого на похороны не пустили, только племянница была и другая невестка... В нашем доме три армянские семьи были, их всех перерезали...

М. Л.: Я живу в Сумгаите. Вот что я своими глазами видел... видел. Немец таких вещей не делал. Своими глазами видел, как дома сжигали, женщину убивали, девушку бросили в огонь... Я не могу говорить, просто знайте, таких случаев было много... Целыми семьями вырезали... всех... молодую девушку... да еще как... Даже грудных детей голыми выкидывали... Простите меня, не могу. Много мог сказать, не могу (плачет). Это все я сам видел. В нашем квартале все армянские дома испортили — 100%. В 3-м микрорайоне. В 8-м. Представьте: в нашем квартале я один живой остался... Я подготовился: взял бензин, кислоту. С топором вышел к двери, встал... трижды подходили, чтобы напасть... испугались, не подошли... закричали «дальше, дальше» и ушли. Из 2000 только мы целы остались...

(дудук)

Л. П.: О святой Стефан! Ты, который просил прощения толпе, метавшей в тебя камнями, моли ныне Сидящего одесную Отца также за нас, твоих поклонников. Ты, первый из свидетелей, который удостоился принять мученический венец, будь заступником нашим перед Венчающим святыми.

(дудук)

Л. П.: Говорит Рузанна Авакян, секретарь-машинистка 28 февраля мама пришла с работы и стала нервно срывать с двери табличку «Авакян». Мы говорим: «Зачем ты срываешь? стыдно ведь: соседи подумают, что мы испугались». А мать отвечает: «Вы не знаете того, что я видела: в 3-м микрорайоне в квартиры врываются... на троллейбусной остановке я увидела убитую молодую женщину, а ее ребенку—грудному ребенку—завязали веревку на шею и тащили за собой...» В 6 часов вечера эти бандиты приехали на грузовике... пошли в соседний дом, поднялись на 4-й этаж, но там уже никого не было. Они выбросили оттуда все вещи и подожгли их... Потом поднялись на 5-й этаж, там тоже жили армяне... Девушку раздели догола, я своими глазами видела, как ее вывели... Мать и брата избивали в подъезде... Девушку вывели догола раздетую. Она просила по-азербайджански «Братцы мои! не надо, пожалейте меня...» Они говорят «Какие мы тебе братья, сволочь!» Ее стали избивать увели в чайхану... издевались над ней... насильовали ее... обливали горячим чаем... потом стали сигаретами прижигать... От соседей мы узнали, что она сошла с ума. Сейчас она в больнице. Зовут ее Галя.

Еще я знаю: в 4-м микрорайоне в 16-м доме с балкона сбросили ребенка. Над матерью хотели издеваться, но она с дикой силой оттолкнула этих людей и крикнула, уже стоя на перилах: «Я иду за своим ребенком, не дамся вам» и бросилась вниз. Оба погибли... ее мужа не было в городе... Ребенку было 3 года, матери — 24.

Наш сосед-азербайджанец, который нас спас — его зовут Гюльмамед Мамедов — рассказывал, что нашему первому секретарю горкома партии Муслиму-заде дали в руки зеленый мусульманский флаг и он шел с этим флагом впереди. Сосед сказал: перед Муслимом-заде повернули машину, там была одна азербайджанка, 2-3 армянки и шофер-армянин, Машину подожгли... Азербай-

джанка просит: «Я азербайджанка, меня не убивайте», а они: «Что ты, азербайджанка, делаешь в армянской машине». Машину подожгли, а Муслим-заде даже не отвернулся: на его глазах так убивали людей.

(дудук)

Л. П.: Блаженные святые младенцы, как мужественные поборники, приняли смерть за Сына Божия. Трупы святых младенцев, как цветы гранатового дерева, побитые градом, лежали в святом Вифлееме; а души их, как стадо голубей, взлетели на небо и были причислены к небесным ангелам.

(дудук)

М. Л.: Говорит Жора Тамразян: ... 27 февраля день рождения двоюродного брата моей жены. Наши пошли его поздравить, я не пошел. Потом вижу на улице толпа 500—600 человек с криками. Вышел на балкон. Наверху один азербайджанец живет, он говорит: «Жора, иди к нам, вдруг и тебя придут убивать». «Нет», говорю, быстро выбежал, сел в такси, поехал к семье. Еду, вижу на площади Ленина митинг, напротив горкома партии. Сказал таксисту: «Стою, я выхожу». Вышел, вижу красивая женщина, красиво, по-современному одетая, ведет митинг. Это была второй секретарь горкома Байрамова. Потом (после погрома) нас, партийных, собрали на сессию горкома. Один парень встал и сказал: «Я сам слышал, как во время митинга вы призывали к крови армян». Я сказал: «Правильно, я тоже это видел». 1-ый и 11-ый секретари Сумгантского горкома не отрицали этого. 1-ый секретарь Муслим-заде сказал: «Я не понимал, что я делаю, куда иду, но я взял флаг в руки и пошел, а бандиты за мной. Только тогда, когда я увидел, как сжигали машину, я понял, что поступаю неправильно, иду не по линии партии. До этого не понимал, что делаю». Что еще рассказать, — рядом с нами в 41 квартале жену и мужа убили, двух девушек убили, двух парней убили. У моего друга 17-летнюю дочь убили, после чего сделали армянский крест, облили бензином и всех сожгли... До резни у нас с азербайджанцами были очень хорошие отношения. Я никак не мог предви-

деть, что такое может случиться. Я даже породнился с ними: «кирвой» у них был, кумом то есть. Жили дружно, как одна семья. Мы сами не понимаем, как все это могло произойти. Некоторые азербайджанцы сами говорят: «Ненавидим мы этих своих, лучше б они не жили в этом мире».

(дудук)

Л. П.: Голоса с небес наполнили земли; ибо вы, как запах благоухания, распространились перед Христом; вы принесли себя как посвященные Богу. Телесная, блестящая ваша красота обезумила царя и изумленных язычников; бодрые же духи при виде дивной богоданной красоты дев ликовали с людьми.

(дудук)

Л. П.: Говорит Раиса Даллакян, учительница иностранных языков:... после погрома мы были в клубе. Подошла моя ученица (она кончила 10-ый класс). Имени ее я не называю—стыдно. Подошла в одеяле, лица не видно. Я обняла, поцеловала ее руки, спрашиваю, что случилось?... Она была в шоковом состоянии... все рассказала... Она очень красивая девушка... Ворвались к ней домой и 17 человек ее изнасиловали. Между собой спорили, кто первый... Первым стал один сорокалетний, за ним другие. Из них 7-х она знала—они из микрорайона. Нельзя передать, в каком она состоянии. Она распахнула одеяло—смотрите. На ее теле выжжен папиросами крест. Мне стало плохо, начала плакать... муж тоже заплакал, все, кто там были, заплакали. Она пошла в больницу. Врач ей сказал: ничего с тобой не сделали, уходи: ты сбманыраешь. Ваши парни наших девушек сделали, а наши—нас (это врач сказал)... Ее сестру тоже изнасиловали. Ее мать и отец рядом стояли, отец хотел помешать, его так избили, что он не мог встать, мать тоже свалили... Только самая младшая сестра успела выскочить и спаслась... Другая моя ученица—Рузанна Адамян, тоже ее в клуб привезли. Ее отца и деда убили⁴. Так на улице и остались лежать... Что я еще видела? Видела, как человека сожгли—он в нашем

доме на 10-м этаже жил. Он в машине был, машину подожгли—он хотел выйти, его не выпустили. Десять сожженных машин я своими глазами видела... И такое впечатление, что все это было сверху организовано. Три дня людей убивали... Потом нас в клубе собрали. Там солдаты дважды ловили азербайджанских подростков, которые хотели поджечь нас. У них были бутылки с бензином...

М. Л.: Одна женщина не назвала своего имени, т. к. ее брат в Москве занимается, как она сказала, высокий ответственный пост.

...У моей двоюродной сестры мужа сожгли. Он служил в Афганистане два года—ни одного ранения не получил, а у себя дома его порезали на кусочки и сожгли во дворе. Брата его убили, сестру, мать, отца... всю семью... Мой старший мальчик (он во втором классе) начал думать: почему нас убивают? почему мы армяне? почему нас убивают, а русских не убивают? Он даже говорит моей маме: «Бабуль, давай будем русскими, чтобы нас не убивали». Ночью просыпается, спрашивает: бабуль, там еще убивают? машина еще горит? Он ведь весь этот ужас видел... Вообще наше горе невозможно описать... Убили близкого друга мужа Арама Арамяна (мой мальчик в честь его назван Арамом). Отца его убили, брат пытался убежать—ему подставили ногу... потом сожгли. Его бедная мать только по ногам узнала, что это Артур Арамян...

(Музыка)

Л. П.: Ужасен день кончины и страшен день суда—в тот день страшного суда не отринь, не презри купленных ценою Твоей крови—во втором Твоем пришествии приди мне на помощь. Я увидел страшный суд твой, о Судья, и ужаснулся; ибо он застал меня не готовым, о Царь веков—во этом Твоем пришествии приди мне на помощь.

(Музыка)

М. Л.: Таких показаний можно было бы привести еще много. Отметим еще некоторые обстоятельства. Практически все беженцы из Сумганта утверждают, что за не-

которое время до начала в Сумгаите, а также в некоторых других городах Азербайджана (например, к Кировабаде), была проведена перепись армянского населения, причем списки — не знаю случайно или нет — попали в руки бандитов, которые приходили по конкретным адресам искать конкретных людей. Другое обстоятельство: 27. 02 во многих квартирах армян был отключен телефон; у соседей — азербайджанцев — телефон работал, у армян — нет. Далее, за несколько дней до начала событий в Сумгаите на самосвалах были привезены камни и свалены на улицу. В одном из сумгаитских заводов организована заточка железных прутьев, которыми, как и топорами, орудовали бандиты...

Когда мы думаем об этих кошмарных событиях, мы не можем обойти стороной и роль средств массовой информации в их развитии. Азербайджанцам постоянно давалась ложная информация о том, что происходит в Армении: им внушались чувства недоверия и опасности. Просмотр русскоязычной азербайджанской прессы показывает, что вплоть до 27. 02 она полна угроз и оскорблений в адрес армян: они названы экстремистами, подонками, подлецами... Однако еще более противно мне было читать газеты, вышедшие после 27. 02: ни слова об убийствах, зато очень много громких слов об интернационализме и братстве народов... Встречается также немало намеков и прямых заявлений на тему, что вся проблема Нагорного Карабаха — не что иное, как провокация, устроенная армянскими эмигрантами. В наиболее яркой форме этой темы коснулась телевизионная передача «Публицист» (8 марта), где ситуация в Армении сравнивалась с Прибалтикой. Как нечто само собой разумеющееся, утверждалось, что это национальное движение целиком инспирировано эмигрантами. Академик АН Азербайджана Нгмазова точно знает, что эстонское национальное движение направляют и финансируют эстонские эмигранты из Швеции. Она даже указала точную цифру 3 500 000 марок. То, что в Швеции денежной единицей является крона, ее несколько не смущает. Все это показывает лишь уровень самих авторов таких передач и статей, соответствие их слов и дел.

Мы слышали, как соседи-азербайджанцы спасали своих соседей и друзей; многие из них сами погибли за то, что прятали армян, но мы не можем не пройти и ми-

мо того, как повела себя в этой ситуации по крайней мере часть азербайджанской интеллигенции. Так, известный и в Эстонии писатель Анар, писатель безусловно талантливый, к творчеству которого я испытываю уважение, в ряде своих выступлений заявлял, что азербайджанцев хотят вытеснить в море, отняв у них Нагорный Карабах, что азербайджанцы как народ в опасности. Передо мной потрясающий документ, полученный в сумгаитские дни АН Арм. ССР. Зачитываю телеграмму:

ПРЕЗИДЕНТУ АН АРМ. ССР В. А. АМБАРЦУМЯНУ

Зываем к вашей совести. Третий раз за неполные сто лет армяне являются зачинщиками жестоких столкновений между братскими народами. Обратитесь к вашей интеллигенции, остановите бесчинства ваших сограждан. Как можно требовать землю соседа?! Азербайджан — не пирог, от которого можно отрезать лакомый кусок. Если не вы, то кто остановит разбушевавшуюся толпу, это ведь на руку только зарубежным армянам-экстремистам. Наш интернациональный долг — предупредить об этом вас.

Сотрудники АН Азерб. ССР 240 подписей

Это значит, что боины конца века и геноцид 1915 г. устроены армянами, а не их братским турецким народом. Самые шовинистические заявления в последнее время обязательно содержат выражения типа «братство народов», «интернациональный долг», «дружба народов» и т. п. Как было сказано в письме курдов: пантюркизм в данном случае очень успешно прикрывается марксизмом-ленинизмом.

Что же дальше? Различные инстанции нас заверили, что ничего подобного в Сумгаите больше не произойдет, но голословными обещаниями проблему не решить. Очаги напряжения подавлены, но они сохраняются.

В последнее время наше государство предприняло ряд очень смелых шагов в области внешней политики и достигло многообещающих результатов. Аналогичный прорыв должен быть сделан и при решении национальных проблем нашего государства. Здесь нужно поистине

новое мышление. Настоящий интернационализм и братство не могут быть воздвигнуты на фундаменте из лжи и несправедливости.

(Музыка)

Дикт.: В течение десятилетий национальные вопросы в нашей стране замалчивались, находились в пренебрежении. В ходе нынешней демократизации все искусственно подавлявшиеся проблемы неизбежно встают на повестку дня, нередко в очень острой форме. От успеха решения национальных проблем во многом зависит судьба всего процесса демократизации. Нельзя закрывать глаза и на то, что люди и инстанции, которым не по душе происходящее обновление нашего общества, могут специально разжигать недоверие между народами, даже провоцировать столкновения. Поэтому Сумгаит — не просто очередной эпизод трагической истории армянского народа, — это набат, который призван предупредить нас всех, разбудить нашу совесть.

В студии были Михаил Лотман и Лембит Петерсон.

Музыка

В заключительные минуты передачи звучит музыка Комитаса. Пару слов об авторе. Комитас (наст. имя — Согомон Согомонян) был выдающимся армянским композитором и деятелем национальной культуры. Он окончил духовную академию в Эчмиадзине и консерваторию в Берлине. С 1910 г. жил в Константинополе — Стамбуле, где стал свидетелем резни 1915 г. Ему удалось спастись, но в результате увиденного и пережитого он сошел с ума, и хотя он прожил еще 20 лет, его творческий путь окончился в 1915 г.

Музыка

Радиопередача Эстонского радио с некоторыми сокращениями была помещена в финской газете «Хельсингин саномат», 3 июня 1988 г.

ПРИМЕЧАНИЯ К РАДИОПЕРЕДАЧЕ М. ЛОТМАНА

1. Такая ситуация сложилась к раннему средневековью, тогда как ранее собственно Албания, область, находившаяся по левую сторону Куры, была населена преимущественно кавказоязычными племенами.

2. На карте подобной надписи нет, однако Нахичеван, Зангезур и Карабах на карте включены в состав Армении.

3. Волнения в Сумгаите начались 26 февраля, после состоявшегося перед зданием горкома митинга.

4. Дед Рузанны остался жив, погиб отец — Рафик Амбарцумович Товмасян, 1956 г. рождения, который вместе с тестем, Адамяном Грантом, оборонялся в квартире соседей Трдатовых в течение восьми часов. Бандиты пытались проникнуть в дверь, в пролом перегородки из соседней квартиры, с балкона верхнего этажа и, наконец, по лестнице пожарной машины, прибывшей в подкреплении.

П

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ПЕРЕСТРОЙКИ*

Другая особо острая национальная проблема, о которой я писал, — судьба Нагорного Карабаха. Автономная национальная область Нагорный Карабах была присоединена к Азербайджанской ССР в 1923 году. В настоящее время примерно 75% населения области составляют армяне, остальные 25% — азербайджанцы, русские и курды. В 1923 г. доля армян была еще выше — до 90%. Исторически вся область Нагорный Карабах (Арцах) являлась частью Восточной Армении. Можно предположить, что присоединение Нагорного Карабаха к Азербайджану было произведено по инициативе Сталина в результате внутренних и внешнеполитических комбинаций того времени. Присоединение было произведено вопреки воле населения Карабаха. На протяжении последующих десятилетий оно являлось постоянным источником межнациональных трений. Вплоть до самого последнего времени имели место многочисленные факты национальной дискриминации армян, диктата, ущемления национальной культуры.

В обстановке перестройки у армянского населения Карабаха возникла надежда на конституционное решение вопроса. 20 февраля 1988 года на сессии областного

Совета народных депутатов было принято решение о ходатайстве перед Верховными Советами Азербайджана, Армении и СССР о передаче области в состав Армянской ССР. Ранее аналогичные решения были приняты на сессиях четырех из пяти районных Советов народных депутатов. Решения районных и областных Советов были поддержаны многочисленными мирными демонстрациями и митингами в области и Армении. Несомненно, во всем этом проявились новые демократические возможности, связанные с перестройкой. Однако дальнейшее развитие событий не было благоприятным. Вместо нормального конституционного рассмотрения ходатайств органом Советской власти начались маневры и уговоры, обращенные преимущественно к армянам, одновременно появились сообщения в печати и телевидении, в которых события излагались нелепо и односторонне, а законные просьбы армянского населения объявлялись экстремистскими и заранее как бы предопределялся негативный ответ. К сожалению, приходится констатировать, что уже не в первый раз гласность оказывается подавленной — как раз тогда, когда она особенно нужна. Все это, естественно, не могло не вызвать соответствующей реакции. В Ереване, Нагорном Карабахе и других местах прошли новые демонстрации, забастовки и митинги, которые, однако, носили законный и мирный характер. Но в Азербайджане в последние дни февраля произошли события совсем другого рода — трагические и кровавые, вызывающие в памяти страшные картины геноцида 1915 года. Опять убийства женщин и детей, чудовищные зверства, насилие и издевательства. Я думаю, что события в Азербайджане, также как волнения 1986 г. в Алма-Ате, были спровоцированы и, быть может, организованы силами местной антиперестроечной мафии, как ее арьергардные (хотелось бы надеяться!) бои. 23 марта я написал дополнение к письму. В нем я пишу: «Мне представляется необходимым в соответствии с Конституцией СССР рассмотреть ходатайства областного Совета народных депутатов Нагорного Карабаха в Верховном Совете Армении и Верховном Совете Азербайджана: в случае разногласия арбитражное решение должен вынести Верховный Совет СССР. В эти тяжелые дни я обращаюсь с просьбой и призывом к народам Азербайджана и Армении полностью исключить насилие.» В

тот же день было опубликовано Постановление Президиума Верховного Совета СССР, в котором без упоминания о решениях областного Совета народных депутатов автономной области отвергалась возможность пересмотра территориальных границ в обстановке давления и нагнетания страстей как крайне опасное действие с непредсказуемыми последствиями. По моему мнению, к крайне опасным последствиям для процесса перестройки может привести именно игнорирование демократического волеизъявления народа, решения органа Советской власти, отступление перед шантажом антиперестроечных сил. Не случайно преступление в Сумгаите произошло тогда, когда выявились признаки неуверенности в позиции центральных властей. Я надеюсь, что Постановление от 23 марта не последнее слово Верховного Совета СССР и его Президиума по этой проблеме.

С началом перестройки на поверхность вышли многие острые проблемы, до этого существовавшие подспудно, — социальные, экономические, нравственные, культурные и, к сожалению, национальные. Они стали пробным камнем перестройки — ее способности преодолеть сопротивление и груз прошлого. Вера людей в перестройку в значительной степени зависит от того, будут ли тут дела соответствовать словам. К числу таких ключевых проблем относятся: возвращение крымских татар в Крым и воссоединение Арцаха (Нагорный Карабах) с Арменией. Нельзя вновь на десятилетия откладывать справедливое и неизбежное решение этих вопросов и оставлять в стране постоянные зоны напряжения.

А. Д. САХАРОВ

* Отрывок из статьи в кн. 1
«Иного не дано, М; 1988.

КАРАБАХ

ПО МАТЕРИАЛАМ,
ПРЕДОСТАВЛЕННЫМ КОРРЕСПОНДЕНТАМИ
ИЗ АРМЕНИИ

События, произошедшие в НКАО, и дальнейший их ход нам предстоит осмысливать еще долго. Чем больше погружаешься в материалы и документы по этому вопросу, тем тяжелее свыкнуться с мыслью, что это произошло в наши дни, в нашей стране. А потом бесконечно гнетущие вопросы: «Кому это выгодно? Кому? Зачем? Чего ОНИ хотели добиться?»

Историческая справка (Нагорный Карабах в 1918—1923 гг.).

В 1918—1923 гг., когда антисоветские силы Закавказья отторгли край от Советской России, мусаватистское правительство неоднократно пыталось захватить Нагорный Карабах, Нахичеван и Зангезур. Трудовое армянское крестьянство этих областей с оружием в руках отстаивало свое право и землю от этих посягательств. 3 июня 1919 г. член Военного Совета XI Красной Армии С. М. Киров, подчеркивая несостоятельность требований мусаватистов, сообщил В. И. Ленину, что армянские области «Карабах и Зангезур не признают азербайджанского правительства». В 1918—1920 гг. власть в Нагорном Карабахе находилась в руках Армянского национального Совета.

После победы Советской власти в Азербайджане (1920 г.) Н. Нариманов, под предлогом не допустить усиления дашнакской Армении и якобы не дискредитировать Советскую власть в Азербайджане, требовал присоединить Нагорный Карабах, Нахичеван и Зангезур к Азербайджану. Эту точку зрения поддерживал Сталин. В телеграмме на имя тов. Орджоникидзе, упрекая последнего в лавировании, он писал: «Мое мнение такое, что нужно определенно защищать одну из сторон в данном случае Азербайджан вместе с Турцией». Н. Нариманов говорил: «Никто в мире не в состоянии помешать нам повлиять на население указанных областей высказаться за соединение с Азербайджаном». И руководство Азербайджана стало действовать гибко.

Из писем председателя Карабахского губернского ревкома Асада Караева Герусинскому уездному ревкому.

19 июля 1920 г.

«Глубоко ошибочна была ваша старая политика, т. е. занятие Карабаха и Зангезура войсками. Мы знаем, что наши войска разбиты и отступили, а сегодня вместо войска наши деньги делают чудеса. Снова и снова повторяю мой совет — не жалеть никакой суммы, увеличьте жалованье, дайте награды и все то, что они хотят. Правительство постановило для присоединения Карабаха и Зангезура к Азербайджану отпустить 200 миллионов рублей».

21 июля 1920 г.

«До сих пор еще не обезоружено 90 процентов зангезурских деревень. Это печально. Но более печально то, что до сих пор не обезглавлено зангезурское армянство. Его интеллигенция и главари, военные до сих пор остаются в деревнях... Постарайтесь, чтобы все видные и нужные армяне были арестованы... Оставьте человеколюбие. Этим нельзя создать государство, завоевать страны... В богатых войсками известных местах, с целью ослабления армии, убейте одного русского воина и обвините в этом армян. Знаете, что (с ними) сделают русские? Не оставляйте в Зангезуре ни одного порядочного человека, ни богатства, чтобы это проклятое племя (армяне) не могло больше подняться на ноги».

ЦК РКП(б) не разделял мнение тех, кто настаивал на присоединении указанных областей к Азербайджану. 24 июня 1920 г. В. И. Ленин писал Г. Чичерину: «Нельзя ли поладить миром с Наримановым?» Г. Чичерин, отвечая вождю, констатировал: «Карабах есть исконно армянская местность».

ЦК РКП(б) счел необходимым в качестве временной меры в указанных областях создать местные Советы с введением войск. В полном соответствии с линией ЦК Г. Чичерин 19 июня 1920 г. в телеграмме на имя Г. Орджоникидзе писал: «Карабах, Зангезур, Шуша, Нахичеван, Джульфа не должны присоединяться ни к Армении, ни к Азербайджану, а должны быть под российскими оккупационными войсками с созданием местных Советов, ибо другое решение сорвало бы нашу политику

мира». Претензии Нариманова на армянские земли он квалифицировал как «покровительство мусульманским тенденциям».

9 июля 1920 г. Г. Чичерин по данному же вопросу телеграфировал Г. Орджоникидзе: «Нам неоднократно заявляли, будто оставление Карабаха и Зангезура под нашей временной оккупационной властью вместо передачи их Азербайджану подорвет Советскую власть в Баку. Сообщите ясно и конкретно, в чем дело. Если дело идет о потворствовании аннексионистическим стремлениям мусульман-националистов — это плохая политика. На этом этапе пути мы будем содействовать лишь развитию националистических инстинктов, сумеем сравниться с мусаватистами, а тем самым поможем им. И если дело (в) расширении сфер Советской власти, это будет достигнуто и при российской оккупации. Если тут скрыто стремление мусаватистской ориентации, ее надо отвергать, как и противоположную».

7 июля 1920 г. под председательством В. И. Ленина Политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление-инструкцию о политике, проводимой на Кавказе. В ней, в частности, в п. 8 работающим на Кавказе коммунистам вменялось в обязанность: разъяснять населению спорных территорий, занятых русскими войсками, что эти территории заняты нашими войсками временно с целью недопущения межнациональной резни, что вопрос о принадлежности территорий будет решаться Смешанной комиссией под председательством представителя России, «причем Смешанная комиссия будет руководствоваться этническим составом населения и его волей».

После победы Советской власти в Армении (29 ноября 1920 г.) вопрос спорных территорий решился следующим образом. Ревком Азербайджана заявил, что отказывается от этих территорий.

«Рабоче-крестьянское правительство Азербайджана, получив сообщение о провозглашении в Армении от имени восставшего крестьянства Советской Социалистической Республики, приветствует победу братского народа. С сегодняшнего дня границы между Арменией и Азербайджаном объявляются аннулированными. Нагорный Карабах, Зангезур и Нахичеван признаются составной частью Армянской Социалистической Республики. Да

здравствует братство и союз рабочих и крестьян Армении и Азербайджана!

Председатель Ревкома
Азербайджана

Н. Нариманов.

Народный Комиссар по
иностранным делам

Гусейнов.

30 ноября 1920 г.»

Такое решение было принято с глубоким одобрением. Г. К. Орджоникидзе в речи, произнесенной на торжественном заседании Бакинского Совета 1 декабря 1920 г. по поводу установления Советской власти в Армении, говорил: «Товарищи! Советский Азербайджан, выступая сегодня в лице г. Нариманова, доказал всему миру и прежде всего рабочим и крестьянам Армении, что только Советская власть способна разрешить все проклятые вопросы, связанные с межнациональной враждой, которые были здесь и которых очень много во всем мире. Очень характерно выступление г. Нариманова. Он прочел нам свою декларацию. Зангезур, Нахичеван и Карабах... в этих уездах... заключается узел так называемого армяно-мусульманского вопроса, здесь, в Закавказье, того вопроса, который стал источником ужасов... И вот сегодня глава Азербайджанской республики выходит и говорит: «Этого ужасного вопроса больше не существует...» Этот акт, прочитанный здесь, акт величайшей важности, это исторический акт, который не имел в истории человечества примера».

Декларацию Ревкома Азербайджана горячо приветствовал председатель Ревкома Армении С. Касьян. В телеграмме на имя Н. Нариманова он писал: «С чувством братского восхищения принял Военно-Революционный Комитет Социалистической Республики Армении весть об историческом акте Азербайджанского Советского правительства от 30 ноября 1920 г. о Зангезуре, Нахичеване и Нагорном Карабахе.

«Акт этот послужит живым примером новых, небывалых еще в истории взаимоотношений между соседними странами, в которых власть фактически осуществляется самими трудящимися, когда руководимы не стремле-

нием к порабощению ценой крови и слез своих соседей расширить границы своих владений, а святой идеей социалистического строительства. Советские государства в один миг, легко, разрешают казавшиеся до того столь затруднительными и неразрешимыми вопросы».

Такое решение проблемы вызвало среди народа Армении невиданный политический подъем, всенародное одобрение и новую волну ненависти к дашнакам за их клевету на Советский Азербайджан и Советскую власть вообще.

Ликование народа продолжалось недолго. Позиция руководства Советского Азербайджана в отношении Нагорного Карабаха претерпела кардинальные изменения. Н. Нариманов (председатель СНК Азерб. ССР) потребовал оставить его в составе Азербайджана, заявив, что в противном случае «Совнарком слагает с себя ответственность», так как при таком исходе дел «мы восстанавливаем в Азербайджане... антисоветские группы...»

26 июня 1921 г. Г. Орджоникидзе и С. Киров телеграфировали Нариманову: «Если интересуетесь нашим мнением, то оно следующее: в интересах окончательного решения всех трений и установления истинно дружественных отношений при решении вопроса о Нагорном Карабахе необходимо руководствоваться таким принципом: ни одно армянское село не должно быть присоединено к Азербайджану, равно как ни одно мусульманское село нельзя присоединить к Армении».

4 июля 1921 г. для решения вопроса о Нагорном Карабахе созывается Кавбюро ЦК РКП(б), на котором в присутствии Сталина большинством голосов было решено Нагорный Карабах присоединить к Советской Армении.

Однако Н. Нариманов запротестовал и потребовал, чтобы окончательное решение вопроса было перенесено в ЦК РКП(б). Кавбюро так и постановило. Но это решение не было выполнено, а на следующий день было созвано новое заседание Кавбюро, которое пересмотрело предыдущее решение и вынесло угодное Н. Нариманову решение без обсуждения и голосования. В постановлении было сказано: «Исходя из необходимости национального мира между мусульманами и армянами и экономической связи верхнего и нижнего Карабаха, его постоянной связи с Азербайджаном, Нагорный Карабах

оставить в пределах Аз. ССР, представив ему широкую областную автономию с административным центром в г. Шуше, входящим в состав автономной области».

Решение от 5 июля 1921 г. было принято под давлением И. Сталина и ультимативно-угрожающего заявления Н. Нариманова. На первом съезде КП Армении (26—29 января 1922 г.) А. Мясникян, отвечая на вопросы, почему Нагорный Карабах не был присоединен к Армении, сказал: «Если характеризовать заседание Кавбюро, то как будто там сидел Агаронян, Топчибашев и Чхенкели. Так, Азербайджан говорил, что если Армения потребует Карабах, то не отпустим керосину».

Таким образом, решением пленума Кавбюро ЦК РКП(б) от 5 июля 1921 г. нагорная часть Карабаха, населенная армянами и являющаяся исконной армянской землей, была искусственно отрезана от Армении, а территориальное разграничение, проведенное в 1923 г. при образовании области было проведено таким образом, чтобы Нагорный Карабах не имел общей границы с Армянской ССР, хотя он непосредственно примыкает к ее территории. От Нагорного Карабаха также был оторван ряд земель, ранее входивших в его состав. Таким образом, выходит, что мир между мусульманами и армянами достигался лишь при условии передачи Нагорного Карабаха (в те годы армяне составляли 95 процентов от населения области) Азербайджану.

Нахичеванская провинция также была частью Армении как в древности, так и в средние века, вплоть до присоединения восточно-армянских земель к России. С 1829 г. она вошла в состав Армянской области, а затем в Ереванскую губернию и являлась одним из политических и культурных центров Армении.

Правовой основой для создания Нахичеванской АССР в составе Азербайджанской ССР явился договор, заключенный между Россией и кемалистской Турцией 16 марта 1921 г. в Москве. Турция, не удовлетворившись отторжением от Армении Карсской области и Сурмалинского уезда, настойчиво требовала, чтобы Нахичеванская область также была отделена от Советской Армении.

В своем стремлении о включении в состав Азербайджана Нахичеванской области Турция спекулировала не только благоприятной для себя внешнеполитической обстановкой, но и помощью отдельных азербайджанских

коммунистов. В их числе был член Ревкома Азербайджана Б. Шахтагинский, который после известной декларации Ревкома от 30 ноября 1920 г., находясь в Нахичеване, заявил, что он против этой декларации. Уполномоченный XI Красной Армии в Нахичеване Велибеков впоследствии писал, что Б. Шахтагинский заявлял, что Ревком Азербайджана предал интересы Нахичевана, декларируя его передачу Армении. Б. Шахтагинский призывал нахичеванских мусульман ориентироваться на Турцию: «Теперь взирайте на турок, они ваше единственное спасение. Крепко держитесь за них». И голос азербайджанских националистов дошел до Турции, представители которой потребовали присоединить Нахичеван к Азербайджану. Турция и азербайджанские националисты добились своего.

В третьей статье упомянутого договора говорится: «Обе договаривающиеся стороны согласны, чтобы Нахичеванская область в границах, указанных в приложении I (с) настоящего договора, образует автономную территорию под протекторатом Азербайджана при условии, что Азербайджан не уступит сего протектората третьему государству».

Это требование было новым проявлением антиармянской политики Турции, продолжавшейся после установления в Армении Советской власти.

После включения Нагорного Карабаха в состав Азербайджанской ССР начинается отток его армянского населения. Так, за 1926—1979 гг. численность армян возросла всего на 10,2 процента, тогда как численность азербайджанцев, при вполне сравнительных темпах естественного прироста, возросла почти в 3 раза. И если в 1923 г. доля армян в Нагорном Карабахе составляла 94,4 процента общей численности населения, то по переписи 1979 — 75,9. Год за годом ущемлялись национальные права армян: запрещено преподавание в школах НКАО истории армянского народа, ограниченное поступление литературы и учебных пособий на армянском языке, усложнение каких-либо культурных связей с Арм. ССР.

В 1918—1920 гг. армянское население Нахичевана и других мест современного Азербайджана (Баку, Шуша и др.) подверглось массовой резне со стороны турецких оккупантов и мусаватистских банд. Спасшимся от резни

1918—1921 гг. и покинувшим свои родные края нахичеванским армянам впоследствии было запрещено вернуться обратно. 24 июля 1922 г. Председатель Совнаркома Азербайджана Мусабеков в телеграмме Совнаркому Армении сообщал, что по решению ЦИК Азербайджана запрещается массовое переселение населения в границы Азербайджана. И этот вопрос практически был закрыт Постановлением Нах. ЦИК от 26 апреля 1926 г. и Аз. ЦИК от 29 мая 1929 г., несмотря на непрерывный поток жалоб-заявлений беженцев-армян из Нахичевана.

По статистическим данным, в древней армянской области — Нахичеване, в 1917 г. проживало 53,9 тыс. армян (почти 40 процентов общей численности населения), в 1926 г. численность их сократилась в 5 раз, а в настоящее время там проживает лишь 1—2 тыс. армян (по данным переписи 1979 г. 3,4 тыс. — 1,4 процента всего населения). Из 44 армянских селений дореволюционного периода ныне осталось лишь 2 села.

Интересны следующие сравнения. В Ереване с 2,3 тыс. азербайджанским населением (1979 г.) имеются 2 азербайджанские школы, азербайджанский театр, азербайджанский факультет в Армпединституте им. Х. Абовяна, тогда как в Баку с более чем 200 тыс. армянским населением закрыт армянский театр, институт (АПИ), нет национального культурного центра, из 76 армянских школ Баку довоенного периода не осталось ни одной.

В течение 1987 г. почти на всех предприятиях, в учреждениях, колхозах и совхозах области состоялись собрания коллективов, принявшие решение о необходимости воссоединения НКАО с Армянской ССР. Эти решения своевременно представлены директивным органам.

В начале 1988 г. сессии Советов народных депутатов районов НКАО приняли решение о выходе области из состава Азербайджанской ССР и воссоединении с Армянской ССР.

20 февраля 1988 г. состоявшаяся в Степанакерте внеочередная сессия областного Совета народных депутатов приняла следующее решение: «Идя навстречу пожеланиям трудящихся НКАО, просить Верховный Совет Азербайджанской ССР и Верховный Совет Армянской ССР проявить чувство глубокого понимания чаяний армянского населения Нагорного Карабаха и решить во-

прос передачи НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР, одновременно ходатайствовать перед Верховным Советом Союза ССР о положительном решении вопроса передачи НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР». В поддержку решения областного совета в Степанакерте начались массовые митинги трудящихся.

После обращения сессии Совета народных депутатов НКАО трудящиеся Армении единодушно поддержали справедливое требование армянского населения Карабаха. Поддержка выразилась в решениях, принятых собраниями трудовых коллективов, в демонстрациях и митингах, которые проходили в Ереване и других городах республики с 21 февраля. Демонстрации и митинги, число участников которых все возрастало, достигнув в отдельные дни нескольких сот тысяч человек, проходили под лозунгами безусловной поддержки в стране революционной перестройки, ленинской национальной политики партии. Демонстранты несли государственные флаги СССР и Армянской ССР, портреты В. И. Ленина и Михаила Сергеевича Горбачева, транспаранты с лозунгами: «Ленин—партия—Горбачев», «За перестройку и гласность» и т. п. На состоявшихся митингах выступали видные деятели науки и культуры, рабочие, студенты, представители творческих союзов.

В течение первых трех дней многотысячных демонстраций центральные и республиканские средства массовой информации полностью игнорировали как эти демонстрации и митинги, так и сам факт созыва сессии Нагорно-Карабахского областного Совета народных депутатов и вынесения его столь важного решения. Затем информационная программа «Время» Центрального телевидения квалифицировала конституционное требование армянского населения Нагорного Карабаха как инспирированное «экстремистами» и «националистами». Такая оценка способствовала увеличению числа демонстрантов. С другой стороны, эта оценка позволила периодической печати Азербайджана («Бакинский рабочий», «Молодежь Азербайджана» и др.) развернуть кампанию против «этих подонков», «экстремистов», «националистов», «группы подстрекателей».

26 февраля по Армянскому телевидению выступил находившийся в Ереване кандидат в члены Политбюро,

Секретарь ЦК КПСС тов. В. И. Долгих, огласивший текст обращения Генерального секретаря ЦК КПСС тов. М. С. Горбачева к трудящимся, к народам Азербайджана и Армении. В частности, М. С. Горбачев призвал трудящихся обеих республик «проявить гражданскую зрелость и выдержку, вернуться к нормальной жизни и работе, соблюдать общественный порядок». Одновременно это обращение было обнародовано и в Азербайджанской ССР.

27 февраля участники митинга в Ереване приняли решение прекратить митинги, возвратиться к своим рабочим местам, ударным трудом в субботние и воскресные дни наверстать упущенное.

27—29 февраля 1988 г., г. Сумгаит.

Свидетельство. «Я, Григорян Армен Григорьевич, по специальности — сталевар, нахожусь на пенсии, свидетельствую о следующем:

В ночь с 26—27 февраля 1988 г. начались погромы азербайджанцев Карабаха на армян, живущих в г. Сумгаите. Что касается моей семьи, состоящей из жены (русской — Людмилы Викторовны, 50-ти лет), двух сыновей — Павла (1948 г. р.), Владимира (1959 г. р.) и дочери Елены (1963 г. р.), то все они были убиты вечером 27 февраля у себя дома ворвавшимися 10-ю азербайджанскими головорезами.

В это время я находился на заводе на дежурстве. Об этом несчастье мне сообщил мой сосед по дому — азербайджанец Закир, который приехал ко мне на работу и, не пустив меня посмотреть на убитых членов моей семьи, взял к себе домой. В связи с царившей хаотической обстановкой в Сумгаите меня не допросили представители следственных органов из Москвы. Прибывшие из Баку кареты скорой помощи увозили убитых армян в морги больниц Сумганта.

3 марта я похоронил четырех членов моей семьи на сумгаитском кладбище. Кроме гробов членов моей семьи были также захоронены еще примерно 15 гробов. Это захоронение происходило в 2 часа дня, и нас охраняли солдаты. Позже опять происходили захоронения.

Мне очень тяжело обо всем этом писать, единственно считаю своим долгом сказать, что убитых было на-

много больше, примерно свыше 100 человек (что я видел и слышал от своих близких), но не 32 человека, как сообщила наша пресса. И много оказалось пропавших, о чем говорили их родственники.

Мне удалось благодаря помощи соседа Закира приехать в Москву.

Все это пишу в здравом уме.

г. Мсква, 22 марта.

Григорян (подпись)¹.

Свидетельство: «Днем на площади был митинг, приехал Сеидов (председатель Совета министров Аз. ССР). У них были лозунги: «Долой армян из Сумгаита», «Хотим крови армян», «Эрмени — эрмиви» (смерть армянам). И вот руководство горкома партии и республики — все они были на трибуне. Вечером первый секретарь горкома Муслим-заде впереди этой шайки встал, ему дали плакат. Пошли по городу. Останавливали машины. Если машины с армянским номером, они машину сжигали. А если армянин — значит убивали, а машину сжигали. Разгромили автовокзал. Армян вытаскивали из автобусов и убивали. О том, что было 28-го, рассказывать страшно. Начали они с 3-го микрорайона, основная часть армян там живет. Там ни одной квартиры не оставили. У меня там брат живет, они в последнюю секунду убежали через балкон. Без денег, почти голые... 29-го мой русский товарищ пришел узнать, что с нами. Пришел, и взрослый мужчина начал плакать: людей с балкона бросают, в 3-м микрорайоне на улице Мира девочку за волосы вытащили на балкон и сбросили с 5-го этажа. 29-го убили наших родственников, которые жили в 41-м квартале. Его звали Согомон Мелкумян, даже председатель горисполкома его друг. Он, видать, надеялся, что его не тронут. Убили его, двух сыновей, дочку, жену. Только невестку с ребенком успели передать через балкон (эта невестка — моя племянница). Над дочкой Согомона издевались на улице: раздели, потом облили бензином и заживо сожгли... а его жену ранили дома, она выбежала на улицу и лежит раненая, а их мальчишки кричат «добейте ее!» и стали палками бить, пока не убили... а нашего зятя — его звали Эдик Мелкумян — сожгли на

костре. Племянница плакала: ничего от Эдика не осталось, один пепел... Трупы по всему Апшерону. Наших, например, похоронили в 70 км от Сумгаита. Никого не пустили на похороны, только племянница была и другая невестка... В нашем доме три армянских семьи было, и всех перерезали.

Свидетельство (Жора Тамразян): 27 февраля — день рождения двоюродного брата моей жены. Наши пошли его поздравить, я не пошел. Потом вижу — на улице толпа 500—600 человек с криками. Вышел на балкон. Наверху один азербайджанец живет, он говорит: «Жора, иди к нам. Вдруг и тебя придут убивать». Говорю: «Нет», быстро выбежал, сел в такси, поехал к семье. Еду, вижу, на площади Ленина митинг, напротив горкома партии. Сказал таксисту: «Стой, я выхожу». Вышел, вижу, красивая женщина, по-современному одетая, ведет митинг. Это была второй секретарь горкома Байрамова. Потом, (после погрома) нас, партийных, собрали на сессию горкома. Один парень встал и сказал: «Я сам слышал, как во время митинга вы призывали к крови армян». Я сказал: «Правильно, я тоже это видел». Первый и второй секретари Сумгаитского горкома не отрицали этого. 1-й секретарь Муслим-заде сказал: «Я не понимал, что я делаю, куда иду, но я взял флаг в руки и пошел, а бандиты за мной. Только тогда, когда я увидел, как сжигают машину, я понял, что поступаю неправильно, иду не по линии партии. До того не понимал, что делаю».

Что еще сказать... Рядом с нами в 41-м квартале жену и мужа убили, двух детишек убили, двух парней убили. У моего друга 17-летнюю дочь убили, после чего сделали армянский крест, облили бензином и всех их сожгли... До резни у нас с азербайджанцами были очень хорошие отношения. Я никак не мог предвидеть, что такое может случиться. Я даже породнился с ними: «кирвой» у них был, кумом то есть, это когда по мусульманскому обычаю маленького мальчика обрезают... Жили дружно, как одна семья. Мы сами не понимаем, как все это могло произойти. Некоторые азербайджанцы сами говорят: «Ненавидим этих своих, лучше б они не жили в этом мире».

Аванесян Альберт Манвелович 1955 г. р., г. Сумгаит, 5 кварт., ул. Дружбы, д. 19/28, кв. 1 — 28. 02. 88 г.,

убийство на улице, острая кровопотеря, ранение левого легкого и межреберной артерии, проникающие колото-резанные раны левой половины грудной клетки. Врачебное свидетельство о смерти № 164 от 04. 03. 88 г.

Григорян Эмма Широ́вна 1930 г. р., г. Сумгаит, 3-й микрорайон, ул. Лермонтова, д. 5/2, кв. 45, пенсионерка, 29. 02. 88 г., шок от кровопотери, разрыв задней стенки влагалища с повреждением стенки прямой кишки, забрюшинная гематома, перелом 2,4 ребер справа, 10 грудного позвонка. Свидетельство о смерти № 274 от 22. 03. 88 г.

Мелкумян Согомон Маркович (Сергей среди знакомых) 1931 г. р., г. Сумгаит, 41-й квартал, д. 25, кв. 21, д. т. 4-02-25, работал в РСУ при горисполкоме бригадиром-отладчиком, 29. 02. 88 г., ожоги тела, открытая черепно-мозговая травма. Свидетельство о смерти № 267 от 22. 03. 88 г.

Мелкумян Раиса Арсеновна 1934 г. р., г. Сумгаит, работала в РСУ при горисполкоме, 29. 02. 88 г. убийство на улице, острая кровопотеря, рана головы, рубленая рана свода черепа, прободная рана прямой кишки с кровотечением, переломом пятого ребра справа, ссадины и кровоподтеки тела. Свидетельство о смерти № 371 от 22. 03. 88 г.

И так далее... Кровавые следы отстаивания своих прав на территорию или ...?

До погрома в Сумгаите, по многочисленным свидетельствам, была проведена перепись населения (армянского), бандиты, шли по конкретным адресам. Камни и железные прутья, которыми орудовали, были развезены по городу накануне, причем прутья изготавливались централизованно на заводе.

И почему же так опоздали войска? А после всего этого ужаса постоянное передергивание в прессе, начиная с центральных газет? Неужели есть какие-то высшие соображения, которых нам не понять?

Нет, мы не понимаем все, даже то, что не говорят. Сумгаит — еще один результат предыдущей политики, результат закономерный. Мы сегодня платим за преступ-

ные сговоры вчерашних вершителей судеб народных. В Сумгаите было так. А как будет у нас или у вас?

Сознание народное пробуждается, пробуждается осознание своей силы. Карабах, как колокол — будит и зовет.

В. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

1915 г. (геноцид армян турками)

Над чем ваш дикий смех, слепое осужденье
И злая ненависть? Как будто в вражий стан
Попали мы на казнь и поношенья...
О, если б летопись кровавую армян
Могли бы вы узнать!

И славны, и могучи
Когда-то были мы. На рубежах родных
Дружины смелые сбиралися, как тучи
В громах и молниях, на стражу прав святых.
В Армении цвела великая свобода,
Благословенный труд счастливых деревень.
В руинах царственных погибшего народа
Вам не понять его тоскующую тень.
У наших алтарей не ваши ли молитвы?
Не тот же ли у вас животворящий крест?
Мы вместе с вами шли в огонь священной битвы
За общую судьбу одних и тех же мест.
Да, правда, мало нас! И меньше с каждым годом
Становится армян... Осмеивайте их!
Но вы ведь тешитесь над жертвенным народом,
Распятым, как Христос, на рубежах своих.
Мы на Голгофу шли с восторженной любовью,
И в темные века боролись мы одни.
Могли бы напоить мы ад своею кровью
И погасить его багровые огни.
А унижения мучительного плена?
А пытки и позор, а горе и боязнь?
О, нас спасло бы всех предательство, измена,
Но мы — мы выбрали апостольскую казнь.
Надгробный слышен плач над братской и великой
Могилою армян, и погребальный звон...
Стыдитесь! Жалок смех вражды и злобы дикой
В благословенный час народных похорон.

1. Президиум Верховного Совета СССР, рассмотрев просьбу Верховного Совета Армянской ССР от 15 июня 1988 г. о переходе Нагорно-Карабахской автономной области в состав Армянской ССР в связи с ходатайством Совета Народных депутатов НКАО и решением Верховного Совета Азербайджанской ССР от 17 июня 1988 г. о неприемлемости передачи Нагорно-Карабахской автономной области в состав Армянской ССР, считает невозможным изменение границ и установленного на конституционной основе национально-территориального деления Азербайджанской ССР и Армянской ССР...

Для исправления сложившегося в Нагорном Карабахе положения и устранения серьезных недостатков постановлениями ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР намечены крупные меры по обеспечению дальнейшего развития экономики, культуры, повышения благосостояния трудящихся Нагорного Карабаха по укреплению социалистической законности и общественного порядка, усилению воспитания населения Азербайджанской ССР и Армянской ССР...

2. ...Считать целесообразным поручить изучение связанных с этим вопросов, поставленных на заседании Президиума Верховного Совета СССР, специально создаваемой комиссии Совета Национальностей, которая будет по мере готовности вносить свои предложения на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР.

(Из постановления Президиума Верховного совета СССР от 18 июля 1988 г.).

...События, происшедшие в НКАО, и дальнейший их ход нам предстоит осмысливать...

«Мастерская»

Информационно-пропагандистский листок Таллинского центра молодежной инициативы и Таллинского

ГК ЛКСМЭ

Октябрь, 1988 г.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Относительно показаний Григоряна существуют неясности, поэтому считаем нужным привести разъяснения Грайра Улубаяна, данные им на пресс-конференции и опубликованные в кн.: «Сумгаит... Геноцид... Гласность?», Ер., 1989, с. 62—63:

«В средствах массовой информации в августе 1988 г. по каналам ТАСС было распространено интервью с зам. Генерального прокурора СССР Катусевым «Сумгаит: прокуратура продолжает следствие». Катусев писал: «Совсем недавно в следственную группу поступило письмо жителя Армении Г. Б. Улубаяна, к которому он приложил заявление гражданина А. Г. Григоряна, проживающего в Сумгаите. В заявлении сообщалось о гибели во время массовых беспорядков его жены и троих детей. В связи с этим обстоятельством А. Г. Григорян 4 июля пояснил следователю Прокуратуры СССР дословно следующее: «...Все мы живы: я, моя жена, сын Павел и дочь Елена. Сына Владимира у меня никогда не было. По поводу того, что якобы погибла моя жена и дети, я никогда никому не заявлял и в связи с этим в Москву не ездил. Мне предъявлена копия свидетельства, написанная от моего имени. Но подпись не моя, я так не расписываюсь. Сведения, которые приводятся в этом заявлении, являются вымышленными».

Как было на самом деле? В следственную группу Прокуратуры СССР я не обращался. Во время одного из митингов мне передали упомянутые свидетельства Григоряна. Я переслал его в прокуратуру Арм. ССР с просьбой проверить правильность этого свидетельства. Через несколько месяцев появилось в «Известиях» вышеупомянутое интервью.

Катусев представляет дело так, будто я сам его сочинил, я же просто просил проверить.

Есть и другие неясности. Во-первых, Григорян был в Москве. В Москве, в постпредстве Армении, есть заявление того же А. Г. Григоряна, где он пишет, что пять членов семьи его погибли в Сумгаите, а он просит оказать ему денежную помощь, чтобы доехать до Еревана.

В расходном ордере от 22 марта значится, что ему было выделено 80 руб.

Во всех трех документах указаны одни и те же паспортные данные, тот же адрес. Проверка в паспортном столе показала, что эти данные верны. Подпись и в свидетельстве, и в документах постпредства, одна и та же. Кто направил Григоряна в Москву и заявил, пока не выяснено. Но ясно, что либо Катусев, либо Григорян лжет».

ТУЧА В ГОРАХ

Это случилось в середине семидесятых. Я возвращался к себе в редакцию на Ленинградское радио, где тогда работал. На многолюдной и шумной из-за обилия овощных лотков Малой Садовой (здесь всегда что-то «давали») я обратил внимание на молодого человека, явно иностранца. Он шел вдоль громадной очереди, кажется, за дынями. Элегантно одетый, загорелый, с ослепительной улыбкой, он так кричаще диссонировал с хмуро-озабоченными лицами из очереди, что я невольно любовался им. Потом заметил: иностранец не один. В нескольких метрах от меня стоял его спутник с кинокамерой на плече. Он снимал. Но снимал — я это отчетливо видел — вовсе не своего товарища, а очередь: уставших после работы людей с сумками, портфелями, даже с детскими колясками, обреченных на долгое и унижающее стояние. Мною вдруг овладело чувство, какое бывает у человека, которого хотят бесцеремонно надуть в его собственном доме. И тут я допустил поступок, неожиданный прежде всего для меня самого. Проходя мимо человека с кинокамерой, я несильно, но явно преднамеренно, толкнул его плечом. Снимающий с досадой и испугом обернулся. Мы встретились взглядами: он все понял. Съемка прекратилась. Но на нас уже обратили внимание люди из очереди. Ближние к нам сбились в кучу, начался возмущенный галдеж. Кто-то даже шлепнул иностранца по спине газетой... А я, зачинщик, поспешно ретировался, испытывая противоречивые чувства. Но очень скоро об этом случае забыл...

И только теперь, спустя много лет, я снова вспомнил его. Мне было неловко и тогда. Я понимал, что допустил бестактность, даже грубость по отношению к гостю нашей страны, который не нарушил ни одного из наших законов. Но только сейчас понял и другое: я и люди из очереди оказались в плену эмоций, далеких от истинного чувства национальной гордости. И те, двое, едва не стали жертвой этих эмоций. Винить-то надо было не их, а устроителей очередей и нашу собственную притерпелость к ним.

Я возвращался из Закавказья весной 88-го с тревогой и беспокойством на душе. Позади месяц команди-

ровок в Армению и Азербайджан, встречи со многими людьми. По сути, они были нескончаемым интервью на одну тему. Я узнал десятки новых деталей, штрихов, дополняющих «события в Нагорном Карабахе и вокруг него». Но они тонули в океане противоречивых мнений и полярно противоположных эмоций.

С чего начать? Как и о чем писать? Волновало и другое. Есть ли у меня право писать, оценивать события? Не давала покоя печальная улыбка женщины-экскурсовода Ереванского эстетического центра, ее слова: «Есть вещи, о которых не принято говорить. Вам никогда не понять до конца всего, что произошло. Для этого надо родиться на Кавказе и быть армянином». В самом деле, не покажусь ли я тем самым иностранцем, о котором писал Пушкин: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство». Но — какой же я иностранец! Разве закавказские республики не часть моей родины? Разве мало у меня друзей-единомышленников в Грузии, Азербайджане, Армении, обретенных за добрый десяток лет журналистской работы? А до журналистики был спорт. За многие годы в профессиональном футболе я исколесил нашу страну вдоль и поперек. Не раз приезжал и в Армению, и в Азербайджан. И каждый визит дарил много друзей. Даже братьев по очень трудному, порой — жестокому, но любимому делу.

Спорт по сути своей интернационален. У нас нередко бывали стычки в игре, выходящие за рамки правил, но национализмом здесь и не пахло. Не могу в связи с этим не вспомнить давнишний матч в Кировабаде. Судья откровенно подсуживал хозяевам, и это ожесточало нас. Меня особенно раздражал капитан кировабадцев — центральный защитник. Этот невысокий рыжий азербайджанец в первом тайме забил нам гол, неожиданно подключившись в атаку, а во втором вообще перешел в нападение. Признаюсь, я играл против него грубо, очень грубо. Но он словно не замечал моих толчков и ударов. Только в самом конце, видимо, устав от моей «копеки», он сказал: «Послушай, друг, оставь меня в покое. Я не думаю забивать вам еще». — «Что же ты делаешь в нашей штрафной?» Он объяснил. Оказалось, в первом тайме у него вывалился золотой мост и теперь его, бедола-

гу, словно магнитом тянуло к тому месту, где он упал. После игры я остался с ним на поле, и мы долго искали злосчастный мост. А потом, обнявшись, пошли в раздевалку...

И теперь, сидя за пишущей машинкой, я вижу этого парня. Вспоминаю ереванца Саркиса Овивяна, бакинца Фуата Таги-заде — друзей своей юности, и как бы слышу и их немую просьбу, высказанную мне много раз в последней командировке на Кавказ: «Напиши обо всем, что видел и слышал. Только всю правду».

Я приехал в Степанакерт в конце апреля. Небольшой, чистый, уютный город радовал свежей листвой топей. С окраинных садов плыл тонкий аромат цветущих абрикосов, кизила, сливы. Но было по-осеннему прохладно, моросил мелкий дождь. Над городом нависли тяжелые тучи. Лишь изредка показывалось солнце, освещая изумительные по красоте альпийские луга окрестных гор.

Казалось, город жил нормальной, размеренной жизнью. Но чувствовалось в людях то суровое единение, которое бывает после трудных испытаний, когда все обыденное, житейское не просто отходит на второй план, но как бы вовсе перестает существовать. Стоило заговорить с любым человеком и сразу обнаружилась неутраченная боль, вызванная трагедией минувшего февраля, когда кровавым эхом вдруг отозвались самые страшные страницы истории армянского народа, канувшие в Лету, казалось, навсегда. Но главное, не утихли опасения, что Сумгаит может повториться: он ведь не был непредсказуемым, как стихийное бедствие, как извержение вулкана или селевой поток, хотя очень напоминал разгул стихии.

Армян сейчас прежде всего волнует правда о Сумгаите. Азербайджанцев — события, которые этому предшествовали, то есть события в Степанакерте. Теперь-то мы знаем, чем были вызваны эти события, об этом уже писали все газеты: запущенностью социально-экономических проблем, пренебрежением руководства Азербайджана к древней армянской культуре Нагорно-Карабахской автономной области. Подавляющее большинство ее жителей — армяне — стремилось отстаивать свое человеческое и национальное достоинство. Чтобы представить стиль и методы руководства производственной и общественно-политической жизнью автономной области, позна-

комим читателей с теперь уже бывшим первым секретарем обкома партии Кеворковым. Вот как характеризует Кеворкова знавший его лично журналист «Комсомолки» Рафик Гусейнов: «Надменный, холодный взгляд из-под стекол очков, барские манеры. Любил заставить подождать в приемной, сам решал, куда селить гостей, приехавших в командировку в Степанакерт. Можно в гостевой дом с вышколенной прислугой, можно в номер-люкс городского отеля, а можно в комнату для приезжих в убогой районной гостинице.

...Кеворков — беспринципный руководитель, которого не беспокоило ничто, кроме собственной карьеры, — был удобен. Для начальства умел быть беспрекословным, вовремя подливал елею, «поддерживал» и «одобрял», а когда давали команду — «обличал».

Только два штриха, красноречиво демонстрирующих характер «братской» национальной политики в НКАО, осуществляемой этим руководителем-вельможей. Свою деятельность в партийной организации области он начал в 1973 году с пленума обкома по национальному вопросу, после которого в Шуше, древней столице Нагорного Карабаха, стали исчезать афиши, названия, вывески на армянском языке. Там же несколько лет назад с благоговения бывших руководителей Азербайджанской ССР с помощью милиции был разрушен памятник воинам-армянам, погибшим в годы Великой Отечественной войны.

Все началось с демонстраций армянского населения в Степанакерте, затем — в Ереване. Кончилось Сумгаитом. И в этом есть своя закономерность. Самый беглый анализ решений и действий руководства НКАО и Азербайджана в феврале заставляет подумать, что людям, ответственным за жизнь сотен тысяч жителей, была либо неизвестна, либо глубоко безразлична древнейшая и горчайшая из истин — при любом обострении социальных недугов ощущение несправедливости, законное недовольство легко обретают форму национальной розни, что она же, замешанная на лживом или неумном слове, поступке, мгновенно может вылиться в кровавую расприю.

В ночь на 14 февраля, когда в Степанакерте прошла первая демонстрация, на заседании бюро обкома партии зав. отделом ЦК КП Азербайджана Асадов заявил, что

«сто тысяч азербайджанцев готовы в любое время воевать в Карабах и устроить бойню». В час ночи 15 февраля в горкоме партии первый секретарь горкома Мовсесян проинформировал об этом руководителей всех крупных предприятий, но категорически отказался послать телеграмму в ЦК КПСС, информирующую о ситуации. Телеграмма была отправлена только через четыре дня.

20 февраля, в день проведения областной сессии, на которой должен был решаться вопрос о «воссоединении НКАО с Арменией», работники ГАИ, милиция, спецслужбы МВД, добровольцы из азербайджанского населения блокировали все дороги, связывающие Степанакерт с районами, чтобы не допустить на сессию делегатов армян из глубинки.

21 февраля республиканское радио и телевидение сообщили о том, что происходящие волнения в НКАО — дело рук отдельных экстремистских группировок.

22 февраля многотысячная толпа жителей азербайджанского города Агдам, тесня милицейские посты, громя все, что попадалось на пути, двинулось в сторону ближайшего нагорно-карабахского поселка Аскеран. В середине дня толпа была остановлена и рассеяна на подступах к поселку с помощью двадцати отрядов милиции (примерно 1000 человек). В ходе беспорядков при невыясненных обстоятельствах убито двое молодых агдамцев, ранено и доставлено в больницу около пятидесяти жителей НКАО.

В последующие дни Азербайджанское телеграфное агентство, а вслед за ним ТАСС, всесоюзное радио и ЦТ передали сообщение об убийстве двух азербайджанцев «в результате столкновения между жителями Агдама и Аскерана». Убийство это произошло при невыясненных по сию пору обстоятельствах. Несомненно, по крайней мере, что к убийству одного из них, двадцатидвухлетнего Али Гаджиева, фрезеровщика агдамского станко-строительного завода, армяне Нагорного Карабаха отношения не имеют. Вот что рассказал мне об обстоятельствах гибели Али его родной брат, двадцатидевятилетний инженер-строитель Ариф Гаджиев:

«В Али стрелял милиционер-азербайджанец. Брат умер мгновенно: выстрел был в упор, пуля прошла на-

сквозь, попала в сердце. Между ним и офицером произошел спор. Потом Али схватился за Ульви Вахрамова, своего приятеля, и сказал: «Держи меня, в меня стреляли». И упал. Ульви видел милиционера, который стрелял. Он его не знает, но он хорошо знает другого офицера — агдамского, который сразу посадил стрелявшего в машину и уехал. Недавно подполковник из Москвы Николаев сказал, что сейчас началось новое следствие. Дано объявление в газете с просьбой свидетелей убийства прийти в милицию...»

Представитель прокуратуры СССР Валерий Владимирович Василенко, временно исполняющий обязанности прокурора НКАО, согласился со мной, что информация в прессе об убийстве двух азербайджанцев в столкновении жителей Агдама и Аскерана без дополнительных пояснений была в той взрывоопасной ситуации неуместной.

Многие считают, что именно это сообщение послужило спичкой, поднесенной к пороховой бочке, которая взорвалась в Сумгаите.

Сейчас высказываются сомнения: а стоит ли рассказывать о страшной трагедии Сумгаита. «Не в традициях советской прессы разжигать страсти эмоциональными, леденящими душу рассказами о подробностях убийств, изнасилований, издевательств, погромов. В накаленной обстановке такого рода информация не принесла бы ничего, кроме вреда». («Аргументы и факты», 1988, № 16). Какая трогательная забота о нашем читателе! Живи спокойно, дорогой соотечественник. Не волнуйся и не переживай! Потому, что на всех сгоревших, утонувших, застреленных и задушенных за кордоном слез все равно не хватит. У нас же, если и случается подобное, то не иначе как ЧП. Но и здесь не спеши переживать: стражи закона и порядка всегда начеку и «ни один виновник не уйдет от ответственности». Функция рождает мышцу — говорят медики. К чему приводит отсутствие проблем и скудный паек информации для душевных переживаний, мы уже знаем — к «застою», застою, деградации личности. К новым чернобылям и сумгаитам. Какой бы страшной ни была правда, она всегда исцеляет. Потому что будит совесть, заставляет искать корни случившегося.

«В Сумгаите было страшно. Конечно, виноваты мест-

ные органы власти — советские, партийные. Бездействовала милиция...»

«Накануне погрома позвонили, дали три телефонных номера, куда звонить в случае беды, и через два часа связи не стало. И пять суток не было. Кто это сделал? Почему «Скорая помощь» и милиция не приезжали на помощь пострадавшим? Почему войска были вызваны только через двое суток?»

«Даже не пострадавшие от бандитов, но видевшие все это — теперь душевно больные. Мой брат, спасаясь 29 февраля, ночью под дождем пробежал сорок пять километров за четыре часа. Ему места в машине не нашлось: там было восемь человек. Представляете, какой страх был в нем!»

«...С флагом шли мимо нашего дома. На флаге надпись: «Смерть армянам!» У 22-й школы они соединились со школьниками. Кое-кто из школьников, правда, остался. В течение получаса группа из 40—50 человек превратилась в толпу — 5-6 тысяч. И так они по всему району ходили, крича: «Смерть армянам!» Каждую машину проверяли, в трамваях, в автобусах искали, вытаскивали...»

«В ереванском санатории я жил с человеком, который, спасаясь, прыгнул с третьего этажа. Ногу сломал, но спаялся...»

«28-го вечером заехали в город. Мы на даче два дня были, ничего не знали. Сосед со мной был — азербайджанец. Я отвез его домой, в 41-й квартал, и еду к себе. Вдруг из-за поворота камни полетели. Развернуться не успел — окружили. Вытащили из машины. Один — камень к виску приложил: «Документ давай». Я по-азербайджански говорю: «А ты кто такой». — «Давай документ, посмотрим, кто ты». — «Не видишь, я азербайджанец, — без акцента говорю, а сам боюсь, что они документы вытащат из куртки. — Документа нет». Он кричит: «Давай документ!» Я говорю: «Машина чужая. Ни прав, ни техпаспорта нет». Потом его осенило: «Скажи «фынды». Этим словом они армян проверяют. Я сказал. Он кричит «Еще раз!». Я кричу, он кричит. Кто-то сказал: «Не видишь, свой. Отпусти его». Потом они мне объяснили: «Наших увидишь, не бойся — три гудка давай и тихонечко подъезжай. Но документ все-таки возьми». Тому, кто меня допрашивал, лет 40—45. На всю жизнь его лицо запомнил...»

«...Мнацакан, инвалид Великой Отечественной войны. Его и дочку его ранили, машину разбили. Он токарем работал. Рассказывал, за несколько дней до этого заказ получил: заготовки из арматуры делать. Нарезать и затачивать. Он потом свою арматуру у погромщиков видел».

«Мои родственники — брат Армен, Армо и его семья — жили в Сумгаите со дня его основания. Ночью к ним ворвались. Над женой брата надругались — изнасиловали — на глазах мужа и сына. Били. Она потеряла сознание. Потом убили сына ее и мужа, моего брата. Из их подъезда убили еще семь человек. Трупы покидали в кучу и сожгли. Спасибо соседу-азербайджанцу: он оттащил тело брата и сына в сторону и их потом смогли нормально похоронить».

Продолжение этой последней истории, рассказанной Ларисой Николаевной Сухаэлян, учителем 10-й степанакертской школы, я неожиданно узнал от офицера бакинской милиции, с которым летел 3 мая из Баку в Ленинград. Юра, широколицый, крепкий русский парень, сначала уходил от разговора, скрытничал. Но когда я дал ему послушать рассказы сумгаитцев, записанные на пленку, разоткровенничался. Оказалось, Юра был все эти страшные дни в Сумгаите.

«Отца и сына Армо помню, сам хоронил. Хоронили рано утром, скрытно, под охраной автоматчиков: боялись нападения на родственников (от каждого убитого — по одному). На кладбище везли в каких-то фургончиках».

После трех дней неделю дрожали руки. Спали по два-три часа. Работали в толпе в штатском и без «стволов» — не давали, боялись, что оружие может попасть к бандитам. Ходили в толпе. Чтобы нас не вычислили, в руке носили камень или палку. Самых отъявленных бандитов брали хитростью. Отзовешь в сторону: «Есть подходящая квартирка», заводили в тихое место и — запихивали в машину. Но мы взяли не самую крупную рыбу. Главные заводилы и зачинщики всего, думаю, успели уйти».

Услышал я от Юрия и еще одну версию поведения в начале событий в Сумгаите бывшего первого секретаря Сумгаитского горкома партии Муслима-заде. По признанию самого Муслима-заде корреспонденту «Комсомолки»,

си возглавил шествие от горкома, чтобы увести толпу к набережной. Следствию он сказал, что «шел под ножами». И вот еще одно мнение — Юрия: «Надеялся, что демонстрация будет мирной: пройдут, попугают армян и разойдутся».

Самым трудным для меня испытанием в Степанакерте было посещение десятой средней школы, где сейчас учатся несколько ребят из Сумгаита. Завуч, Ирина Владимировна Григорян, прежде чем привести их,

предупредила: «Мальчики, особенно малыши первого-третьего классов, все еще травмированы душевно: боятся оставаться одни, в классе стараются сидеть у окна, чтобы видеть дверь, и — обязательно — улицу. Не утомляйте их расспросами».

Эдгар Геворкян, 8 лет:

«Первый раз нас спас сосед-азербайджанец Мамед. Он сказал, что мы азербайджанцы, и они ушли. Но Мамед скоро ушел на работу, и они пришли снова. Стали ломать дверь. Мы бежали через окно и спрятались у другого азербайджанца».

Вадик Балаян, 9 лет:

«В тот момент были дома я и мама. Бабушка ушла спасать своего старшего сына, папа на работе. Позвонили в три часа. Мама открыла дверь и тут же захлопнула. Они стали ломать дверь. Сломали. Зашли. «Вы — Балаяны?» Я сказал, что мы русские, квартиранты. А мама моя тоже блондинка, только крашеная. Бабушкина комната была закрыта на ключ, и они поверили, что мы снимаем у Балаянов две комнаты. Но они все равно, что могли, в доме поломали, многое забрали, остальное выбросили в окно».

Виталик Даниелян, 15 лет. Вошел, как тень, ни кровинки в лице. Говорил тихо, медленно. Он еще не знает, что от неминуемой смерти его спасла мама: когда его стали избивать, она легла на него и прикрыла своим телом. Мама и отец погибли. Вот что рассказал Виталик:

«27 февраля мы поехали в Баку к дяде на день рождения, вернулись в Сумгаит на следующий день. По дороге наш автобус остановили, стали требовать армян. Водитель и пассажиры кричали, что армян нет. Они не поверили. Заставили всех выходить. Проверяли по внешности, и мы как-то проскочили. Пришли домой.

Через несколько минут соседи прибежали. Сказали, чтобы мы спустились к ним. Когда толпа пришла, мы у них сидели. Спросили: «Есть армяне?» Им сказали: «Нет». Они ушли смотреть списки жильцов. А мы недавно переехали сюда и нашей таблички не было. Толпа ушла и мы поднялись домой. Через некоторое время позвонил товарищ с папиной работы. Он сказал, что придет к двум часам ночи, достанет машину или такси и увезет нас в Баку. Мы стали потихоньку готовиться. Но через 15-20 минут к нам зашли... Потом стали выводить... Остальное все в тумане... Простите, больше не могу говорить...»

Виталик встал и пошел к двери. Через короткие волосы были видны шрамы. Пока Виталик отдыхал, Ирина Владимировна рассказывала о сложностях работы в сегодняшней степанакертской школе: «Я преподаю в двух девярых классах. И вот в буре этих событий приходилось успокаивать, гасить эмоции ребят, направлять их чувства в нужное русло. Но мне не удавалось, потому что каждый раз после очередной статьи, где не было правды о том, что у нас происходит, я со страхом шла на урок, боясь вопросов. Сегодняшний школьник — это не тот ребенок, которому учитель может сказать: «Я так сказал, считай, что так на самом деле». Они очень эрудированы, много читают и могут аргументированно спорить. Очень трудно смотреть в глаза сумгаитскому мальчику Виталику и рассказывать об интернационализме. Мне один ученик сказал: «Ирина Владимировна, успеем — и до Толстого дойдем. И до Чехова. Какие у нас сейчас беды, какая трагедия! А вы приходите и говорите: «Путь исканий Пьера Безухова». Давайте разберемся в своих путях, а потом и до Пьера доберемся...»

Вернулся Виталик и продолжил свой рассказ:

«Они ворвались в квартиру, стали кричать, что пришли пить кровь армян. Кричали, что пришли освободить Азербайджан от армян, что следующая очередь Карабаха. На улице, куда нас вывели, кричали тоже самое. Было много людей: сто, может быть, двести. И каждый подошел и ударил. Били дубинками, арматурой, камнями, заостренными металлическими кольями от оград.

— Возраст убийц можешь сказать? Как они выглядели?

— Возраст — от 16 до 35. Все незнакомые. Одеты по-разному. Некоторые даже в галстуках. Один даже в белой рубашке и галстуке. Когда нас выводили, он на пианино играл...

Начали с меня. Я сразу потерял сознание. Раза два приходил в себя и снова терял. Не помню, сколько времени прошло, очнулся. Как-то поднялся. Попытался маму поднять, потом — папу, они еще были живы, но не смог: рука была перебита.

— А что соседи? Ведь было только девять вечера. Они же могли все это видеть.

— Многие смотрели с балконов, из окон. Это я заметил, когда нас выводили... Я попытался подняться к соседям. Несколько раз падал: ничего не видел. Стал стучаться. Нигде не открывали. На третьем этаже мне дали тряпку вытереть кровь с лица и обещали позвать «Скорую помощь». Потом проводили меня к себе. Квартира была разграблена, пол весь в стекле. Я не знал, что делать. Помыл голову горячей водой — этого делать было нельзя. Открытые раны были, в шести-семи местах, потом забылся... Утром пришли люди какие-то. Стали составлять протокол, расспрашивали, что и как. Помню, все допытывались: был ли у нас магнитофон. Потом меня уложили в «скорую помощь». Было двенадцать дня — это я хорошо помню: часы были в «скорой».

Потом узнал о папе и маме. Они пролежали до восьми утра. Их забрали уже мертвых. Видимо, истекли кровью или замерзли. Если бы сразу помогли, может быть, они и остались живы...

— Теперь, Виталик, скажи, накануне мог ли ты предположить, что такое может случиться? В школе ты это чувствовал?

— У нас в школе дружбы между азербайджанским сектором и русским — сюда входят армяне — никогда не было. К нам все время приставали: то отбирали что-то, то били. Приходилось драться, защищать себя и товарищей, которые слабые. 25-26 февраля они вели себя особенно вызывающе, нагло просто. Подходили и забирали что хотели. Даже портфели отбирали.

— А что обычно отбирали?

— Книги, тряпки, авторучки, часы...

— Как к этому относились учителя?

— Обычно не замечали. Ну а если мы шли к ним и жаловались, они говорили, что разберутся. Иногда разбирались, иногда — нет. Все оставалось по-прежнему. Бывало, кто-нибудь из нас плохо делал, учителя тут же говорили: «Армянские выходки». Либо кричали: «Сядь на место, армянин!» Или: «Заткнись, армянин!» Или что-то в этом духе...»

Жертв, безусловно, могло быть и больше, если бы сотни азербайджанцев, рискуя жизнью своей и близких, не спасали своих соседей-армян от насильственной смерти. Отдадим должное этим мужественным людям. Скажем спасибо от всех нас. И не будем осуждать тех, кто испугался прийти на помощь. Кто из нас знает наперед, как поведет себя в минуту смертельной опасности? У каждого были свои обстоятельства. И пусть каждый сам будет себе судьей.

Меня беспокоит и волнует другое: расчетливо-спокойное отношение к событиям в Сумганте некоторых отдельных людей. Отношение — как к неизбежной расплате за те акции, которые были начаты армянами в Степанакерте. Даже случаи изощренного изуверства не разбередили их души. Они как бы не хотят этого видеть и знать. На такую невеселую мысль навел «круглый стол» в Степанакертском педагогическом институте с участием студентов и преподавателей обеих национальностей.

Именно здесь я в полной мере ощутил, сколь напряжена еще была обстановка в Степанакерте в конце апреля, сколь накалены были страсти между армянским и азербайджанским населением НКАО и сколько проблем здесь еще ждет своего решения. Сюда меня буквально затащили студенты азербайджанского и армянского секторов — будущие историки, попросив стать своеобразным арбитром в их диалоге за «круглым столом». Разговор получился трудным, даже тяжелым, были моменты, когда я жалел, что согласился в нем участвовать. Скажу честно, кончился он всеобщим гвалтом, когда его участники, разбившись на кучки, даже пары, молотили друг друга словами-ударами, словно боксеры в ближнем бою. Но, как отметил один из его участников,

это был первый за последние два месяца разговор, в котором обе стороны высказали свою точку зрения.

«...28 апреля было торжественное собрание, посвященное Дню рождения республики. Впереди Первомай, затем — День установления Советской власти. Наш уважаемый декан доклад делал. О чем он должен был говорить в такой день? О дружбе, конечно, о нормализации учебного процесса. А что в докладе было? В первую очередь о Сумгаите. Тенденциозно, в националистическом духе. Вот почему студенты-азербайджанцы начали шуметь и мы, опытные преподаватели, возражали.

— Мы должны критиковать негативные явления всегда, где бы они ни были. Кое-кто в праздник хотел скрыть правду, показать, что у нас все здорово. Если душа болит за наше общество, дружбу, надо говорить правду. Раньше мы только кривили здравницы в честь дружбы. К чему это привело? Правда очищает. Надо с классовых позиций оценивать историю народа. Самед Вургун, Исаакян, Кулузаде, Туманян — прекрасные люди. Писатели — и армянские, и азербайджанские... Но были и нехорошие люди. В 20-е годы они себя проявили. Я всегда говорю: нет плохих народов, есть плохие люди.

— Джейхун, скажи, хоть одного азербайджанца в Степанакерте обидели? Почему же вы месяц не приходили на занятия?

— А почему вы ходили на демонстрации? Лично меня оскорбила одна армянка 22 февраля.

— А в институте тебе кто-нибудь сказал плохое?

— Нет. Но в городе...

— Надо было прийти к друзьям в институт.

— Джейхун, ты осуждаешь события в Сумгаите?

— Надо разобраться, почему это произошло.

— «Это произошло!»... Убили людей, ни в чем не повинных. Как ты к этому относишься?

— Это хулиганство на почве социально-экономических проблем. Но посмотрите, где лучше экономическое положение: в Степанакерте или в Сумгаите? «Позиция» об этом четко сказала.

— Но ты все-таки скажи, осуждаешь ты убийц в Сумгаите? Разве армяне виноваты, что азербайджанцы в Сумгаите плохо живут?

— Я всегда против убийства.

— Нет, ты конкретно скажи.

— Я там не был. Правительство Азербайджана просило вас прекратить демонстрации и выйти на работу...

— Тебя, азербайджанца, не интересует, почему мы, армяне, не можем изучать историю своего народа?

— Я об этом не думал. Я хочу знать, из-за чего произошли забастовки здесь и в Ереване. Из-за социально-экономической отсталости?

— Это не главное. Студенты Москвы не ходят в таких костюмах, как ты и я. Сейчас экономические проблемы — не главное. Нам дадут полмиллиарда рублей. Откуда их возьмут? Разве богатство нашей страны безразмерно? В «Прожекторе перестройки» говорилось, что в некоторых городах РСФСР люди годами не видят мяса. А ведь мы от них деньги не берем...

— И такой вопрос. Почему наше общежитие отдали сумгаитским армянам? Пусть они квартирантами живут. Министерство высшего образования это общежитие для нас построило.

— Правильно: когда сумгаитцы приехали, по решению облисполкома часть нового общежития отдали им. Но у нас есть старое общежитие. Его освободили для студентов. Почему вы там не хотите жить? Временно.

— Это несправедливо.

— У меня вопрос. Вы — азербайджанцы — принимаете передачу «Позиция»?

— Да.

— Значит, вы согласны с исторической справкой: Нагорный Карабах стал в 1923 году составной частью Азербайджана из-за сложностей в международном положении нашей страны?

— До двадцатого года Шуша была центром Карабаха. Почти два века тут было Карабахское ханство...

— Шуша была центром не только азербайджанским, но и армянским тоже. Мои предки из Шуши. Они погибли в 1918 году в результате резни. Тут родился дважды Герой Советского Союза Нельсон Степанян. Как вы чтите его память? Во что вы превратили памятник в парке имени 26 бакинских комиссаров? Почему в селе Ванк ваши колхозники держат баранов в христианском храме? Это исторический памятник, чудо древности!..

— У нас тоже есть мечеть, которая разваливается. В этом руководство республики виновато, а не народ.

— Когда в Сумгаите шел погром, 28-го, вечером, по азербайджанскому телевидению показывали концерт: азербайджанские песни исполняли армянские артисты. Трагедия в том, что мой коллега из армянского сектора не подошел ко мне и не сказал: «Держись, Олег! Прими соболезнования». Азербайджанский народ не имеет к этому позору никакого отношения. Трагедия в том, что азербайджанское правительство не выразило соболезнование пострадавшим, не осудило должным образом резню.

Трагедия не в количестве убитых. Главное в том, что в одной республике один народ поднял руку на другой. Англичане за три дня добрались до Фолклендских островов. Почти столько же потребовалось нашим войскам дойти до Сумгаита. Сумгаиту предшествовали события в Аскеране. Это тоже должно было стать сигналом для руководства. И последнее. Республиканские средства массовой информации занимались идеологической войной против собственного народа. И центральная пресса не была на высоте. Овчаренко в «Правде» писал: «...Ворвались в квартиры армян с целью грабежа». разве уважающий себя журналист может допустить такое? Если мы думаем решать проблему существования наших народов, то мы прежде всего должны все факты разбирать досконально и гласно.

С первых дней стали говорить, что здесь идет межнациональный конфликт и ЦТ и пресса раз за разом стали призывать нас к порядку. Неужели нашей стране более соответствует толковать все, как межнациональный конфликт, нежели так, как это было: люди подняли вопрос о воссоединении автономной области со своей республикой?..»

Время и мудрость исцеляют душевные раны. Время помогает забыть, мудрость — лечит. Решения, которые состоятся, — дело законодателей и политиков, мудрецов и поэтов — лучших представителей народа. К чему хочется призвать мне? Дважды с разной степенью громкости прозвучало слово «покаяние». В фильме Тенгиза Абуладзе и в кратком обращении академика Дмитрия Лихачева. Совесть не является национальной категори-

ей. И поэтому я обращаюсь ко всем, кто делом, словом и помыслами может быть причастен к этой трагедии, с мольбой о покаянии.

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЕВСКИЙ

«Аврора», 1988 г., № 10.

УРОКИ КАРАБАХСКОГО КРИЗИСА

Осознанию реальности — а следовательно, и выбору верной линии социального поведения нередко мешают мифы. Один из них, глубоко проникший не только в обыденное, но и научное сознание: кризисы — удел капитализма, при социализме их быть не может. События в государствах Восточной Европы поколебали это представление, но не перечеркнули его. И жесткие слова о предкризисной ситуации, произнесенные на Пленуме ЦК в январе 1987 года, восприняты нашим обществом, на мой взгляд, без полного осознания опасности.

Действительно, близость кризиса предопределила поворот, призванный увести наше общество от опасной грани, к которой оно приближалось до 1985 года. Но едва ли разумно считать, что перестройка будет идти по заранее выверенному графику.

Длительный период стабильности политической системы, когда единственной движущей силой исторического процесса казался календарь, а заметными вехами — торжественные государственные юбилеи и похороны, сформировал вредные стереотипы общественного сознания.

Мы все еще не приспособили свои представления к иному темпу времени, к быстрой смене декораций и действующих лиц. Мы все еще исходим из того, что в запасе — если не вечность, то изрядный срок, в течение которого можно спокойно обмениваться мнениями, постепенно расширять зоны гласности, переналаживать экономический механизм, отрабатывать систему юридических гарантий, экспериментировать с выборными процедурами, вести переговоры о разоружении, которое в перспективе даст резервы для повышения благосостояния и т. д.

Наибольшей опасностью многие сторонники перестройки считают урезанный, консервативный вариант реформы.

Я рад был бы ошибиться — поскольку постепенные преобразования часто оказываются прочнее тех, которые приходится импровизировать под давлением обстоятельств, — но боюсь, что времени на эксперименты уже не осталось. Оно не только съедено годами застоя. Оно поджигается и с другой стороны: вспыхнувшими, но еще не реализованными надеждами, которые возбудила перестройка, ожиданиями ее плодов. Недавно нам напомнили, что от черного наброска В. И. Ленина о переходе от продразверстки к продналогу до его доклада на X съезде партии, утвердившем коренной социальный поворот, прошло всего 5 недель! («Коммунист», 1988, № 7, с. 37). Современные общественные структуры значительно более инерционны, и это чревато серьезными опасностями.

На необратимость перестройки работает сама перестройка — гласностью, раскрепощением сознания, развитием общественной активности и инициативы также и в тех заповедниках, которые неукоснительно блюла административно-командная система. Было бы, однако, опасной иллюзией считать, что единственная наша забота — сломать механизм торможения. На его основе монтируется и другой, еще более опасный механизм реставрации. Конечно, в прямом виде история никогда не повторяется, а возврата к застою или кровавому разгулу террора не хочет никто. Но изменение неустойчивого пока политического баланса — а силы реставрации всячески подталкивают вещи именно в эту сторону — может перехлестнуть намечаемые ныне ориентиры и повести к далеко идущим последствиям, ибо логика борьбы сильнее логики первоначальных человеческих намерений. Некатастрофической альтернативы последовательному проведению перестройки нет. Безопасность перестройки неразрывно связана с миром в нашем многонациональном государстве.

Карабахские события обозначили самый глубокий политический кризис в ходе самой перестройки, из которого необходимо извлечь уроки.

Самый очевидный из них: любую ситуацию легче взять под контроль до того, как она обострилась. Между тем в национальной политике уже не первый раз

обнаружилось неумение своевременно замечать нарастающие кризисной ситуации. Убеждение в том, что явления нет, пока мы его не признали, вполне соответствует стереотипам прежнего политического мышления и поведения, но необъяснимо в условиях расчета с догмами. Еще труднее объяснить бездействие в центре и на местах, когда конфликт уже вышел наружу. Ожидание, что все уладится само собой, что натиск ослабеет, когда усталость возьмет свое, вело к потере, а не выигрышу времени. Ситуация в Закавказье в течение всей первой половины 1988 года быстро накалялась, и с каждым месяцем найти и провести в жизнь мирное и справедливое решение становилось все труднее.

В национальной политике, как и в других сферах, необходимо последовательно проводить основные принципы перестройки: демократизацию, ответственность, гласность. Все это предполагает нестесненное обсуждение существующих проблем, спокойное сопоставление разных точек зрения и подходов. Такого обсуждения не хватало, когда разразились карабахские события. Гласность, как справедливо заметил А. Д. Сахаров, отказывала как раз тогда, когда она всего более была нужна. Но и в последующий период, когда средства массовой информации стали уделять этим событиям значительное внимание, преобладающий подход к проблеме оставался односторонним, поскольку неизменность существующего административно-территориального разграничения утверждалась как бесспорный, исходный принцип, а не один из возможных вариантов решения. Именно это, а не подстрекательская деятельность неких «темных сил» заставляло сторону, считавшую себя ущемленной, усиливать натиск.

Не было в должной мере оценено, какую глубокую черту в развитии событий проложила трагедия Сумгаита, какой всплеск отчаяния и протеста вызвала она в сознании армянского народа, наложившись на его историческую память о геноциде 1915 года. На мой взгляд, реакция на Сумгаит вне Армении была и остается неадекватной злодеянию. События, которые накаляли эмоции, действительно не могут оставить спокойными ни ум, ни совесть. Конечно, нельзя возлагать за них ответственность на народ Азербайджана. Но азербайджанские семьи, укрывавшие своих армянских соседей от

погромщиков, повели себя более мужественно и достойно, чем власти, которые проявили непонятную робость в политической оценке событий, как бы опасаясь задеть чьи-то чувства.

Последовательный общегуманистический подход, казалась бы, должен был подсказать, что необходимо первым делом опубликовать поименный список жертв армянского погрома в Сумганте. Это могло бы сразу снять спор о числе погибших, не говоря уже о том, что значение события и элементарное чувство солидарности требовали объявить общенародный траур (который, к слову сказать, назначался у нас в последние годы по менее существенным поводам). Но если первую реакцию еще можно объяснить элементарной растерянностью, то нельзя понять, почему суду над участниками и организаторами массовых беспорядков и бандитизма (а не просто хулиганства) не было придано соответствующее общественное звучание, и гласность была как бы приглушена. До сих пор не дан внятный ответ и на вопрос, кто отвечает и как могло случиться, что решительные меры были приняты лишь на третий день погрома, развернувшегося рядом с азербайджанской столицей. Политическая и нравственная глухота помешала своевременно навести мост между Ереваном и Баку.

Любое прочное и справедливое решение национальных споров должно опираться на компромисс, а не «победу» одной из сторон. Важно отдавать отчет в том, что карабахский кризис поставил центральную государственную власть в нелегкое положение: к ней апеллировали обе стороны и на нее легла ответственность за сохранение порядка, за восстановление нормального ритма экономической жизни. Вместе с тем, поле возможных политических решений центра крайне ограничено; насильственное подавление народного движения за воссоединение Карабаха с Арменией (к чему не преминули бы обратиться в минувшие годы) имело бы катастрофические последствия для перестройки. Но нельзя и волюнтаристски, простым решением центра, как это случалось в прошлом, менять границы республик, пока на это не получено согласие обеих сторон. Наконец, жизненно важно предотвратить развертывание цепной реакции межнациональных споров и притязаний, способных загубить перестройку.

Время покажет, было ли решение, принятое в июле 1988 года Президиумом Верховного Совета СССР, когда противоречащие друг другу решения Верховных Советов двух соседних республик завели ситуацию в тупик, оптимальным. Но общая установка на то, что компромисс должен быть выработан на основе согласия сторон, а не навязан центром, верна. Как видятся поиски компромисса?

Хотя конфликтная ситуация создана в значительной мере дефектами прошлой экономической и социальной политики, нельзя рассчитывать, что известные решения о социально-экономическом развитии НКАО содержат будто бы все необходимые и достаточные предпосылки для урегулирования. Сама программа нуждается в политических гарантиях ее осуществления. Поиск этих гарантий — ядро проблемы. Вообще ошибочно думать, что обострившиеся межнациональные коллизии можно решить дополнительными ресурсами, направляемыми в ту или иную территорию из общесоюзного фонда. Во-первых, этот фонд не беспределен. Во-вторых, даже если национальное напряжение форсировано чувством экономической ущемленности, действительной или мнимой, снять его только средствами материального порядка нельзя, ибо национальное сознание — весьма тонкая и ранимая сфера; раз возникнув, симпатии и антипатии живут по собственным законам. Трактовать ущемленные национальные чувства как проявление национализма, как некую «форму», которая должна быть подчинена социально-экономическому «содержанию» (это сделал, например, философ, комментировавший телепередачу о Нагорном Карабахе), означает уводить реальную проблему в дебри бессодержательной схоластики.

Подлинно демократический и плюралистический подход предполагает, что в обществе могут существовать различные интересы, которые сплывают те или иные социальные группы, в особенности группы меньшинства, — в том числе и на национальной основе. Проблема возникает тогда, когда интересы одной национальной группы сталкиваются с действительными или воображаемыми интересами другой. Такие расхождения могут возникать и в социалистическом обществе, и задача заключается в том, чтобы не доводить их до антагонизма, до вражды.

В карабахском конфликте, как и в выступлениях некоторых других национальных меньшинств, привлекали внимание, а нередко и вызывали осуждение, непривычные формы социального действия в поддержку требований: многотысячные митинги, забастовки, голодовки. Эти действия, как правило, сопряжены с экономическими, социальными, политическими издержками, а некоторые нарушения общественного порядка крайне опасны и заслуживают безусловного осуждения. Но не менее опасно на этом остановиться. Ведь позиции тех, кто защищает статус-кво и выжидает, наблюдая ход событий, заведомо сильнее, чем у тех, кто добивается его изменения и выдвигает свои требования в необычных, подчас довольно острых формах. Нельзя возлагать всю ответственность за обострение лишь на одну сторону, не принимая во внимание, в какой мере другая сторона склонна к уступкам и компромиссу, а центральная власть готова сказать свое слово. Поразительно не то, что массовое движение способно порождать подобного рода эксцессы, а то, что это произошло через несколько месяцев, в течение которых взрывоопасный характер ситуации и возможность грозного развертывания неконтролируемых событий явно недооценивались.

Конечно, забастовка — крайне острое орудие, безответственное и неумеренное применение которого может повлечь тяжкие последствия. Но едва ли правомерно всю вину за нарушение экономических связей и нормального ритма жизни возлагать исключительно на забастовщиков, а тем более возбуждать против них недоброжелательство людей, изображая способ социального действия, от которого мы отвыкли, но который признан во всем цивилизованном мире как банальное отлынивание от труда. Такая переакцентировка с существа проблемы на методы действия порождает законные подозрения в одностороннем подходе.

Но еще более сурового осуждения заслуживает тоска по силовым методам наведения «порядка», которая подчас проникает в печать и которая прозвучала в некоторых выступлениях на заседании Президиума Верховного Совета СССР. Силовые методы рекомендуют привлечь в ответ на «давление, которому подвергаются государственные органы». Между тем интересы тех или иных меньшинств не всегда встречаются понимание с самого

начала. Действия, которые призваны привлечь общественное мнение к требованиям, которым они придают большое значение, пока подобные действия сохраняют мирный законный характер, представляют неотъемлемую принадлежность современного демократического процесса. Жесткая позиция, с поддержкой которой связали себя некоторые официальные лица и органы печати, всего более накаляла обстановку и развязывала страсти. Перестройка проходит серьезное испытание — всерьез поставлен вопрос: способны ли мы разрешить кризисную ситуацию цивилизованно, не прибегая к привычному методу подавления?

Пришла пора расстаться с удобным представлением, что накал национальных и политических страстей создают некие экстремисты, сознательная или бессознательная агентура внешнего врага. Необходимо разработать принципы и методы урегулирования спорных вопросов национального развития внутри Союза, основанные на уважении прав и волеизъявления национальных меньшинств. Конечно, не все их пожелания, в частности касающиеся административного устройства, могут быть в полном объеме и немедленно удовлетворены, да еще явочным порядком. Но сложные проблемы национального самоопределения малых народов не могут решаться одними «инстанциями», хотя бы и самыми авторитетными.

Универсальным методом снятия или, того лучше, предотвращения кризисных ситуаций подобного рода, по-видимому, мог бы стать равноправный диалог партийных и государственных органов с представительными массовыми движениями, поскольку они уважают законность и порядок и соблюдают нормы цивилизованного поведения. Исходные позиции сторон в начале такого диалога, естественно, могут быть различны. Но даже самые острые вопросы должны находить решение в русле общего курса на демократизацию и гуманизацию нашего общества.

В самодеятельных движениях, выдвигающих пожелания и требования, которые отвечают чаяниям многих людей, и придерживающихся мирных, ненасильственных действий, необходимо видеть не деструктивную, а конструктивную силу, работающую на перестройку. Это ячейки возрождающегося гражданского общества, одна

из форм реализации политического плюрализма. Спокойный и уважительный диалог с ними — лучшее средство отсеечения тех элементов, которые заинтересованы в конфронтации, а не поисках компромисса.

Политический потенциал национального самосознания надо не загонять в оппозицию, а использовать его в интересах перестройки, демократии, социализма. Национальное оформление в ряде республик приобретают Народные фронты, объединяющие активных сторонников перестройки, формалов и неформалов.

Весьма важную роль в урегулировании карабахского вопроса может сыграть специальная комиссия Совета Национальностей, которая должна получить высокий статус и к работе которой важно привлечь не только руководящих работников, но и авторитетных неформальных лидеров из Армении и Азербайджана, Центра, широкие общественные круги. Комиссия должна найти и предложить высшему органу государственной власти (а возможно и на всенародное обсуждение) компромиссный вариант выхода из кризиса, контуры которого были намечены в решении Президиума Верховного Совета.

Сохранение или изменение границ и статуса отдельных образований внутри Союза по многим причинам очень сложно. Здесь столкнулись два правовых принципа: право наций на самоопределение, которое не должно зависеть от согласия доминирующей нации, и государственный суверенитет, который предусматривает, в частности, что границы республики не могут быть изменены без ее согласия.

На мой взгляд, право нации на самоопределение выше, в принципе значимее государственного суверенитета, и это должно найти отражение в обновленной Конституции. Это соответствует и тем идеям, которые отстаивал Ленин в начале века, и общедемократическому правосознанию, утверждающемуся в мире на исходе столетия. Не эмоции, не волевая перекройка границ, а обращение к разуму, говорят нам, требуются сегодня. Но разум не может не считаться с эмоциями, а в карабахском споре оскорбленное и встревоженное национальное чувство народа с нелегкой исторической судьбой столкнулось с территориальными амбициями и ложно понятыми сообщениями престижа. Я глубоко верю, что азербайджанский народ может осознать, сколь неравновесны

эти ценности, и что лучше иметь друга возле своего дома, чем насильственно удерживать в нем другой народ.

В то же время необходимо учитывать, что этническая карта СССР ныне существенно расходится с административно-территориальным делением. Это расхождение, по-видимому, будет со временем усиливаться. Увеличиваться будет число ареалов со смешанным национальным составом. Чтобы удовлетворительным образом решать возникающие в связи с этим проблемы, надо последовательно проводить курс на экономическую и политическую децентрализацию, расширять компетенцию местных органов, интенсифицировать прямые связи в экономике, которые будут отодвигать на второй план вопрос о подчиненности предприятия одному или другому звену в системе государственных экономических ведомств, а территориальную автономию необходимо дополнить национально-культурной, которая могла бы найти адекватное отражение в структуре органов государственной власти и, в частности, в намеченной реформе Совета Национальностей Верховного Совета СССР. Радикальное же устранение кризисов и обострений в национальных взаимоотношениях может быть достигнуто лишь в рамках глубокой демократизации политической жизни.

«Революция должна уметь себя защищать» — это часто повторяемое положение приобретает нередко узкую, а то и просто неверную интерпретацию. Люди, не имеющие ни малейшего представления о реальной расстановке сил в Чили в начале 70-х годов, в упрек правительству С. Альенде ставят нерешительность в проведении репрессивно-карательной деятельности. Между тем надежнейшая защита общественных преобразований, как революционных, так и эволюционных — в том чтобы обеспечивать им на каждом этапе прочную и широкую социальную базу, соразмерять цели и средства с реальной ситуацией, адекватно реагировать на события, которые грозят выйти из-под контроля.

Работает ли каждый наш день, как иногда говорят, на перестройку, делает ли ее все более необратимой? Честный ответ на этот вопрос может быть только — и да, и нет. Да — потому что интенсивно идет очищение сознания миллионов людей от старых мифов, от смирения с ролью «винтиков». Нет — потому что нарастает уста-

лость от слов и лозунгов; бумерангом возвращают несбывшиеся ожидания и несвершившиеся надежды. Поэтому недостаточно сегодня убеждать себя и других как худо будет без перестройки. Еще важнее отдать себе отчет в том, почему и как она может не получиться. Исключительно сложный, исторически пионерный процесс сам неизбежно порождает обострения, которые могут приобретать критический накал. Начисто исключить их едва ли удастся; вопрос о том, как их предвидеть, смягчать и выходить из них с наименьшими потерями. Перестройка разобьется о подводные камни, если разразится кризис, который мы не сумеем предотвратить или преодолеть.

ВИКТОР ШЕЙНИС

доктор экономических наук
ВЕК XX и МИР, 1988, № 10

ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ В. ШЕЙНИСА

В. Л. Шейнисом была любезно предоставлена заключительная часть статьи, по техническим причинам не вошедшая в журнальный текст. Приводим заключительную часть статьи:

Но если высшие государственные инстанции вынуждены были решать вопрос, который при данной его постановке удовлетворительного решения не имеет, то общественное мнение обязано было сказать свое слово, положить на весы свой моральный авторитет. Слова укоризны, с которыми обратился к нашей интеллигенции С. Золян, справедливы, и горькую обиду армянского народа, отстаивающего правоту своего дела почти в одиночестве, не так-то легко будет стереть. Скажу резко: в массе своей наша интеллигенция проявила нравственную политическую глухоту, позволила недобросовестным журналистам, комментаторам и «экспертам», позорившим высокое звание ученого, создавать у людей искаженный образ событий, разжигать страсти против «экстремистов», а на деле — против народа, натолкнувшегося на глухую стену непонимания и безразличия. Наша интеллигенция не смогла понять, что колокол звенит не по далеким жертвам Сумганта, а по каждому из нас, кто и перестройку принимает как отмеренные и поднесенные сверху блага.

На мой взгляд, право нации на самоопределение выше, в принципе значимее государственного суверенитета, и это должно найти отражение в обновленной Конституции. Это соответствует и тем идеям, которые отстаивал Ленин в начале века, и общедемократи-

ческому правосознанию, утверждающемуся в мире на исходе столетия. Не эмоции, не волевая перекройка границ, а обращение к разуму, говорят нам, требуются сегодня. Но разум не может не считаться с эмоциями, а в карабахском споре оскорбленное и встревоженное национальное чувство народа с нелегкой исторической судьбой столкнулось с территориальными амбициями и ложно понятыми соображениями престижа. Я глубоко верю, что азербайджанский народ может осознать, сколь неравносны эти ценности, и что лучше иметь друга возле своего дома, чем насильственно удерживать в нем другой народ. Но именно это российская интеллигенция обязана сказать во весь голос. Это надо было сказать вчера, не прибегая к дипломатическим уверткам и «уравновешивающим» формулам. Но лучше сказать поздно, чем никогда.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МОЕМУ ДРУГУ НАБИ ХАЗРИ

Дорогой Наби!

Пусть то, что я скажу, не так уж мудро,
Но мудрость друга — выслушать меня...

Десятки писем, бандеролей, телеграмм буквально за последние месяцы — мог ли я ожидать такой громадной почты из Азербайджана? Но главная неожиданность: вся эта почта — стихия недоумений, разочарований, упреков, угроз и просто ругани, подчас в форме нот и ультиматумов — вызвана моим выступлением на заседании Президиума Верховного Совета СССР 18 июля 1988 года.

И все же, признаюсь, самый тяжкий груз, навалившийся на мое сердце, — твоя телеграмма. Ты пишешь: «Не выхожу из дома. Друзья меня проклинаят за друга. Что случилось? Раскололась вершина горы. Больно! Тяжело!»

За меня не надо стыдиться, мой друг Наби. Я немало прожил, немало дорог прошел и проехал, но папаху и честь свою не уронил, друзей не продавал и горам не изменял.

Думаю, ты и твои земляки поторопились с выводом, не имея повода. Сделали обобщение без фактов: мое

выступление не было напечатано полностью. Стоило ли взбираться на вершину горы, чтобы громогласно прокричать то, что прежде не мешало бы шепотом обсудить у подножия? Увы, многие считают это гласностью. Если к тому же кто-то, не желая понимать и принимать добрые намерения, зло извращает, как ему выгодно, протые и ясные мысли.

Между тем узел так затянут, что руками развязать нет сил, а зубами невозможно: там кровь. Обмен телеграммами и телефонными звонками в этом случае мало что даст. Дело можно лишь больше запутать. Поэтому лучше нам слезть с коней, посидеть, покурить и побеседовать.

Но для начала — для ясности! — посылаю тебе стенограмму моего выступления в президиуме. Без единой правки и купюр.

«Уважаемые товарищи! Мне очень тяжело выступать сегодня, но не сказать своего слова я тоже не могу, потому что события в Нагорном Карабахе — это большая беда, это настоящий духовный Чернобыль для нас. В апреле 1921 года Владимир Ильич Ленин в письме коммунистам республик Кавказа выразил надежду, что их тесный союз создает образец национального мира. Почти 70 лет мы работали над выполнением этого ленинского завета, и никто не мог предполагать, что наш путь будет омрачен столь тяжелыми и неожиданными событиями, свидетелями которых мы являемся сегодня.

Тесному союзу народов, образцу национального мира, о котором мечтал Ленин, нанесен ощутимый удар. Нарушен самый святой закон, основной закон для нашего народа, для нашей страны, чем мы гордились, — закон дружбы. Отчужденность, озлобленность взяли верх над разумом, добротой и правдой. Обидно и больно.

Нагорный Карабах с моих поэтических вершин — это прекрасный край, который объединяет две братские республики — Азербайджан и Армению. А сейчас оказывается, что этот край является краем, разъединяющим эти две республики. Я считаю, в наше время в одном доме можно жить людям, говорящим на разных языках. В Дагестане 40 народов живут чувством единой семьи, и никому не тесно. Дружно живут в том числе армяне и азербайджанцы.

Вспоминаю, с каким чувством рассказывал о своей родине — Нагорном Карабахе маршал Советского Союза Баграмян, как вспоминал друзей своего детства: армян и азербайджанцев. Как не хватает нам сегодня его голоса, его совета, как не хватает нам сегодня больших вершин азербайджанской, армянской культуры XX века: Исаакяна и Самеда Вургуня, Сарьяна и Кара Караева, Хачатуряна и Гаджибекова — они умели дружить. Их заветы в счет не были приняты, когда такие события делали. Как нам не хватает сегодня совета руководителей Бакинской коммуны Степана Шаумяна и Мешади Азизбекова, убитых, можно сказать, одной пулей — один армянин, другой азербайджанец, но они принадлежали к великой нашей партии, великой единой и неповторимой нашей революции.

Но, к сожалению, мы забываем о прекрасных людях, прекрасных борцах, певцах нашей Родины, нашей земли, нашей дружбы, о тех, кто творил революцию, и о тех, кто пал в Отечественную войну, о них забываем, а вспоминаем в истории все негативное и враждебное, кто прав, кто не прав. Это очень обидно, особенно в наше время, когда авторитет нашей страны в глазах всего мира становится все больше и больше. И, кроме того, мы забыли о будущем, о потомках, о детях, о правнуках. А что мы оставляем потомкам, которые должны жить, творить, радоваться, в наследство? Такую неприятную вражду, такую заботу?..

Кто же и в чем виноват? Я понимаю чувство древнего великого армянского народа, народа многострадального, который в своей истории много испытал — было много трагических событий. Они хотят, люди одного языка, одной судьбы, одной культуры, одной древней письменности, они хотят вместе жить.

Национальные чувства — это естественные чувства каждого человека. Но это чувство можно иметь где бы ни был, где бы ни работал, не обязательно в своем доме. Но когда это чувство перерастает в националистическое чувство, в местническое чувство, эгоизм — тогда это нам, нашей идеологии, нашей позиции, нашему мировоззрению не подходит.

Я понимаю чувства великого азербайджанского народа, их чувство земли. Чувство земли — это чувство Родины. Они многими веками были разобщены. Этот

народ имеет свою землю. Но когда это чувство земли превращается в территориальное чувство — это противно речит нашим взглядам. Территория и земля не одно и то же. Это чувство может быть сверхпатриотизмом, но к советскому патриотизму оно не может иметь отношения.

Все здесь выступали и говорили, как общее найти. Но если Председатель Президиума Верховного Совета Азербайджана и Председатель Президиума Верховного Совета Армении не будут общее здесь искать — что требовать от других?

Итак, дружбу народов все признали, а дружба людей под подозрением. Секретари ЦК, поэты с поэтами не встречаются, не разговаривают, враждуют. Ученые с учеными не разговаривают и разными телеграммами бомбят членов президиума.

Получается, что все друг друга критикуют, а самокритики совсем нет, никто как будто в этих событиях не виноват. Какую-то вину надо на себя принимать. После выступлений получается, что оба правы, а на самом деле оба неправы.

Положение усугубляется и тем, что эти тревожные события создают прецедент, который завтра может отозваться в любой части страны. Это как камнепад в горах.

Кто же виноват? Что же делать? Кто виноват, разбираемся и никак не можем разобраться, хотя и все знаем. Что виновато — тоже знаем: это националистические чувства, которые быстро распространяются, как пожар.

А что делать? Над этим надо думать. Дело так поставлено — речь идет о том, что Армения поставила вопрос о переходе Нагорного Карабаха в состав Армении. Разве это разрешит вопрос? Разве в Азербайджане пройдет это так просто? Это общей дружбе народов поможет? Целой стране поможет? Это не решение вопроса.

А если оставить как есть? Как было по Конституции 1924 года, как есть сейчас? Я не уверен, что можно оставить все по-прежнему. Я не уверен, хотя говорят, что Армения успокоится. Положение нормализовано сразу не будет, потому что обстановка накалена. Может быть, до выработки общих принципиальных решений допустить в отношении к Нагорному Карабаху возможность

промежуточных урегулирований? Мне видится это следующим образом: не касаясь сейчас вопроса административно-территориального и государственного статуса Нагорно-Карабахской автономной области, передать временное управление областью непосредственно в ведение Верховного Совета или Совета Министров СССР или создать специальную какую-то форму, придумать временно... Если происходит землетрясение, то все республики спешат помочь тому региону, где это землетрясение... Когда сейчас сердцебиение у нас, почему мы не спешим что-то делать, помочь успокоить людей, принять серьезные меры?

У обоих народов должно хватить мудрости и понимания того, что национальные интересы каждого из них неразрывны как друг от друга, так и от интересов всех народов СССР. Надо смотреть вперед, а не назад, и не решать сегодняшние проблемы средствами вчерашнего дня».

Перечитав свою речь, не нахожу в ней ничего такого, что противоречило бы логике и что могло вызвать бурю гнева у твоих земляков. Прочти и ты, друг, мою речь спокойно. Есть ли в ней хоть одно слово, умаляющее достоинство азербайджанского народа? Есть ли хоть одно выражение, бросающее тень на славу и подвиги страны Вагифа и Физули, Хагани и Сабира, Микайла Мушфика и Самеда Вургуна? На страну, где живешь ты и много других достойных и хлебосольных людей?

Мне все народы очень нравятся,
И трижды будет проклят тот,
Кто вздумает и кто пытается
Чернить какой-нибудь народ.

Это я написал давно и сейчас подчеркнуто повторяю: в них отражена не погода, а природа моей души и смысл моей жизни.

Я родился и вырос в многонациональной республике. Моя земля скупа на щедрости. Но по количеству языков и наречий на гектар земли она занимает первое место в мире. Я научен мысли: всем людям хватит места на земле. Как волнам в море и звездам на небе. История моего Дагестана не знает, чтобы один народ

враждовал с другим. Нам всегда было вместе хорошо; и все мы гордимся своими соседями, глупец, кто о соседях плохо отзывается. Вот почему я себе и другим не позволю чернить твой народ. Слишком многое связывает мой народ с Азербайджаном — история, культура, традиции и быт. Все мы — травы одного корня.

Но нам ли с тобой, Наби, не знать, что не столько плоть и кровь, язык и религия, но, главное, те высшие гуманистические идеалы и цели, которые мы носим в сердцах, делают нас, людей планеты, братьями по духу?

Щедрость души, щедрость любви и доброты — этого богатства должно у нас хватать в равной мере для всех народов, где бы они ни жили, на каком бы языке ни говорили, какому бы богу не молились, ибо по отношению к народам не может быть применимо понятие «первые» и «последние». Все народы должны быть равны по правам и по обязанности. Особенно в наше время!

Если судить не по архивным данным и древним противоречивым документам, если судить по разуму и благородному чувству сегодняшнего дня (а сегодняшний день — итог многих лет и прогноз на многие грядущие), все наши народы — земляки и ровесники! Дети одной большой нелегкой судьбы.

И мои корни идут к древней Кавказской Албании. Но сейчас спорить и ругаться вокруг той или другой церкви — албанская она или армянская — несерьезно. Пусть она будет общечеловеческой. Или пусть каждый останется при своем мнении, если это доставляет ему радость. Однако тут нет причины хвататься за кинжалы.

Еще в молодые годы я написал стихи об Азербайджане — с чувством любви и благодарности. И эти чувства, и эти песни во мне продолжают жить. И эти же добрые чувства к Азербайджану я выразил, когда выступал в Президкуме Верховного Совета. Но позвольте мне такие же чувства питать и к другим народам Кавказа, и всей страны, и всего мира. Пусть хорошим людям везде будет хорошо, а плохие становятся хорошими.

Все эти месяцы сквозь поток тревожной информации передо мной сверкали открытые и приветливые улыбки сотен и тысяч моих приятелей из Баку и Еревана, и я вопрошал: как же это могло случиться?

Ведь Аветик Исаакян писал: «Из наших древних дымоходов клубится добрый дым...» Ведь наш учитель Са-

мед Вургун писал: «Пусть будет щепкою подарок друга, — с той щепкой я моря переплыву!»

Что же делать мне, когда два соседа, призванные гордиться и утверждать друг друга, пошли по пути отрицания друг друга? И с кем прикажете мне пойти? Я не хочу в архивах рыться и древние надписи на могильных камнях разбирать — не хочу культуру двух народов резать, как арбуз! Это занятие для ученых-историков, археологов, юристов. Они сами запутались в этом и запугали нас. Я стихотворец. Я бывал гостем Исаакяна и Сарьяна, знал Узеира Гаджибекова, испытал дружбу Хачатуряна; бывал в театрах Азербайджана и Армении; листал старые рукописи; часами смотрел на исторические памятники. Я не могу противопоставить один народ другому, тем более соседям. Оба они для меня великие, ибо мерилом величия того или другого народа для меня являются прежде всего те духовные сокровища, которые они оставили и оставляют своему и другим народам мира. «Великие» претензии не делают нас великими. Скорее наоборот. Чтобы быть великим, не обязательно иметь моря и океаны, корабли и большие территории.

Мне и в голову не могло прийти, что могут найтись люди, что способны считать себя смертельно оскорбленными, если услышат добрые слова о другом народе. Это же абсурд!

Повторяю: я люблю и Азербайджан, и Армению. И седой Хазар, и светлый Севан — им обоим в моем дагестанском сердце не тесно. Моя позиция — утверждение достоинства каждой нации и каждой народности. Дружбу я ценю превыше всех сокровищ на свете. «Берегите друзей» — это не просто книга моя. Это лозунг мой, принцип жизни. И я решительно против вульгаризаторов и фарисеев, которые на словах за дружбу, а сами готовы найти союзников и, объединившись, идти громить другой народ.

Митинговая любовь не по мне. И очень больно и страшно, что мы нередко льстили и лгали друг другу. Тем самым унижали друг друга, целуясь без любви, рассыпая комплименты без правды. Братские отношения мы зачастую подменяли панибратскими. Так удобнее: ни к чему серьезному они не обязывают. Позорны приписки

в экономике, но еще позорнее приписки в духовной сфере, особенно во взаимоотношениях между нациями.

Случилось, кажется, неповторимое. И все же не пытаться поправить — этого мы себе не простили бы до самой смерти. Это надо делать ради самой жизни. В Азербайджане говорят: невозможно склеить разбитое стекло. Но тут общими усилиями во что бы то ни стало надо склеить, чтобы в этом зеркале отражались не слезы, тем более кровь, а счастливые лица детворы.

Нечасто встречаются соседи, которые ни разу не поспорились бы, но им всегда хватало мудрости вовремя помириться, ибо сосед соседу, как брат брату, необходимо. Как известно, одной и той же иглой шьют и саван, и свадебное платье. Лучше свадебные платья, чем траурные, которые носят в эти месяцы многие женщины Армении и Азербайджана.

Нет и не может быть оправдания убийству, какими бы мотивами — логическими, этическими, национальными или религиозными — оно не было вызвано. Эту мысль, мой друг, задолго до нас высказал великий гуманист Кастеллино: «...Убить человека никогда не означает защитить учение, нет, это означает лишь одно — убить человека».

Воспетый всеми поэтами, Кавказ был далеко виден не только своими сверкающими вершинами, но и достойной судьбой народов, умением совместно отстаивать честь и достоинство каждого и всех. Кавказ — это уникальный союз наций. Горько, когда здесь появилась трещина! Но только ли горько?

Я подумал, чем бы это кончилось, случись в другое время, не в 88-м, а в 37-м или же 48-м годах? Жуткие трагические последствия немыслимо и представить. «Живи и помни» — посмотри на Каспий и подумай, мой друг.

Правда, мне могут возразить: тогда бы этого не могло быть. Под «солнцем сталинской Конституции» никому бы и в голову не пришла подобная «шалость», ибо для пресечения ее у угрюмого вождя были такие опричники, как Берия и Багиров. И гласность тогда не была в моде. Неужели язык кнута и пряника для иных более привлекателен, чем язык правды, совести и разума?

Представь и другое: чем бы обернулись события, будь Кавказ в других рубежах, в другой общественной

системе? Не избежать бы безрассудного кровопролития, аналогично ирано-иракской войне.

Пожар кровью не заливают. Теперь, когда мы пострадали ценой тяжелейших потерь, ценой позора, запятнавшего нашу историю и совесть — я говорю о судьбах целых народов, изгнанных с родной земли, — право иметь свое мнение, неужели мы будем драться каждый за свое «имение»?

Не удивительно, что этим не преминули воспользоваться те, кому не по душе бесцензурная совесть и честная мысль без чадры. Они говорят: «Вот до чего довели ваша демократия и гласность! Это еще цветочки».

Можем ли мы сейчас сказать, что никаких оснований для этих высказываний у них совсем нет? Увы, мой друг.

Так кто же виноват, если послушать вас и армянских товарищей? И виновных нет, и невинных нет. Виноваты и дашнаки, и мусаватисты, и Сталин, и ЦРУ, и зарубежные армяне, и средства массовой информации. Во всем виноваты «дальние родственники». Нельзя же свои пока необъяснимые отношения друг с другом целиком сваливать на других и тем самым уходить от разумных, пусть и необычайно трудных переговоров, полагаться на грубую, слепую силу. Но прозорливее и сильнее мудрости любви нет.

Дорогой Наби, в истории бывают такие моменты, когда поэты не должны плыть по течению, а быть способными, как здоровая рыба, идти против течения, быть народоводителями, пытаться вернуть заблуждающихся, озлобленных, обманутых на путь доброты, навстречу прекрасному, ибо поэт — тот, у кого прекрасная цель и кто совершает достойные этой цели поступки, чего бы это ему ни стоило. Орел всегда летит против ветра. Если бы армянские и азербайджанские поэты, как это делали их отцы, подняли свои голоса против негативных явлений, многого можно было бы избежать. Органы правоохранения призваны пресекать преступления, а художники обязаны пресекать пороки. Пусть в своих делах поэты и мыслители порой остаются и в одиночестве, изоляции, но правде в конце концов суждено победить.

Прежде чем выступить в Президиуме, я согласовал свое выступление со своей совестью. Совесть мою формировали мои главные учителя: природа, опыт жизни и

мудрость веков. Я советовался и с классиками Азербайджана и Армении — и не нашел ни одной строки в их произведениях, ущемляющей чувства других народов. Потому что они умели уважать, дружить и любить. Иначе они не были бы классиками.

Будучи в Азербайджане, мы вместе ездили в Закаталы и Балаханы, где живут твои и мои земляки. Они нас встретили как родных братьев. Вспоминаю, когда мы ездили в Шемаху по местам Сабира, ты рассказывал мне об этом удивительном поэте Азербайджана. Помнишь его стихотворение, написанное еще в 1905 году? Оно называлось «К согражданам мусульманам и армянам», и есть в нем такие строки:

Тогда, как наши дни
в союз объединиться нам велят,
И каждый человек у нас покою,
миру был бы рад,
И между нами
никаких не возвышается преград —
Вдруг дети родины одной вражду затеяли,
разлад!
Армяне — братья мусульман!
Зачем же встал на брата брат?
Где ж мудрые? Где храбрецы?
Они ли спора не решат?
Красноречивые, сюда! Где ваше рвенье?
Час настал!
Друзьям о дружбе возвестить, о единенье —
час настал!

Сильные, правдивые, мужественные слова! Как жаль, что о сегодняшней трагедии нет подобных стихов у сегодняшних поэтов. Думаю, и Сабиру в свое время произнести их было нелегко. И наверняка опасно: расплатой могли стать свист и вой оголтелых фанатиков-«патриотов», отверженность и раже расправа. Но еще опаснее для человека, Поэта льстить народу, который поручил ему говорить правду о мире и о себе. Правда, в частности, и в том, что ни один народ не согласится быть счастливым за счет горя другого. Как бы ни убеждали его в этом «доброхоты», суля победу.

Почему же иные поэты сегодня стыдливо молчат, а

иные дали националистическому эгоизму и угару взять верх над собой? Не потому ли, что мы, многие годы упиваясь славословием о безоблачности дружбы народов, постепенно утрачивали моральное право на правду? Не думали о последствиях. В том числе о проклятии лжи и... невежества сердца. Да, мой друг, не оглядывались в радости, боясь оглянуться и во гневе. Но это сделать необходимо.

Это, поверь, не просто слова. Другое дело, что от частого употребления все обесценились многие из святынь понятий. В этом большая доля и нашей вины. И моей, и твоей, Наби. Я не говорю о других: пусть сами определяют степень своей вины или, если могут, считают себя непогрешимыми. Болезни не бывает без предвестников-симптомов. Но болезнь обостряется и нередко кончается печальным исходом, если не поставить вовремя правильный диагноз или, еще хуже, глушить ее усыпляющими таблетками.

В Нагорном Карабахе и этого не было. В лучшем случае, когда бушующая река грозила выйти из берегов и сток воды не мог регулироваться, некоторые стали на улицах и площадях прикрывать слякоть соломой. От этого под ногами не стало чище: а на душе было невыносимо тяжело. Говоря же без метафор, мы оказались преступно беспечны: не расслышали сигнал бедствия. Не поняли, что предвещали отдельные толчки. А почему? Были уверены: у «нас» ничего подобного не может быть. И продолжали воспевать «счастливую жизнь», заглушая трезвые голоса и в Армении, и в Азербайджане. Себя заглушали тоже. А гром уже гремел. Догадались об этом лишь тогда, когда дождь и град обрушились на нашу голову. И тогда-то кое-кого вместо прозрения ослепила злоба: как смел грянуть гром? Наверняка это козни соседа — ату егю!

Разумеется, у меня и в мыслях нет всю ответственность за трагедию переложить на плечи «лириков», хотя некоторые из нас и мнят себя «политиками». Но, как видим, те средства, которые они «изобрели» в Азербайджане и в Армении, не помогли вытащить занозу, а загнали ее вглубь.

Сумей мы сами найти достойный выход за столом переговоров, не пришлось бы выносить этот вопрос в Президиум Верховного Совета СССР.

Теперь несколько слов о моей «кироармянской» позиции. Я не мыслил одних возносить, других унижать, У всех, и у меня в том числе была одна цель — восстановить мир и дружбу между двумя братскими народами. Прости, но только в кошмарном бреду можно представить, чтобы вопрос на обсуждении мог быть представлен иначе. Например: «Кто за Армению? Кто за Азербайджан?» Голосовали за создание образца национального мира кавказских республик. В свое время В. И. Ленин призывал учитывать своеобразие республик Кавказа и потому рекомендовал не копировать общую тактику, а потому видоизменять ее применительно к различию конкретных условий».

«Конкретные условия» сложились очень запутанные, трудные, сложные: демонстрации, забастовки, погромы, поножовщина — все это позорно не только между соседями и братьями, но вообще в любом цивилизованном обществе. И в это время, когда положение так раскалилось, надо было незамедлительно найти середину. Пусть она и не золотая, но все же я предложил обсудить ее, надеясь, что необходимый компромисс будет содействовать хотя бы промежуточному урегулированию проблемы. Я предлагал, не касаясь вопроса административно-территориального и государственного статуса Нагорно-Карабахской автономии, передать временное управление областью непосредственно в ведение Верховного Совета или Совета Министров СССР или создать какую-то иную форму хотя бы временно. Где же тут нарушение Конституции, о чем мне пишут из Азербайджана? И где же тут основание, чтобы «раскололась вершина горы»? Горам нет причины рушиться, но они удивленно смотрят на то, что творится сейчас, в конце XX века, вокруг Нагорного Карабаха. Казбек и Эльбрус, Гуниб и Шахдаг давно не видели такого.

Как и все, я пришел на заседание Президиума не для того, чтобы проголосовать за подготовленный заранее проект решения, как это было во времена продолжительных аплодисментов, переходящих в бурную овацию, а высказать свое мнение. Мои же корреспонденты из Азербайджана решили пристыдить меня, что я после других авторитетных выступлений смел внести свое предложение от имени дагестанского народа.

Во-первых, принципиальных расхождений в предложениях не было. Во-вторых, пора бы привыкнуть, что каждый может иметь и высказывать свое мнение. В-третьих, как Блок сказал о поэте: «...И мало ему конституций!» Мои чувства в определенных ситуациях, увы, не всегда отражают статьи законов. И самое главное, я не выступал от имени дагестанского народа, тем более от имени азербайджанского или армянского. Я выступаю от своего имени, ибо никто не уполномочивал меня говорить от имени народа.

Я был просто удивлен посланиями азербайджанских товарищей. Один пишет: «Ты завоевал ненависть азербайджанского народа»; другой: «Ты перешел на сторону врага»; для третьего я — «предатель»; четвертый сообщает, что сжег мои книги. Что ж, как явствует из истории, книги сжигались не самые худшие. Поэтому я не обращусь за помощью к пожарным. За что же такая средневековая, безумная ненависть? Будто бы я предложил территорию Азербайджана передать Армении. Ничего подобного в моей речи нет. И быть не могло. Моя задача скромна: внести свою лепту в формирование общего подходящего мнения. По величине птицы от нее и кровь.

Не утаю, сначала я хотел воспользоваться мудрым советом Пушкина — «и не оспаривай глупца». Но, кажется, «глупость» зашла слишком далеко и превратилась в нечто такое, что страшно не за себя, а жутко за них: поэтому их письма и телеграммы я не цитирую. Почему это возможно в наше время? Тут требуется безотлагательное лечение. Очень жаль, что знаменитый доктор Святослав Федоров, дружбой с которым я горжусь, не может вернуть ослепшим от злобы свет истины, как он возвращает слепым калекам свет мира и красоты, радость жизни. Но мы-то, Наби, должны стремиться к этому.

Хочу повторить, дорогой друг: кто любит свой народ, тот не должен без конца, в каждом случае, молотя себя в грудь кулаком, от его имени выступать, а обязан словом и делом служить ему. Подлинный патриот — это интернационалист. Кто хочет процветания своей нации, тот особенно сейчас должен иметь добрые чувства ко всем народам, особенно к соседям. Я готов с тобой и всеми друзьями делить печаль, беду, горе, радость. Но

не могу ни с кем делить злобу и ненависть к какому бы то ни было народу.

После меня сразу выступал в Президиуме первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана товарищ А. Х. Везиров. Боль и обида, тревога и досада, надежда и вера — вот что прозвучало в его выступлении. В речи не было и намек на озлобление, ни одного резкого слова об Армении и о других соседях. Наоборот, он выразил добрые чувства к армянскому народу. Он искал слова не разъединяющие, а объединяющие.

По-моему, работать надо именно в этом направлении. Когда на небе тучи, крестьянин спешит спасти урожай. Мир и дружба народов в опасности — между двумя замечательными народами раздор. Надо найти лучшие средства, чтобы избежать духовного СПИДа, распространения националистической наркомании.

Неужели ты, Наби, написавший стихи «Сибирь в моем сердце», стихи о Японии, Чехословакии, Югославии, не найдешь доброго слова для своего соседа, подобного тому, что исторг из своего сердца наш любимый Сабир и другой ваш великий поэт: «Вступай с земными бедями в борьбу, пока они тебя не доконали»? Да, мой друг, сейчас пробил час мужества, прозорливости. Час открытой души и лица. Это пришло мне на ум в связи вот с чем. Когда мне довелось быть в Иране, живший там азербайджанский поэт Сурат-Хан пригласил меня на концерт знаменитой певицы Гугуш. Она пела чудно. Особенно запомнилась мне песня со словами «верю, люблю». После исполнения этой песни армянские поклонники преподнесли ей корзины роз, сквозь которые едва было видно ее прекрасное лицо. Говорят, что лицо теперь в чадре. Неужели тогда, в шахском Иране, азербайджанцы и армяне могли мирно жить и армянин мог преподнести азербайджанке цветы, а в нашей Отчизне Гоар должна быть лишена закатальских роз, Зейнаб — ереванских тюльпанов? Обидно. Ты скажешь: мы не виноваты. Но все же, все же, все же... Наби.

Когда-то возможно же было создание федерации кавказских республик. Создание самостоятельных прекрасных республик — неужели оно продемонстрировало духовный отрыв друг от друга? Это похоже на детей одной матери, которые, вступив в самостоятельную жизнь, живут только своими интересами, забыв друг о друге,

или ревнуют друг к другу, или враждуют друг с другом, как выяснилось сейчас.

Еще до революции в Тбилиси выходило ежемесячное красочное журнальное приложение к газете «Кавказ» на русском языке. Этот журнал имел хорошую репутацию и знакомил читателей с жизнью многочисленных малых и больших народов. И сейчас есть «Литературная Грузия», «Литературная Армения», «Литературный Азербайджан». Но не мешало бы возродить в современных условиях и журнал с гордым названием «Кавказ», на страницах которого обсуждали бы важные темы и проблемы, общие и отдельные для народов Кавказа.

Есть многое, над чем следует размышлять. Надо много преград преодолеть. Но самая большая преграда — в нас самих. Самозолацию, отчужденность, вражду, коли они возникли, необходимо выпалывать, как сорняки. Я не понимаю тех, кто заботится об экологии окружающей среды и в то же время злостно засоряет умы сограждан национализмом. Меня совсем не задевают предупреждения националистов, что в их рядах нет места для меня. Мне нечего делать в их «рядах». В такой же мере избегаю шовинистов, сионистов, антисемитов, пантюркистов, панисламистов и прочих «истов». Зато я богат настоящими друзьями. Они везде, в том числе и в Азербайджане, и в Армении.

Недавно в центре управления космическими полетами я связался с космическим кораблем, пилотируемым Владимиром Титовым и Мусой Манаровым. Я разговаривал с представителем нашей планеты, нашего Союза, с дорогим Мусой. Он сын маленького лакского народа из Дагестана, вырос в Баку, учился в Москве и поднялся так высоко, совершает свой космический полет и принимает там гостей. И ты, Наби, и я, и все другие можем совершить свои полеты жизни, если мы найдем дорогу к сердцам друг друга. Если мы найдем дорогу к соседям, к старшим и младшим, к нациям и народностям, если мы будем владеть искусством жить в дружбе и мире. Другого пути нет!

Я думаю и говорю в эти непростые дни, что наступит день добрых встреч и братства, и вновь твержу песню Гугуш: «Верю, люблю, люблю, верю!»

20 октября 1988 года

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

Р. С. Письмо, дорогой Наби, уже было закончено, когда пришла «Литературная газета» с твоей статьей. Это даже и не статья — гнев и плач о трагической судьбе замечательного азербайджанского поэта Микаила Мушфика, павшего жертвой чудовищного произвола. В ней же обвинение тому и тем, кто, не найдя в своем сердце мужества (а как бы вели себя тогда мы?), молчал, отдавая душу народа на растерзание палачам. «Я думаю, — пишешь ты, — неужели этот страшный опыт не научит нас ответственности за время, за историю, не пробудит желания бережно относиться друг к другу, к людям, к жизни, которая у каждого одна и потому неповторима? Никого и никем нельзя заменить».

Прекрасные слова! Но то, что относится к людям, относится и к народам. Так что у нас нет права уклоняться, молчать, когда под угрозой дружба соседей — Армении и Азербайджана. Страшный опыт повториться не должен.

Р. Г.

«Литературная газета»

30 ноября, 1988 год

СУМГАИТСКИЕ ПРОЦЕССЫ

СУМГАИТ. ЭПИЛОГ ТРАГЕДИИ

Подшел к концу первый судебный процесс над участниками беспорядков в Сумгаите

Судебные протоколы ведутся без эпитетов и сравнений, но нет, кажется, ничего страшнее сухого скрупулезного их цитирования. «Лучеобразный перелом затылочной кости, переломы грудины и шести ребер... Смерть в результате тяжелой черепно-мозговой травмы... Умиравший был обожжен...» Так погибал 62-летний плотник Шаген Саркисян, за минуту до смерти вышвырнутый разъяренной толпой из своей машины на сумгаитской улице Мира.

Как это происходило? В судебном заседании Верховного суда Азербайджана под председательством Альберта Клокова пытаются не упустить ни малейшей подробности. В ответ на каждую из них — слезы, еще более

кажутся пальцы, обхватившие голову в черном платке. Каково это слушать, заново переживать жене, сыну, близким?

В какой-то момент показалось, что горе в этом зале с двух сторон сомкнулось: горе жены убитого — горе матери и отца обвиняемого в убийстве. У бригадира штукатуров Салеха Исмаилова и дворника Чимназ Аббасовой 8 детей, один из них, Тале, — на скамье подсудимых. «Мне стыдно смотреть на людей. Я не могу в это поверить», — сказал превратившийся в потухшего старика 50-летний отец. Но сын не отрицал преступления: да, это он нанес избитому, поваленному на асфальт Саркисяну два страшных удара по голове металлическим прутом.

...Все дни процесса маленькое здание суда в 9-м микрорайоне Сумгаита было оцеплено многочисленными нарядами милиции. Недалеко от входа выставили двух автоматчиков в касках и специальных жилетах с прижатыми к стволам штыками. Понятны опасения. Но эта подчеркнутая боевая готовность, образцовое оцепление при полном отсутствии желающих его прорвать напомнили нам совсем другое — беспомощность сумгаитской милиции в первые, самые тяжелые дни беспорядков. Еще придет черед суда над теми, кто семь часов в ожесточенном зверстве штурмовал квартиру, где двое оборонялись кипячком, током, кулаками, — конец этого дикого штурма был страшен. Но ведь все семь часов они звали, обращались в милицию!

Еще предстоит выяснить, как получилось, что 28 и 29 февраля многие телефоны в городе отключались, кто ответит за успокаивающие советы: «Сидите дома», в то время как людей нужно было срочно эвакуировать. Одно очевидно: бездействие тех, от кого были вправе ждать защиты, поощрило толпу. Поощрило на убийства и изнасилования, на разгром 200 квартир, 50 магазинов и киосков, поджог 20 автомашин.

Более десятка офицеров — руководителей сумгаитской милиции сейчас из органов МВД уволены. Прокуратура СССР ведет специальное расследование.

Бойсь, мало серьезного будет в уроках сумгаитских событий, если ограничатся лишь увольнениями начальников. Слишком свежо в памяти время, когда руководитель района, области — да что там, страны! — становил-

ся у нас героем всех побед либо виновником любых просчетов.

В тесном зале суда я сижу в четырех-пяти шагах от 20-летнего Исмаилова, обвиняемого в страшном преступлении. Бледный, тонкая шея с бегающим кадыком, смотрит все время в пол. Трудно верится в показания одного из свидетелей: «Я видел его в толпе. Он кричал, как все, и был веселым». Из тех, кто «как все», уже арестовано более 80 человек: большинство — рабочие, большинство — комсомольцы. Подавляющее большинство — вчерашние жители села, постояльцы заводских общежитий и «нахалстроев». Почему бы, сменяя здесь первого секретаря горкома комсомола, не посмотреть, что, кроме членских билетов, дал «передовой отряд молодежи» этим молодым людям, подробности преступлений которых поразили даже судмедэкспертов?

Суд призван давать четкие однозначные ответы. Но кто ответит, почему никогда раньше не имевший дело с милицией Тале пошел в тот вечер убивать армян, почему кричал он и веселился, почему убил? Он не знал Шагена Саркисяна, не был знаком с тремя его сыновьями, он не держал злобу и обиду ни на одного конкретного армянина, живущего на этом свете, зато у него перед глазами были армяне — друзья отца по бригаде, и он приветствовал с их сыновьями... Кто знает ответ, ответьте!

Жестокие события, суть которых мы пытаемся сейчас понять, потребовали житейского мужества от простых, никак не склонных к подвигам людей. Пенсионерка Махлуга Алиева двое суток прятала своих соседей — семью Осипа Даниеляна; чтобы квартиру не разграбили, табличку на их двери замазала краской и нацарапала другую, азербайджанскую фамилию. На третий день Даниелянов эвакуировали в горком, и хотя было еще беспокойно, пенсионерка Алиева, сварив обед на троих, отправилась через весь город с кастрюльками. Полдня разыскивала своих соседей среди эвакуированных — и нашла. А недавно Даниеляны, уезжавшие в Ереван, к сыну, возвратились в Сумгаит. Они — одна из 253 вернувшихся семей. Правда, 965 еще в других городах. Да и Даниеляны краску с дверной таблички стирать не спешат.

Испуг и скованность после случившегося ощутила и церковь.

— Прихожан стало значительно меньше, — рассказывает настоятель церкви святого Григория-просветителя в Баку Давид Диланян, — многие огорчились, узнав, что нашу церковь пытались поджечь. Недавно, на Пасху, мы подсчитали: к нам пришло втрое меньше обычного.

Суд идет... В городе очень хочется забыть об этом. По-летнему жарко. На каждом перекрестке лотки с клубничкой, черешней, пунцовыми помидорами. Что еще надо?!

А надо, считает новый председатель Сумгаитского горисполкома, недавний директор алюминиевого завода Расим Эмембейли, отселить злополучные трущобы «нахалстроя» — беду города и поставщик кадров февральской толпы. Решено предоставить семьям землю и ссуды для настоящего строительства. Чтобы развязать этот узел, потребуется и городу построить вдвое больше жилья в следующем году. В принципе задача разрешимая, если будут помогать. Вот, скажем, в нынешнем квартале на социальные и бытовые нужды Сумгаиту выделили в пять раз больше обычного денег. Но неужели, чтобы решать городские проблемы, обязательно нужна такая встряска?

Центром всех сумгаитских событий был автовокзал, здесь собирались хулиганы и погромщики, отсюда начинали они свои шествия. Задумал председатель горисполкома построить новое здание, а старый автовокзал из центра города убрать, прежде всего как напоминание о событиях.

Но не так это просто — забыть. Память о тех нескольких днях будет болью не один год.

Не будем скрывать, страшные события выделили Сумгаит в общественном сознании отнюдь не в лучшую сторону. Название города теперь мало ассоциируется с трудовыми победами. Нелегко будет развеять дурную славу. Но ошибкой была бы и изоляция Сумгаита. 26 городов прислали его туристскому бюро отказ в сотрудничестве. Что ж, никто насильно сюда гостей затягивать не станет. Но ведь при таком круговом отказе и сумгаитцы лишаются возможности путешествовать по стране, бывать в других городах и республиках. Жаль, ведь изоляция не лучший способ интернационального воспитания.

— Когда я передаю этот репортаж, закончены прения сторон. Государственный обвинитель, помощник Генерального прокурора СССР Вячеслав Лебедев попросил осудить Т. Исмаилова к 15 годам лишения свободы,

Просоветовавшись более пяти часов, к концу дня 16 мая Верховный суд Азербайджанской ССР вынес приговор, которым назначил Т. Исмаилу максимальную меру лишения свободы, предусмотренную законом, — пятнадцать лет.

ВИКТОР ЛОШАК,
наш специальный
корреспондент.

«Московские новости», № 22,
22 мая 1988 г.

НАСТАЛ ЛИ ЧАС РАСПЛАТЫ?

12 октября в городском народном суде Сумгаита началось выездное заседание судебной коллегии по уголовным делам Воронежского областного суда по делу в отношении Мехдиева А., Рзаева З., Турабиева А., обвиняющихся в организации и участии в массовых беспорядках в Сумгаите, сопровождавшихся убийствами, изнасилованиями, разбойными нападениями, погромами, грабежами, разрушениями, поджогами. Председательствующий на суде В. П. Королькова. Интересы потерпевшей стороны на суде представлял член коллегии адвокатов Армянской ССР Р. Саакян.

Начало процесса было отложено из-за отсутствия одного из потерпевших. Через день судебное разбирательство было возобновлено. Но теперь уже подсудимый Рзаев, отказавшись от услуг местного адвоката, потребовал приглашения адвоката из РСФСР. 17 октября в зале суда появился воронежский адвокат и теперь Рзаев отказывается от услуг и этого защитника. Одновременно адвокат потерпевшей стороны потребовал время для более обстоятельного ознакомления с материалами уголовного дела. Ходатайство было удовлетворено. Судебное разбирательство возобновилось 24 октября.

Через день потерпевшая сторона покинула зал судебного заседания, отказавшись от участия в судебном следствии, дачи показаний, и потребовала освобождения адвоката Р. Саакяна от дальнейшего участия в деле.

Редакция обратилась к Рубену Саакяну с просьбой пролить свет на ход данного судебного разбирательства.

— Очевидно, для подобного поведения у потерпевшей стороны были веские причины. Что побудило ее отказаться от дальнейшего участия в деле?

— Еще накануне, 24 октября, в конце подготовительной части судебного заседания, т. е. до оглашения обвинительного заключения, я вынужден был обратиться к судебной коллегии с ходатайством о возвращении дела на дополнительное расследование в связи с крайне неполным, невесторонним предварительным расследованием. Оно велось следственной группой Прокуратуры СССР под руководством следователя по особо важным делам при генпрокуроре СССР, ст. советника юстиции В. С. Галкина с 1 марта с. г. при участии около 200 следователей.

— Что именно вы подразумеваете под «крайне неполным и необъективным расследованием»?

— В моем ходатайстве выдвигалось 17 пунктов, подтверждающих неполноту следствия. Перечислю наиболее уязвимые моменты, которые не могли удовлетворить требования защиты потерпевшей стороны.

На мой взгляд, Мехдиеву не было предъявлено также обвинение за подстрекательство к совершению изнасилований и убийств. Рзаеву было предъявлено обвинение в убийстве В. Аванесяна, в покушении на убийство его брата А. Аванесяна, совершенных из хулиганских побуждений. Однако по делу установлено, что братьям были нанесены многочисленные телесные повреждения, а их убийства совершались одновременно на небольшом расстоянии друг от друга, чем причинили им особые страдания, то есть преступление было совершено также с особой жестокостью.

Потерпевшим и свидетелям предъявлялись на опознание не все подозреваемые по делу (одному предъявляли пятерых, другим — 24 подозреваемых). А ведь известно, что под следствием по фактам сумгаитских событий находятся более 90 азербайджанцев и что многие из них совершали свои кровавые злодеяния в разных частях города в разное время.

Были предъявлены также серьезные претензии по отношению к местным правоохранительным органам и

властям, своевременно не попытавшись пресечь, предотвратить и ликвидировать беспорядки, что привело к трагическим последствиям.

В тот же день защитники подсудимых потребовали время для ознакомления с доводами моего ходатайства и высказывания своего мнения по нему.

На следующее утро они обратились к судебной коллегии с просьбой отклонить ходатайство. Потом последовало заключение прокурора: «...Ряд доводов адвоката заслуживает внимания, но я думаю, что эти доводы можно будет разрешить и в ходе судебного следствия, на то оно и проводится. Значительная часть пунктов предъявленного ходатайства о возвращении дела на дополнительное расследование связана с неполнотой предъявляемого обвинения, неправильной юридической оценкой, с неустановлением и привлечением всех лиц, участвовавших в преступлении. Но мы рассматриваем в настоящем судебном заседании только часть общего дела, или часть сумгаитских событий, о которых говорим. Представитель потерпевшего пытается смотреть на дело через призму всех событий, в общем, может быть, это правильно, это его право.

Но обратите внимание: уголовное дело было возбуждено по фактам массовых беспорядков в феврале с. г. в Сумгаите и еще не закончено, ведется расследование и здесь был поставлен вопрос: по скольким делам будут участвовать еще потерпевшие по нашему делу в качестве потерпевших. Ответить на этот вопрос будет очень трудно. Это будет зависеть от результатов следствия, по окончании расследования по всем событиям.

Считаю, что это ходатайство преждевременное, его нужно будет обсудить еще в ходе судебного следствия. Поэтому следует отклонить...»

А вот мнение председателя суда: «...Ходатайство г. Саакяна не может быть удовлетворено, ибо все вопросы, изложенные в письменном ходатайстве о возвращении дела на дополнительное расследование могут быть объективно разрешены только после тщательного исследования в судебном заседании всех материалов уголовного дела, всесторонних допросов потерпевших, подсудимых, свидетелей. При таких обстоятельствах суд считает, что ходатайство адвоката Саакяна является преждевременным...»

— Известно, что и потерпевшая сторона выдвинула ходатайство.

— Да, потерпевшие Римма Аванесян и Владимир Бабаев, сыновьями которых являются убитые Валерий и Альберт, заявили ходатайство о признании их гражданскими истцами, выдвинули требование о возмещении материального ущерба в сумме 65 тысяч 500 рублей, нанесенного им в процессе погромов. В исковом заявлении Р. Аванесян отмечается, что она ходатайствует о возмещении материального ущерба лишь с одной целью — построить памятник сумгаитским жертвам, а оставшуюся часть средств перечислить в Дегский фонд. Аналогичные требования выдвинули также Нина и Хачатур Бабаевы (сумма ущерба составила 29 тысяч 800 рублей). Они были единодушны в требовании признать гражданским ответчиком правительство Азербайджанской ССР, мотивируя это тем, что несвоевременное принятие надлежащих мер именно с его стороны привело к трагическим последствиям.

— Понятно, что суд признал потерпевших гражданскими истцами, а вас их представителем. А какое решение он принял в отношении «гражданского ответчика»?

— Приведу оба мнения: прокурора и суда.

«... Что касается признания правительства Азербайджана гражданским ответчиком, считаю, что это ходатайство подлежит отклонению, т. к. меры принимались, достаточные или недостаточные, но меры принимались...»

«... Ходатайство о признании гражданским ответчиком правительство Азербайджана, по мнению суда, может быть разрешено только в конце судебного следствия, когда судом будут установлены все обстоятельства совершенного преступления. В зависимости от того, какие будут добыты доказательства в судебном заседании, будет решен вопрос о привлечении в качестве гражданского ответчика правительство Азербайджанской ССР...»

— Насколько понимаю, после этого последовало письменное ходатайство потерпевших и их представителя с просьбой о проведении судебного следствия в г. Воронеже.

— Известны и неопровержимы мотивы подобного заявления. Потерпевшие и некоторые свидетели боятся давать правдивые показания в Сумгаите. В городе, где

на их глазах убивали ни в чем не повинных людей, насиловали женщин, громили квартиры, раздевали мужчин и женщин, водили их по улицам, издевались и глумились над своими жертвами, забрасывали камнями воинские подразделения, переворачивая и поджигая их транспортные средства...

Адвокат, а затем и прокурор, предложили отклонить это ходатайство. Судебная коллегия также отклонила просьбу, считая целесообразным проведение судебного следствия в Сумгаите, учитывая, что по делу должны быть допрошены около 50 человек, основная часть которых — местные жители.

— Потерпевшая сторона покинула зал — был ли это единственно разумный шаг в создавшихся условиях?

— Увы, да. 14 октября, до начала судебного заседания неизвестные лица азербайджанской национальности угрожали потерпевшим расправой. Я вынужден был сообщить об этом судебной коллегии. Присутствовавший следователь следственной группы Прокуратуры СССР Ш. Валеев отвел потерпевших в безопасное для них место, где находятся члены следственной группы. Потерпевшая М. К. сообщила, что на дверях ее квартиры в г. Баку неизвестными лицами были нарисованы кресты.

Здание суда в Сумгаите, где проходит судебный процесс и проводится дальнейшее расследование событий, находится под усиленной вооруженной охраной, а в зале суда, кроме усиленного конвоя подсудимых, постоянно находится большая группа сотрудников милиции. Эти факты, бесспорно, свидетельствуют о понятных опасениях судебной коллегии и следственной группы Прокуратуры СССР. Естественно, что эти опасения не покидают потерпевшую сторону и вне зала суда.

— Итак, потерпевшие заявили, что в Сумгаите давать показания не будут и потребовали освободить их представителя от участия в деле. Насколько разумен ваш уход из зала суда и дальнейшее неучастие в судебном процессе?

— С правовой точки зрения, я должен был выйти из участия в деле, т. к. требование потерпевших само по себе является расторжением соглашения на мое участие в деле. Однако я склонен думать, что присутствие адвоката позволило бы в полном объеме представить в суде

интересы потерпевших, участвовать в оценке доказательств, способствовать вынесению законного приговора. Мои подзащитные, несмотря на эти доводы, не допустили моего дальнейшего участия в деле, мотивируя отсутствием гарантий моей безопасности и непредсказуемостью последствий в момент вынесения приговора.

— Значит ли это, что и в отношении вас допускались какие-то противоправные действия?

— С первого же момента моего участия в деле я использовал магнитофон, что не запрещено уголовно-процессуальным законодательством. Это не понравилось адвокатам подсудимых, и они ходатайствовали перед судом воспретить мне применять звукозапись. В ход пошли надуманные предлоги о якобы провокационных целях, преследуемых мною... Суд отклонил их незаконное требование. Видимо, подобное поведение азербайджанских адвокатов послужило поводом для нецензурной брани в мой адрес в момент выхода из помещения со стороны родственников обвиняемых, присутствовавших в зале.

— А кто представлял интересы подсудимых?

— Инициалы адвокатов не были названы, и я знаю лишь их фамилии — Керимов, Турбовская, Асланов. В деле участвовал также общественный защитник, выдвинутый коллективом спецуправления механизации № 2 (СУМ—2) спецреста «Промстроймеханизация», где работал подсудимый Мехдиев. Одновременно этот же коллектив выдвинул ходатайство о передаче материалов дела в отношении Мехдиева на рассмотрение товарищеского суда СУМ-2 (?).

— Простите, не понял. О каком общественном защитнике идет речь? Не цинично ли выдвигать защитника от коллектива. И не свидетельствует ли это о том, что в Азербайджане до сих пор не дана должная оценка по поводу трагических событий в Сумгаите?

— Согласен с вами. Учитывая тяжесть вмененного в вину Мехдиеву преступления, казалась, естественнее было бы появление в зале общественного обвинителя. К тому же Мехдиев не признает себя виновным и его адвокату предъявлять суду это ходатайство коллектива с учетом тяжести преступного деяния выглядит неграмотным с правовой точки зрения.

— Что конкретно инкриминируется каждому из подсудимых?

— Мехдиев Аламдар Гасанали оглы — азербайджанец, 36 лет, бригадир асфальтировщиков СУМ-2, отец троих детей, обвиняется в устной пропаганде и агитации с целью возбуждения национальной вражды и розни, организации массовых беспорядков в 4—5 кварталах города. Рзаев Закир Мамед оглы — азербайджанец, 26 лет, уроженец села Фиолетово Гугаркского района Арм. ССР, имеет двоих детей, без определенного рода занятий и места жительства, обвиняется в участии в массовых беспорядках, разбойном нападении с целью завладения личным имуществом граждан, а также умышленном убийстве из хулиганских побуждений В. Аванесяна и покушении на умышленное убийство из тех же побуждений А. Аванесяна. Турабиев Азер Гасан оглы — азербайджанец, 22 года, уроженец села Айдарян Гугаркского района Арм. ССР, член ВЛКСМ, холост, моторист бетономешалки завода ЖБ изделий № 12 треста «Железобетон», обвиняется в участии в массовых беспорядках и умышленном убийстве из хулиганских побуждений А. Аванесяна.

— Все кровавые преступления в Сумгаите были направлены против представителей одной нации — армян. В деле же постоянно фигурирует формулировка «из хулиганских побуждений». Ваше мнение по этому поводу?

— Следственные органы исходили из действующего ныне в стране уголовного законодательства.

Мне кажется, многократно повторяемую формулировку «из хулиганских побуждений» вызвал избранный правовой подход к сумгаитским событиям. Если бы сумгаитская трагедия рассматривалась как единое многоэпизодное преступление, вероятно, были бы найдены новые и более точные формулировки, которые в пересматриваемом сегодня уголовном законодательстве отсутствуют. Ведь происшедшее в Сумгаите — беспрецедентный случай в истории советского общества. И юристы обязаны осмыслить это явление в комплексе, в качестве суммы убийств, насилий, поджогов, разбоев, грабежей, как одно преступление, а не как отдельные преступления, по случайности имевшие место в одном и том же городе и в то же время.

— Подтверждается ли приведенная вами верейя свидетельскими показаниями?

— Четко или однозначно ответить на этот вопрос можно будет лишь после завершения всех процессов по делу о сумгаитских событиях. Сейчас же можно лишь констатировать, что в деле имеются многочисленные показания свидетелей, которые требуют досконального расследования на суде.

Подсудимые свидетели, ответственные должностные лица, в основном азербайджанской национальности, в период следствия давали показания, что один из организаторов погромов (Мехдиев), подстрекая к совершенно бесчинств в отношении армян, говорил следующее: — Вы не мусульмане, в Армении убивают азербайджанцев, насилуют азербайджанских женщин, режут им груди, стригут наголо, раздевают их и выводят на улицы, выжигают на лбах кресты и за это нужно убивать армян, уничтожать их...

— Вероятно, необходимо обладать железными нервами, чтобы изо дня в день выслушивать этот кошмар?..

— Вчитываясь в материалы дела, человек может потерять рассудок. В течение часа взламывали дверь квартиры Аванесянов, забрасывали окна камнями, пытались поджечь квартиру, попали камнем в висок отчима. Он упал, потеряв сознание. Жена оттащила мужа на второй этаж, в квартиру, где проживала русская семья. Братья попытались спастись бегством, однако каждого из них в отдельности окружила толпа, вооруженная арматурными прутьями, камнями, ножами, топорами, зверски избивала их насмерть.

При ознакомлении с материалами дела я был поражен ходатайством азербайджанского адвоката по эпизоду убийства Турабиевым А. Аванесяна. Со слов обвиняемого он пишет, что его подзащитный, случайно оказавшись на месте преступления и увидев, что очень много людей держат за руки какого-то человека и поняв, что это армянин, с целью напугать последнего ударил перочинным ножом и что этот человек (А. Аванесян) даже не отреагировал на удар и продолжал стоять на ногах. Адвокат заключает свое ходатайство следующим образом: «У Турабиева не было умысла убить Аванесяна. Основываясь на вышеуказанных причинах, в действиях Т. нет состава преступлений, предусмотренного

статьями 72 и 94 п. 2 УК Аз. ССР. Прошу прекратить уголовное дело».

Согласно показаниям потерпевшей по делу М. К., она и ее сестра М. Л. во время погрома в их квартире были изнасилованы десятками мужчин-азербайджанцев в одной комнате. Затем голую М. К. вывели на улицу города и продолжали избивать и издеваться над ней. Дело в отношении изнасилованной находится в стадии расследования. Многие из насильников, по словам М. К., арестованы. По данному же делу М. К. привлечена в качестве потерпевшей, т. к. Турабиев нанес ей несколько ударов по телу.

— Как вы квалифицируете действия местных органов внутренних дел?

— В письме председателя Сумгаитского горисполкома, направленном в адрес следственной группы, отмечается, что «принятые меры против толпы органами внутренних дел были крайне недостаточными». Считаю, что поведение сумгаитской милиции иначе, как преступное бездействие, квалифицировать нельзя.

Вот выдержка из показаний одного свидетеля (азербайджанца): «Рядом со мной находились четверо сотрудников милиции — все сержанты, и двое пожарников, которые никаких мер не принимали. Вскоре из подъезда выбежали окруженные толпой братья. Валерий побежал к насосной станции, а Альберт к горвоенкомату (расстояние между объектами составляет около 50 метров). Около десяти человек окружили Валерия и стали избивать. Он упал, его продолжали бить. Это продолжалось минут пять, пока он перестал шевелиться и подавать признаки жизни. Никто из сотрудников милиции ему помощь не оказал. Даже пожарная машина, выехав со двора, чуть не наехала на Валерия. Один из милиционеров сказал, что помощь ему оказывать бесполезно, т. к. он все равно сдохнет. Я был сильно удивлен, что на глазах у 4 сотрудников в форме, имеющих огнестрельное оружие, происходит такое и они не оказывают помощь человеку, которого убивали. Я подошел и с пяти метров увидел, что он еще шевелится и тяжело вздыхает. Снова подошел к милиционерам и сказал, что он живой. Один из них ответил, что все равно сдохнет, и предложил уйти со двора.

Видел, как у военкомата человек десять избивали Альберта. Он кричал. Я близко не подходил, но понял, что и его убили. Милиционеры также наблюдали». Свидетель сообщил также, что может опознать милиционеров и что у одного из них имеются «Жигули» — ВАЗ 2107 красного цвета.

— Установлены ли личности этих «блосителей порядка»?

— По данному делу личности этих милиционеров не установлены. Добавлю, что этот же свидетель заявил, что может опознать еще двух активно участвующих в погромах и убийствах лиц и описал их внешность. Однако на опознание ему никого не предъявляли. Подобных показаний по этому и другим эпизодам множество.

Потерпевший Хачатур Бабаев с риском для жизни спустился с третьего этажа по водосточной трубе и направился во 2-е отделение милиции Сумгаита, находящееся напротив его дома, и сообщил о происходящем. К дому был отправлен наряд милиции (10—12 человек). Однако последние не зашли в подъезд, а скрылись в неизвестном направлении. А в это время погромщики пытались выбросить из окон 3 этажа его жену, раздев ее догола, один из них пытался отрезать мочку ее уха, чтобы присвоить серьгу. Установлено, что в это же время во дворе дома Бабаевых находилась группа сотрудников милиции во главе с ответственным должностным лицом, полковником МВД Аз. ССР, которому «ценою огромных усилий» удалось уговорить Мехдиева повлиять на толпу и прекратить погром в квартире Бабаевых.

— Вы в Ереване, потерпевшие тоже. Ходатайство о проведении судебного следствия за пределами Азербайджана отклонено, судебный процесс продолжается...

— С этим очень трудно смириться. Я юрист, не могу смотреть в глаза Аванесян Римме — матери, в течение часа потерявшей двоих сыновей. Владимиру Бабаеву, далеко не молодому уже человеку, оставшемуся без семьи и крова по воле «сумгаита». Нине и Хачатуру Бабаевым, выжившим, но не забывшим февральские дни.

История судопроизводства страны не знала такого примера. «Нет практики», — как говорим мы, юристы, в исключительных случаях. Но «случай» имел место. «Сумгаит» невозможно стереть со страниц истории междуна-

циональных отношений в нашей стране. Новую юридическую категорию «сумгаит» невозможно вырвать из тысяч страниц советского судопроизводства. Это означает, что советская юридическая наука обязана найти в себе моральные силы, чтобы обеспечить всестороннее и полное расследование, осмысление категории «сумгаит», найти адекватную ей оценку. Хотя бы ради того, чтобы «сумгаит» остался единственным беспрецедентным примером в истории отечественного судопроизводства.

Беседу вел
В. САРКИСЯН

«Коммунист»
№ 256 (16535) 30 октября 1988 года

ВОДОРАЗДЕЛ

Первоначально отрывочные сведения о трех последних февральских днях, следовавшие затем напоминающие бред безумного свидетельства беженцев-очевидцев, разрастаясь подробностями, зловещими, наводящими ужас, поначалу ввели всех в прострацию. Кажущиеся неправдоподобными и непостижимыми размеры и методы кошмара, амплитуды количества палачей и жертв, накладываясь на официальные сообщения с их искажениями и умалчиваниями и полное отсутствие информации, разверзли ту бездну, которую условно можно назвать сумгаитским водоразделом.

До сумгаита и после сумгаита...

Если до сумгаита были крепко зажмурены многие и многие глаза, безучастны многие и многие умы и спокойны сердца, то после сумгаита прозвучало тревожное: неужели ничего не изменилось? Не изменилось ничего с 1895-го, 1915-го, 1920 годов? Уже в начале марта азербайджанский писатель улыбался и разглагольствовал о дружбе народов по Центральному телевидению, и спустя несколько дней во главе официальной делегации отбыл в Анкару...

Было заявлено, что никто не избежит наказания. И вот на скамье подсудимых оказались девяносто молодых людей и недорослей, арестованные, большей частью, в

последний день. Согласно официальным, опубликованным в печати сведениям, убито двадцать шесть армян, более четырехсот получили телесные повреждения различной тяжести, сожжено более двухсот квартир, разграблены сотни домов, разрушены более пятидесяти объектов культурно-бытового назначения, повреждены или уничтожены более сорока автомототранспортных средств, часть которых сожжена. Государству нанесен ущерб более чем на семь миллионов рублей...

Возникает вполне законное недоумение: как могло случиться, что девяносто желторотых юнцов в течение трех дней разносили целые кварталы, насиловали, жгли, убивали, грабили и мародерствовали, копируя, подобно прилежным ученикам, давние и знакомые методы? Ведь на каждого арестованного в городе приходилось несколько штатных милиционеров, прибавим сюда введенные на второй день в город воинские подразделения и боевую технику. Официально было зафиксировано, что к уголовной ответственности будут привлекаться сотрудники сумгаитской милиции. И если это будет действительно так, то, думаем, судить их надо не за профессиональную беспомощность, мягче — за безмолвие, еще мягче — за халатность, а по обвинению в содействии погромам, резне, грабежам. Свидетельств более чем достаточно: местная милиция буквально покровительствовала диким толпам.

Неволью снял с полки монографию «Геноцид армян в Османской империи». Посол России А. И. Нелидов свидетельствует:

«Из разных турецких кварталов высыпали вооруженные ножами и прутьями толпы башбузуков, которые стали нападать на всех тех, кого принимали за армян, и началось самое варварское избиение беззащитных и ни в чем не повинных христиан. Полиция не только оставалась спокойной зрительницей происходящих ужасов, но даже во многих случаях принимала участие в убийствах и грабежах. Войска, весьма поздно появившиеся на месте беспорядков, также ничего не предпринимали для их прекращения».

Газеты сообщили, что сумгаитские убийцы были вооружены ножами, топорами, огнестрельным оружием, заранее изготовленными одинаково заостренными металлическими прутьями, бутылками с зажигательной смесью.

Десятки лет назад, в Константинополе, согласно официальному документу.

«... по предварительно разработанной системе банды головорезов были вооружены ножами, огнестрельным оружием, керосином, специальными дубинками со свинцовыми наконечниками одного и того же образца».

Были групповыми все изнасилования в «городе дружбы народов». Варвары часто доводили своих жертв до смерти. Насиловали девушек и пожилых женщин: сорвав одежды с измученных и растерзанных, водили их по дворам и улицам, глумились перед входом в чайханы. В одном из документов той же монографии говорится: «... вожак Хаджи Бего проявил чудовищную жестокость, он заставил разрезать на четыре части одну женщину и повесить куски ее тела на столбах для всеобщего обозрения: по приказу этого палача другая женщина была раздета догола и проведена обнаженной по деревне...»

Чудовищная связь времен. Невидимый мост преемственности, который красноречивее всех доказательств свидетельствует, что сумгаит не свалился с неба. Связь эта станет тем более явственной, если те, кто в наши дни упорно игнорирует факт геноцида, хотя бы раз перелистают эту монографию. Перелистают и убедятся, что сумгаитский кошмар стал возможен по той единственной причине, что цивилизованный мир до сих пор не осудил одно из величайших преступлений против человечества. Не осудил, а значит не оградил себя от тьмы и геены.

В Москве, в здании Верховного суда СССР, продолжается суд над Ахмедовым, Исмаиловым и Джафаровым.

Выдержка из обвинительного заключения:

«Руководимая Ахмедовым А. И. группа хулиганствующих лиц, в которую, наряду с неустановленными лицами, вошли Джафаров Я. Г., Исмаилов И. А., вооруженная топорами, ножами, металлическими трубами, арматурными прутьями, камнями и другими предметами, врвалась в квартиры, в которых проживали граждане армянской национальности, ломала двери, мебель, другие предметы домашнего обихода, била посуду, стекла в окнах, выбрасывала из квартир, жгла и грабила имущество, причинив своими действиями крупный материальный ущерб каждой подвергшейся нападению семье

(перечисляются 17 квартир квартала 41а — А. О.) ...Общий размер причиненного потерпевшим материального ущерба от погрома указанных квартир составил 215.919 рублей. Затраты на ремонт этих квартир в этой связи составили 4.904 рубля».

Предвидя возникающий сразу вопрос, а кто эти другие, неустановленные лица, приведем еще одну выдержку:

«В совершении преступлений принимали участие сотни граждан, в основном, азербайджанской национальности. Погромы квартир, поджоги, избиения, изнасилования, убийства совершались группами бесчинствующих хулиганов. Часть из них следствием установлена и привлекается к уголовной ответственности... некоторые из этих лиц осуждены. Расследование преступной деятельности этих лиц продолжается и займет длительное время»...

Заверение есть, сроки, понятно, указаны быть не могут.

Но возникает другой вопрос, что это стряслось с нашими следственными органами? В случае обыкновенной квартирной кражи, если обнаружен хотя бы один из злоумышленников, выявление других, как уверяют мужественные и проицательные капитаны и майоры-киногерои, всего лишь «дело техники». Но вот официально объявлено, что значительную часть «хулиганствующих элементов» составляли учащиеся ПТУ и живущие в антисанитарных, невыносимых условиях («нахалстрой») отчаявшиеся, преступные элементы. Что же получается: до этого они не знали друг друга, сблизил в стай лишь в последние февральские дни? Три дня подряд, среди бела дня, в присутствии тысяч свесившихся с балкона «зрителей» творили они преступления. И что же, представляет большую трудность выявить свидетелей?

Что бы там ни было, допустим, что это следственная тайна, и людям, далеким от юриспруденции, не разобратся в этих тонкостях и хитросплетениях. Согласимся с этим и подождем, когда же обнаружат остальные сотни преступников. Точнее, тысячи. Поскольку любое лицо, ставшее очевидцем и не сделавшее попытки предотвратить, остановить преступление, становится по закону его участником.

И трое преступников в зале Верховного суда СССР в большей или меньшей степени отказываются от своих прежних показаний, отрицают или признают частично свою вину, изворачиваются, лгут, уличаются во лжи, притворяются простачками и снова лгут. Но слишком вески доказательства, многочисленны свидетели, суд располагает обширными фактами, и возмездие кажется неотвратимым.

Есть еще время для точного определения, и в зале суда решается судьба только троих из них.

Троих из них. Всего лишь троих...

Отдельное дело, небольшой фрагмент бездонных сумгаитских злодеяний, в основном, о тяжких преступлениях в городском квартале № 41а.

Семь жертв: Аракелян Арташ Леонович, Амбарцумян Миша Арсенович, Мелкумян Согомон Маргарович, Мелкумян Раиса Арсеновна, Мелкумян Ирина Согомоновна, Мелкумян Эдуард Согомонович, Мелкумян Игорь Согомонович.

Любое преступление, большое или малое, тяжкое или не столь значительное, имеет свои побудительные причины, мотивы, цели. Повторим эти азбучные истины и вновь приведем выдержки из обвинительного заключения:

«...Увидев это, Ахмедов подбежал к Бабаяну А. А. и с целью умышленного убийства из хулиганских побуждений замахнулся на него имевшимся у него топором, намереваясь нанести удар по голове... (Растерзанный А. Бабаян остался в живых, сумея укрыться на проходной молочной комбината, в это время появились бронетранспортеры и преступники убежали — А. О.) ... Подошедший Ахмедов присоединился к Джафарову, Исмаилову и другим и начал избивать Аракеяна А. Л. В ходе избивания потерпевшего Ахмедов имевшимся у него в тот момент секачом нанес Аракеяну А. Л. с целью убийства из хулиганских побуждений удар по спине. Джафаров и Исмаилов имевшимися у них топорами с той же целью также нанесли Аракеяну А. Л. по несколько ударов каждый по голове и другим участкам тела... После совершения убийства, проявив жестокость, хулиганствующие лица труп Аракеяна А. Л. сожгли... С целью совершения умышленного убийства из хулиганских побуждений Аракеян А. Т. (жена Аракеяна Ар-

таша — Ася. — А. О.) он (Джафаров — А. О.) имеющим-ся у него ножом нанес ей несколько ударов в различные части тела... Полагая, что после причиненных ей повреждений Аракеян А. Т. скончалась, поскольку не подавала признаков жизни, на нее набросили палас, облили легковоспламеняющейся жидкостью и подожгли, в результате чего Аракеян А. Т. были причинены термические ожоги плеч и спины 2—3 степеней... (Рассказанное в зале суда этой чудом уцелевшей, мужественной и невероятно выносливой женщины предпочитаю не излагать.— А. О.) ...Джафаров с целью умышленного убийства из хулиганских побуждений топором нанес удар по голове Мелкумяну Эд., который затем другими лицами был брошен в горевший рядом костер...»

И так — все время...

Предварительным следствием перечисленные действия определены следующим образом:

«Ахмедову Ахмеду Имани-оглы... организация и непосредственное участие в массовых беспорядках, сопровождающихся погромами, разрушениями, поджогами и другими подобными действиями; покушение на умышленное убийство из хулиганских побуждений одного лица, умышленное убийство из хулиганских побуждений с особой жестокостью второго лица; организация умышленного убийства из хулиганских побуждений с особой жестокостью нескольких лиц и пособничество в их убийстве, как лицо, совершившее ранее умышленное убийство».

С незначительными различиями такое же определение в отношении Исмаилова и Джафарова. В обвинительном заключении нет иного определения побудительных мотивов и целей.

Чуть позже увидим, как вожак Ахмедов объясняет свое участие в происшедших событиях.

А пока выясним, что же такое «хулиганство». Согласно советскому уголовному законодательству — это умышленное действие, грубо нарушающее общественный порядок и выражающее явное неуважение к обществу. Особо строгая ответственность установлена за злостное хулиганство (действия, отличающиеся исключительным цинизмом, особой дерзостью, с сопротивлением представителю власти, а также с применением или попыткой

применения оружия). За мелкое хулиганство виновные привлекаются к административной ответственности.

Определение хулиганства одинаково в Уголовных кодексах всех союзных республик. Не представляет труда взять эти кодексы и попытаться втиснуть в рамки определения действия, совершенные, пусть даже не главарем, а отметившим в августе свое 18-летие Джафаровым. Даже при очень большом желании определение «хулиганские побуждения» вызовет снисходительную улыбку у стороннего человека, а у целого народа, пережившего не одну резню, давшего на заклание на кровавый алтарь миллионы, потом десятки тысяч, а в наши дни уже десятки жертв, может возбудить лишь гнев и ярость. Хулиганством можно назвать лишь «соображение», что мол, видите, число жертв со временем сокращается, потому что оно отличается откровенным цинизмом, особой наглостью. Но и в этом случае только при большом желании...

Вернемся к Ахмедову. Согласно его собственным показаниям 29 февраля до 14 часов он находился на рабочем месте, потом направился домой. Дойдя до пересечения улиц Мира и Дружбы (какие названия!), где расположен автовокзал, решил принять участие в митинге, послушал выступающих, которые говорили, что в Нагорном Карабахе убивают азербайджанцев, насиляют женщин. Кто-то сказал, что на станцию Баладжары прибыл состав из Карабаха, набитый трупами убитых. Все это и явилось причиной его участия в массовых беспорядках. Когда в толпе раздались призывы отомстить армянам, он взял мегафон из рук одного парня и предложил пойти в квартал 41а, громить кварталы армян. Большая часть молодежи откликнулась на этот призыв, и толпа двинулась вперед.

Идущий к себе домой с работы и внезапно ощутивший в себе потребность в мщении прессовщик кричал в мегафон следующие призывы:

«Громите квартиры, но вещи не берите, а уничтожайте», «Мусульмане, укажите квартиры армян (свидетель М. Ильясов), «Смерть армянам, армяне здесь больше жить не будут», «Вы не знаете, что делается с нашими братьями и сестрами в Нагорном Карабахе. То, что мы делаем — ерунда» (свидетель Ф. Аббасов), «Да здравствует Азербайджан», «Братья, наших братьев и сестер

убивают в Карабахе, будут и вас убивать» (свидетель Р. Адиллов).

Другой свидетель, А. Меликов, заявляет, что среди тех, кто выводил из его квартиры укрывшихся там Игофя и Эдика Мелкумянов, был и парень с мегафоном, который попозже зашел вновь, чтобы попросить извинение за беспокойство, и, показав на свои руки, сказал, что на них есть кровь этих армян.

Свидетель Р. Раева говорит: «... потом этот мужчина упал лицом вниз. Тогда мегафонщик ударил этого мужчину тесаком один раз по спине. Мужчина больше не двигался. Мегафонщик ударил его последним. На тесаке после удара была кровь, и мегафонщик потому обтирал тесак о ковер, который накинул на мужчину перед тем, как поджечь его...»

21-го октября, во время судебного заседания одна из овдовевших невесток семьи Мелкумян — Карина Мелкумян, от имени всех потерпевших сделала на суде следующую заявление и попросила внести его в дело:

«Уважаемые судьи.

Велико наше горе, неизлечимы наши раны, несмотря на грядущий приговор.

Мы потеряли своих близких, некоторые из нас — буквально всех.

На скамье подсудимых перед нами и вами трое бандитов, которые любыми способами пытаются уйти от заслуженной кары, ведут себя нагло и вызывающе. Для нас, для вас тоже очевиден тот страшный факт, что они хотя бы внутренне не осуждают свои мерзкие преступления. Наоборот, считают себя жертвами сегодня, а гегерьями — после оглашения приговора.

По ходу процесса становится явным и очевидным, что трое бандитов, а один из них недоросль, не смогли бы бесчинствовать, убивать и насиловать целые кварталы, жечь дома и трупы, машины и живых людей.

Разве у вас не возникает вопрос, а где те сотни людей, где истинные организаторы этого страшного преступления не только против армян, но и всего советского народа, всего человечества?

В советской прессе появилось сообщение о процессе в Бразилии: действия пятерых бандитов, которые привели к убийству трех индейцев, квалифицированы как геноцид.

А разве не геноцид убийство мирных жителей—сумгаитских армян? Вы не убеждены в этом? Вы — высококвалифицированные юристы, которые впервые в своей обширной практике сталкиваются с подобными проявлениями национальной ненависти, вандализма и зверства.

Мы считаем, что высший орган советского суда, выше которого только Закон, не имеет ни профессионального, ни морального, ни человеческого права не учитывать нашу просьбу. Нашу надежду на выявление Истины. А истина всем ясна: в Сумгаите был подготовлен и осуществлен настоящий геноцид, и трое бандитов, три незначительных винтика в этом огромном механизме сидят перед нами и вами и лгут. Лгут беззастенчиво и уверенно. Мы настаиваем на соответствующей квалификации, на выявлении истины.

Не может высший судебный орган нашей страны заниматься элементарной уголовщиной, каковой представляется эпизод сумгаитской трагедии в этом авторитетном здании. Не может высокий суд не дойти до истины и не огласить ее.

Во имя Истины, во имя Закона, во имя Гуманизма.

Остается добавить, что мать преступника Джафарова — свидетель Э. Джафарова, во всеуслышание заявила на суде, что истинных организаторов преступления нет на скамье подсудимых, что ее сын стал слепым орудием в их руках.

В номере десятом за этот год ежемесячника «Век XX и мир» опубликовано письмо заведующего кафедрой русского языка Ереванского государственного университета С. Золяна и комментарий к письму доктора экономических наук В. Шейниса.

С. Золян, в частности, пишет: «Что скажет о нашем обществе грядущий историк, когда, обшарив стопки газет за 1988 год, с удивлением обнаружит, что письма, соболезнования и возмущение происшедшим в Сумгаите можно найти только в личных архивах? Что скажет этот историк, когда узнает, что сумгаитские беженцы, сами нищие, перечислили деньги пережившим железнодорожную катастрофу в Арзамасе, но тщетно будет он искать в какой-либо газете упоминания о фонде помощи сумгаитцам?.. У нас общие беды и общие проблемы.

Всем нам памятно выступление Г. Бакланова на XIX партконференции. Хочу повторить его же мысль, но в иной форме: кто в дни сумгаита предпочел молчать и к этому призывал других, кто не сказал четко и ясно, с кем он: с палачом или с жертвой, — тот завтра окажется перед необходимостью решать: кем ему быть самому — палачом или жертвой».

В. Шейнис пишет: «... значение события и элементарное чувство солидарности требовали объявить общенародный траур (который, к слову сказать, назначался у нас в последние годы по менее существенным поводам). Но если первую реакцию еще можно объяснить элементарной растерянностью, то нельзя понять, почему суду над участниками массовых беспорядков и бандитизма (а не просто хулиганства) не было придано соответствующее общественное звучание, и гласность была как бы притуплена. До сих пор не дан внятный ответ, кто должен отвечать, и как могло случиться, что решительные меры были приняты лишь на третий день погрома, развернувшегося рядом с азербайджанской столицей».

Именно в день, когда были приняты решительные меры — 29 февраля — совершались зверские преступления в 41а квартале, и судьба троих из них решается в Москве.

Фотоснимки Мелкумянов, со свидетельствами о смерти, кратким описанием убийств, видели очень многие.

Вспомним еще раз их спокойные, благородные лица, глаза Согомона, навевающий домашний покой взгляд Рансы, гордую осанку Игоря и Эдика, милое лицо Ирины с едва заметной улыбкой. Сколько похотливых взглядов провожали ее от дома до аптеки № 353, где работала она до своей мученической смерти...

Не могу писать здесь обо всем том, что явственно предстало из показаний свидетелей, описания отдельных убийств, результатов судебно-медицинской экспертизы, не могу ни во имя чего. Это не выше моих сил. Это выше нашего национального нравственного естества. Переживания и нервные потрясения находящихся в зале нас, армян, пусть будут и останутся только нашими. До конца жизни.

Для того, чтобы создать приблизительное представление об этом дантовом аде, приведем лишь одно свидетельство. З. Саламов рассказывает:

...Я увидел, что возле 3-го подъезда дома 26, где проживали армяне, бьют женщину... Это была пожилая полная женщина. Мне было известно, что она является матерью двух братьев-армян... Из подъезда № 3 вывели мужчину в возрасте 30 лет... Когда его вывели, то сразу ударили. Затем его сразу отвели к торцу дома 5а и стали избивать. После этого парень в возрасте 23—28 лет подошел к мужчине, который уже избитый лежал на земле, и положил ему за пазуху горящую тряпку. Мужчина вскочил с земли, закричал и побежал за дом 26. Больше я этого мужчину не видел... Далее увидел, что из второго подъезда дома 26 вывели Ирину. Я ее знал... Толпа повела ее к трансформаторной будке. Что с ней делали, мне не было видно. Когда толпа расступилась, я увидел, что она голая лежит на земле, и ее бьет лопатой по спине подросток в возрасте 14—15 лет. Ударил он ее по спине подряд примерно 5—6 раз. Ирина поднялась, замахала руками. Ее опять ударили... Ирина опять упала... Отец позвал меня домой. Сколько было времени, я не знаю. Но уже темнело. Когда подошел к подъезду, то увидел, что Ирина мертвая. Я так подумал потому, что она была без движения. Глаза у нее были открытые, в крови. Она была в сидячем положении. Спिनной была прислонена к деревянной тумбочке, которая горела... Вокруг Ирины уже никого не было...

Спустя шесть дней после кровопролития, в Степанакерте, у Братской могилы воздвигнут был памятник жертвам новой резни. 24-го апреля в Ереване, на холме Скорби «Цицернакаберд» поставили Хачкар памяти и обета. Имена семьи Мелкумян должны быть первыми выбиты на наших монументах, во имя чудом уцелевших их внуков, во имя всех оставшихся в живых, во имя нашей безопасности и как призыв быть бдительными.

Геноцид, большой и малый, величественные монументы и скромные памятники. Снова и снова ищешь ответ на вопрос: кто были они, озверевшие эти толпы в том единственном городе Советского Союза, где есть музей дружбы народов.

Кто эти — трое из них? В прошлом преступники и злостные хулиганы? Отнюдь. В обвинительном заключении есть сведения, характеризующие личности обвиняемых. Вот они.

Ахмедов Ахмед Имани-оглы — учился в местной школе, окончив 8 классов, поступил в ПТУ, в 1982 году был призван в Советскую Армию, после демобилизации работал на разных предприятиях, в момент ареста работал на прядильной фабрике старшим прессовщиком, с места работы и учебы представлены положительные характеристики, ранее не судим.

Исмаилов Исмаил Азад-оглы — учился в местной школе, окончив 8 классов, служил в Советской Армии, в момент ареста работал в тресте «Азхимремонт» сварщиком, с места работы, учебы и жительства представлены положительные характеристики, ранее не судим.

Джафаров Явар Гияс-оглы — окончил 8 классов школы, до совершения преступления учился в ПТУ по специальности сварщика, выполнял в школе общественную работу, согласно характеристике с училища — дисциплинирован, активно участвовал в общественной жизни, ранее не судим.

В общем, как и вся советская молодежь. В обвинительном заключении не указано, но трудно предположить, что они не являлись членами ВЛКСМ: все-таки и служба в армии и положительные характеристики. И дофевральское их существование никак не подпадает ни под определение «хулиган», ни «рецидивист». Прикрываются единственным «оправданием»: они мстили, разъяренные услышанным на митинге, хотя и зверь не пошел бы на такое, что они творили. Эти трое из них... И какие это изуверские курсы надо пройти, чтобы так, без подготовки убивать, калечить, насиловать, грабить, жечь, и все это на «любительском» уровне... Загадка? Отнюдь. Были не только слухи о «баладжарском поезде», были не только матери, простоволосые, бьющие себя в грудь, обращавшиеся к своим сыновьям по бакинскому телевидению: «балаларым, чего вы сидите?...», не только сумгайтские и бакинские деятели и «актриса» призывали к действиям. Корни оголтелого шовинизма, национальной ненависти, армянофобства намного глубже и обширнее. Это все хорошо нам известно и неведомо лишь легковерным или предпочитающим легковерие.

Последние, если имеют хотя бы смутные представления о Библии, то о Коране вообще и не слышали. Но не мешало хотя бы поверхностно познакомиться с этой главной книгой ислама, которая не раз издавалась в на-

шей стране и только в Азербайджанской ССР пропове-
дятся более чем в четырехстах нелегальных мечетях. Об
этом сообщила советская печать. Эта книга буквально
призывает убивать неверных, пятая сура предупреждает:
«Не берите иудеев и христиан друзьями... А если кто из
вас берет их себе в друзья, тот сам из них».

В нашей стране свободы вероисповедания, где было
разрушено, взорвано, отдано под хлевы и амбары около
10000 памятников христианского зодчества, было в то
же время построено 1600 новых мечетей. Не по той ли
причине, что величайший палач — Сталин, боялся угроз
Корана: «Воздаяние тем, которые воюют с Аллахом...
Они будут убиты или распяты, или будут отсечены у
тех руки и ноги накрест...»

Как выглядят эти явные призывы к насилию рядом
с действующими советскими законами, которые преду-
сматривают наказание за пропаганду насилия? На ло-
зунгах организаторов резни 88-го года были начертаны
высказывания из Корана: «Аллах проклял неверных и
подготовил огонь для них». В ином случае посмели бы
«хулиганствующие элементы» четвертовать «неверных»,
ожигать на «подготовленном пламени» людей? Не по-
смели, если бы не обладали слепой верой, что они оста-
нутся безнаказанными, что выполняют они «священный
долг, высшую волю»...

Иначе как объяснить, что ни один азербайджанский
интеллигент, ни один академик, писатель, музыкант, ху-
дожник, режиссер, физик... полусловом даже не осудил
преступления своих соотечественников, хотя бы в част-
ных письмах?!

Совсем недавно в Москве на очередном заседании
клуба «Демократическая перестройка» Галина Старо-
войтова заявила, что у нее есть сведения, добытые на-
стойчивыми поисками, что пять представителей азербай-
джанской интеллигенции в той или иной форме осудили
сумгаит. И, если рассматривать это число на фоне ло-
зунгов «Свободу сумгаитским героям» на бакинских ми-
тингах, то можно считать это число... вполне достаточным.

Один из тех, кто осудил эти злодеяния, — Чингиз Гу-
сейнов, 8-го августа сего года на брифинге «Нагорный
Карабах и гласность» известный азербайджанский писа-
тель, доктор филологических наук, в частности, сказал:

«...Конечно, это (сумгаит — А. О.) позорная страница

в истории азербайджанского народа. Это нужно при-
знать... Я должен сказать, что исполнителями чьей-то
воли выступали действительно люди, имеющие несколь-
ко судимостей, то есть люди хулиганствующие... Что ка-
сается суда над зачинщиками армянского погрома в
Сумгаите, наши правоохранительные органы несколько
замешкались, растерялись. Надо было действовать сра-
зу, не дожидаясь... Сумгаитская трагедия... я повторяю,
на совести азербайджанцев, но вместе с тем необходимо
отметить, что эта ситуация не всегда используется в
целях установления истины, и это усугубляется тем, что
правоохранительные органы действуют очень медленно».

Видный писатель и ученый, живущий в Москве, прав-
да, это позорная страница в жизни азербайджанского
народа, всех народов нашей страны. Ведь любого мало-
мальски цивилизованного человека приведут в содроган-
ие скупые, но полные жесточайшего трагизма строч-
ки из свидетельских показаний:

«Да здравствует Азербайджан, долой армян!» (сви-
детель С. Мирзоева).

«...его окружило человек 15—20, и стали бить топо-
рами, ножами, палками. Били этого мужчину по телу и
голове. Потом один из парней вытащил горевший мат-
рас и накрыл им мужчину...» (свидетель Д. Зербалиев).

«...горел весь, сразу. Какой-то пацан бросил в огонь
тряпку и убежал...» (свидетель А. Минасянц).

«...девушку раздели и бросили в ящики... Девушка
раздвинула ящики и закричала. Тогда к ней подошел
парень, примерно 20—22 лет. Этот парень принес с со-
бой чайник — белого цвета, с мелкими цветочками. В
этом чайнике был бензин. Парень из чайника облил
девушку бензином и сам же поджег ее» (свидетель
М. Мамедов).

«...Туловище этого парня оказалось в костре, а ноги
вне костра. Он подавал еще признаки жизни, пытался
выползти из костра, но какой-то парень придерживал
его куском арматурного прута и не давал этого сде-
лать...» (свидетель М. Мамедов, обвиняемый по друго-
му уголовному делу).

«...Двое мужчин потащили лежащего парня к кост-
ру... и бросили его в огонь. Потом подходили подростки
и палками подталкивали тело этого парня в костер»
(свидетель Еникеев).

«...Я не видела, чтобы на него кто-то вылил бензин, но неожиданно верхняя часть тела парня вспыхнула. Он сразу же упал на землю и начал крутиться, видимо хотел погасить пламя, но быстро затих» (свидетель И. Байкова).

И как после этого всего будут жить эти азербайджанские недоросли? Кто они: «мстители», «хулиганы», «преступники»...?

Суд на этот вопрос возможно не ответит. Его дело наказывать. Коллективная совесть азербайджанского народа — его интеллигенция, также не собирается отвечать? Первым делом — себе. Сама — себе. И своему народу. Нам ответ не нужен. Ответ нам известен...

Он будет сведен к испытанному «аргументу». Мол, всколыхнувшее Нагорный Карабах и Армении мощное всенародное движение, выдвинувшее конституционные и справедливые требования, вызвало противодействие в Азербайджане, и... темные силы учинили сумгантскую резню. Других формулировок пока нет ни в азербайджанских источниках, ни в «мотивировках» преступников.

В печальной памяти статье «Эмоции и разум» так и написано: «Страшнее произошли события в Сумгаите. Пользуясь взрывоопасной ситуацией, уголовные элементы с целью грабежа врываются в некоторые квартиры, где жили армяне».

Само время очень быстро и без всяких усилий опровергает все положения этой статьи. Опровергает неумолимо, ибо держит в своих руках перо истины.

Пятьдесят два года тому назад, в номере от 19 августа 1936 года «Правда» напечатала пространную статью тогдашнего руководителя партийной организации Закавказья Берии, в которой автор обвинял первого секретаря ЦК Компартии Армении Агаси Ханджяна в национализме только по той причине, что Ханджян осмелился выступить за воссоединение Нагорного Карабаха с Советской Арменией. Вполне понятно, что руководитель армянских коммунистов был объявлен врагом народа.

Так что не новость ни проблема Нагорного Карабаха, ни предпосылки сумгантского ада. И цель развернувшейся «вокруг событий» недостойной возни и нечистоплотных «игр» — попытаться завуалировать правду «свя-

той» ложью и недомолвками замаскировать всенародное движение со справедливыми требованиями и трагедию.

Не думаем, что удастся. Даже если сотни раз будут повторять вздорные формулировки типа «группа экстремистов» или «умышленное убийство из хулиганских побуждений», суть извратить не сумеют. Черное есть черное. Белое есть белое. Серые — волки, которые очень опасны, когда сбиваются в стаи...

Время от времени всматривался в лица этих троих... Превозмогая боль в сердце, желудочные спазмы, головную боль, сдерживая слезы, всматривался в каждого в отдельности, пытаюсь уяснить для самого же себя, что я о них думаю? Особенно, о вожаке — этом человекообразном с правильными чертами лица. О втором, с тонковатой шеей. О подростке с волчьими глазами.

И вдруг понял, что ничего не думаю. Ощущаю в себе и ненависть, и ярость, и... жалость. Не прощение, не христианское отпущение, а жалость. Жалко их, не имеет смысла так жить, так жить — означает стать тяжелой обузой для всех.

Понял, когда прощался с овдовевшими невестками Мелкумян, с вдовой М. Амбарцумяна, с присутствующими в зале суда армянами.

Понял, что думаю о наших юношах и девушках. Остро появилось желание видеть всех счастливыми, гордыми, благородными, порядочными, физически здоровыми, безупречными... Захотел видеть их всех в спортивных залах, где они приобретали бы физическую закалку, чтобы безоружными суметь одолеть вооруженный сброд, видеть всех нераздельными с Землей и Книгой, на благо оставшейся нам частицы страны Наири, пожелал присутствовать у всех у них на свадьбах, пожелал слышать нескончаемый крик новорожденных в Армении и Карабахе, армянской диаспоре — везде, где есть армяне. Чтоб восполнялись потери миллионов — десятков тысяч — десятков, во имя нашей стойкости, вечности, бесконечного движения вперед.

Я пожелал, чтобы кончился этот кошмар.

Москва — Ереван

АРМЕН ОГАНЕСЯН

«Коммунист»

№ 258 (16537) 2 ноября 1988 года

НАПРАВИТЬ НА ДОСЛЕДОВАНИЕ

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР под председательством Р. Бризе на последних трех заседаниях заслушала показания свидетелей, вызванных в суд дополнительно по ходатайству адвокатов — представителей потерпевших. Явились не все. Одни не смогли приехать по уважительной причине, другие неизвестно где находятся — из Сумгаита выписались в сельские районы Армении, а туда не прибыли. Их показания на предварительном следствии были зачитаны секретарем суда.

С начала судебного процесса над А. Ахмедовым, И. Исмаиловым и Я. Джафаровым перед судом прошли десятки свидетелей. Их показания составили целый том страшного повествования о трагедии жителей армянской национальности города Сумгаита. Трагедии, которая острой болью отозвалась в сердцах людей, осталась в памяти незаживающей раной. Трагедии, которая взывает к справедливости и человечности.

В ходе судебного следствия полностью подтвердились обвинения, предъявленные подсудным. Однако, как заявили в своем ходатайстве представители потерпевших — адвокаты П. Шапошникова и Р. Рштуни, не все совершенные преступные действия получили правовую квалификацию. Необоснованно выделено рассматриваемое судом дело, не выявлены причины и условия, способствующие совершению преступлений, не установлены организаторы и вдохновители этих чудовищных злодеяний.

С этим ходатайством адвокаты обратились в суд 11 ноября. Они просят направить дело на дополнительное расследование.

В ходатайстве поясняется: из обвинения, предъявленного Исмаилову, усматривается, что преступления совершены им из хулиганских побуждений и только. До сего времени средства массовой информации, особенно центральная пресса и центральное телевидение и, что самое главное, предварительное следствие, при всей очевидности, не хотят признать, что лейтмотивом массовых убийств армян в Сумгаите была национальная вражда. Между тем материалами предварительного и судебного

следствия, бесспорно установлено, что погромам, резне, грабежам, насилию предшествовала агитация с целью возбуждения национальной вражды, розни и более того — уничтожения армян.

Игнорирование этого обстоятельства привело к тому, что идеальная совокупность совершенных преступлений не нашла отражения в юридической квалификации, хотя наше законодательство предусматривает ответственность за преступления на национальной почве.

Как известно, ст. 36 Конституции СССР гласит: «Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение, установление прямых или косвенных преимуществ граждан по расовым и национальным признакам, равно как и всякая проповедь расовой и национальной исключительности, вражды или пренебрежения — наказываются по закону».

Исходя из Основного закона, уголовное законодательство, в частности ст. 67 УК Азербайджанской ССР, предусматривает ответственность за нарушение национального и расового равноправия, заключающегося в пропаганде или агитации, с целью возбуждения национальной или расовой вражды и розни.

Доказательством того, что в действиях Ахмедова имеется состав указанного преступления, в частности, агитация с целью возбуждения национальной вражды, является обвинительное заключение, в котором записано: «29 февраля 1988 года примерно в 16 часов в районе автовокзала г. Сумгаита Ахмедов принял участие в стихийно возникшем митинге. С помощью мегафона он стал призывать собравшихся к учинению расправы над гражданами армянской национальности». Кроме того, в процессе судебного следствия также установлено, что Ахмедов в районе автовокзала обращался к собравшейся массе народа с призывами идти убивать армян, чтобы очистить от них Сумгаит, громить их квартиры, уничтожать их имущество.

Многочисленную толпу (200—300 человек) Ахмедов повел за собой в квартал 41а. Там он снова обращался с призывами: «Смерть армянам!», «Да здравствует Азербайджан!» (свидетель Я. Рахимов), «Бейте армян!», «Если спрячете их, плохо будет!» (Р. Адилев), «Мусульмане! Покажите, где живут армяне!» (М. Ильясов) и т. д.

Исходя из изложенного, адвокаты полагают, что Ахмедову должно быть предъявлено дополнительное обвинение в связи с агитацией в целях возбуждения национальной вражды по ст. 67 УК Азербайджанской ССР.

В ходатайстве подчеркивается необходимость соединения в одном производстве дел, связанных с преступлениями, совершенными в квартале 41а г. Сумганта.

На основании постаковления от 24 июня 1988 года следователя по особо важным делам при генеральном прокуроре СССР В. Галкина из уголовного дела № 18/6026888, в связи с массовыми беспорядками, убийствами и изнасилованиями, имевшими место в г. Сумганте, выделено в отдельное производство дело Ахмедова, Исмаилова и Джафарова. Ввиду того, что в указанном деле отсутствуют материалы, подтверждающие правильность его выделения, адвокаты П. Шапошникова, Р. Рштуни ходатайствовали об истребовании из прокуратуры соответствующих данных для проверки обоснованности постановления от 24 июня 1988 года. Их ходатайство было удовлетворено. Прокуратура СССР предоставила письмо за подписью начальника следственной части Г. Каракосова. Однако в нем не дано четкое обоснование правильности определения прокуратуры о выделении дела. Не получен ответ, имеются ли в производстве прокуратуры или судов дела других лиц, помимо Ахмедова, Исмаилова, Джафарова, привлеченных к уголовной ответственности за участие в массовых беспорядках в квартале 41а.

Между тем сам по себе состав преступления — «массовые беспорядки», по которому квалифицированы преступные действия, указывает на то, что в них участвовали многие из ворвавшихся в квартал 41а. К тому же во время судебного следствия было установлено, что ряд лиц, вызванных по делу в качестве свидетелей, привлекаются по другим делам, за массовые беспорядки и другие преступления, совершенные ими в этом квартале.

Для полноты, объективности и всесторонности исследования и разрешения дела, подчеркивается в ходатайстве, необходимо объединить дело Ахмедова, Исмаилова и Джафарова с уголовными делами всех лиц, совершивших массовые беспорядки в квартале 41а, независимо от того, что они привлекаются за другие преступления.

Противоречит материалам дела и утверждение в названном выше письме прокуратуры СССР о том, что не собрано достаточных доказательств для привлечения к уголовной ответственности других лиц за убийство и покушение на них, совершенных в квартале 41а. А как тогда понимать показания Г. Мамедова, привлеченного к уголовной ответственности по другому делу? Он заявил, что лично ударил по голове три раза (в суде уточнил — два раза и по спине один раз) куском арматурного прута пожилого мужчину, по делу установлено, что это был Мелкумян Согомон. Г. Мамедов показал также, что мужчину избивали Мамедов Ислам планкой от ящика с торчащими гвоздями и Драч Александр по кличке «гитлер», ранее судимый, который нанес два-три удара лезвием топора. Эти показания в определенной степени подтверждаются заключением судебно-медицинской экспертизы, согласно которой в темно-затылочной правой височной части головы Мелкумяна С. имеется 13 ран, которые, видимо, наносились не одним человеком и не одним орудием.

Мамедов Г. также показал, что Магерамов Низами и Фаталиев Фазули бросили в костер молодого мужчину (по материалам дела установлено, что это был Мелкумян Эдуард).

Адвокаты считают, что указанные выше лица должны быть привлечены к уголовной ответственности в связи с участием в убийстве Мелкумяна Согомона, Мелкумяна Эдуарда, и по этому основанию дело также должно быть направлено на исследование.

В ходатайстве говорится: в нарушение ст. 14 УПК Азербайджанской ССР следствие по делу проведено неполно, не выявлены организаторы преступления, а также причины и условия, способствовавшие их совершению.

В материалах дела имеются сведения о том, что одной из причин и условий, способствовавших совершению преступлений в г. Сумганте, было бездействие милиции. В г. Сумгант 28 февраля 1988 года были введены войсковые подразделения для обеспечения правопорядка. Но никаких мер по пресечению погромов, поджогов и других преступлений они не предпринимали, занимались самообороной. Чем было вызвано их бездействие? 29 февраля в 15 часов начальники, главные инженеры,

мастера всех ЖЭКов города были созданы в горсовет и безо всякой надобности пробыли там до 20 часов. Зачем надо было изолировать их во время массовых беспорядков? Ведь это они были призваны первыми прийти населению на помощь.

Факты убеждают: преступление готовилось заранее. В газете «Коммунист Сумгаита» 13 мая этого года напечатана статья «В Сумгаитском ГК Компартии Азербайджана». В ней говорится: «...в дни сложной ситуации в цехах завода (трубопрокатного) имело место изготовление топоров, ножей и других предметов, которые могли быть использованы хулиганствующими элементами».

В этой же статье отмечается, что целый ряд партийных и советских работников г. Сумгаита (первый заместитель председателя горсовета Ю. Табасаранский, зам. председателя горсовета А. Тагиев, директор трубопрокатного завода А. Абдулаев и другие) привлечены к строгой партийной ответственности за ненадлежащее исполнение своих служебных обязанностей, что не исключает наличия в их действиях состава уголовно-наказуемых действий.

В квартале 41а г. Сумгаита А. Ахмедов повел толпу, снабженную арматурными прутьями, ножами, топорами и другими предметами, изготовленными заранее. Кем, где и когда были изготовлены эти предметы, по чьей инициативе погромщики были ими вооружены, по делу не установлено. Не установлено также, кем и с какой целью в ночь с 27 на 28 февраля была завалена у автовокзала грудой камней дорога Сумгаит — Баку. Кто организовал проверку автомашин и автобусов около трикотажной фабрики с тем, чтобы не выпустить из города лиц армянской национальности?

Вызывает удивление, с какой быстротой и оперативностью заматали следы преступлений. На второй же день после погрома все поломанные и разбитые домашние вещи пострадавших были вывезены за город и закопаны. Яму сравнивали бульдозерами с землей.

— «Просим,— заключают адвокаты,— направить на дополнительное расследование дело по обвинению А. Ахмедова, И. Исмаилова, Я Джафарова, поскольку действия лиц, тесно связанных между собой единством намерения, необходимо расследовать и рассматривать в одном деле. Только такое расследование и рассмотрение

даст возможность с необходимой полнотой и объективностью выявить всех участников и совершенных ими злодеяний в 41а квартале в их совокупности, дать им правильную юридическую оценку, организовать профилактическую работу, чтобы ужасы Сумгаита никогда не повторились, а также назначить справедливое и суровое наказание».

14 ноября судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР рассмотрела ходатайство адвокатов, представляющих интересы потерпевших. Принято определение: ходатайство удовлетворить. Дело направить на дополнительное расследование в отношении подсудимых И. Исмаилова и Я. Джафарова. В отношении подсудимого А. Ахмедова суд нашел, что есть достаточно доказательств для окончательного рассмотрения дела и вынесения приговора.

Потерпевшие отказались от дальнейшего участия в судебном процессе и от представительства адвокатов в связи с тем, что ходатайство в той его части, где говорится о дополнительном обвинении по ст. 67 УК Азербайджанской ССР суд счел необоснованным. Не поддержал суд и ходатайство о необходимости выявить организаторов преступления, причины и условия, способствовавшие их совершению.

г. Москва. По телефону.

С. ЖЕЛТОВ

соб. корр. «Коммуниста»
16 ноября 1988 года

СУМГАИТСКИЙ ПРОЦЕСС

С 18 октября по 18 ноября в Верховном Суде СССР слушалось одно из девятнадцати уголовных дел о преступлениях, совершенных в Сумгаите во время массовых беспорядков 27—29 февраля с. г.

На скамье подсудимых было трое: Ахмед Ахмедов (24 г.), Исмаил Исмаилов (24 г.), Явар Джафаров (18 л.). Им было предъявлено обвинение: убийство семерых человек, покушение на убийство двоих, разгром

семнадцати квартир в 41-м квартале. А. Ахмедов обвиняется к тому же и как организатор этих преступлений, в которых участвовали, помимо троих, «сотни граждан, в основном, азербайджанской национальности», говорится в обвинительном заключении.

Очерк об этом процессе в Верховном Суде СССР написала специально для газеты «Советская Карабах» — «Советский Карабах» московская писательница Инесса БУРКОВА. Автор, излагая факты, почти не рассуждает о них, экономя скромную газетную полосу, а, главное, полагая, что наш читатель превосходно умеет сам анализировать происходящее, делать выводы.

— Расскажите суду, что вам известно о событиях 29 февраля в 41а квартале, — обращается председатель суда Р. К. Бризе к очередному свидетелю.

И этот, как и предыдущие, начинает бормотать что-то невнятное себе под нос. Его просят говорить в микрофон — он продолжает еле слышно бубнить.

— В микрофон, — повторяет судья.

Бесполезно. Через какое-то время выясняется, что и этому свидетелю нужен переводчик с азербайджанского. Однако показание приходится вытягивать из него клещами. Ощущение такое, что действие происходит не в зале суда, а в школьном классе, где учитель навоящими вопросами пытается добиться ответа от тупого или ленивого ученика.

— Что за толпа ворвалась в 41а квартал?

— Не знаю, пацаны какие-то. (Один свидетель даже перестарался, ответил: «Малыши»).

— Кто руководил толпой?

— Не видел. Наверное, никто. Сами действовали...

— В мегафон раздавались призывы?

— Не слышал, все орали.

— Что орали?

— Не помню. «Да здравствует Советский Азербайджан!» Что-то про Карабах: «Они так, и мы с ними так». «Громите квартиры!»

— Чьи?

— Не знаю. Вещи выбрасывали во двор, сжигали. А чьи...

— Не видели, как кого-нибудь избивали?

— Нет, что увидишь? Мы в таком состоянии. Столь-

ко народу! Человек двести-триста, пятьсот. Да жильцы из домов сбежались.

Свидетели отвечали почти одинаково, будто их кто-то заранее подготовил. У каждого с памятью стало плохо: «Восемь месяцев прошло, не помню, что было, что следователю показывал». У некоторых зрение оказалось испорченным. Каждый был в шоке. Но в течение трех часов стоял во дворе или на балконе, бегал за толпой от подъезда к подъезду, от окна к окну и наблюдал, как разъяренные банды вышвыривали с балкона мебель, холодильники, телевизоры, постели. Завороженно смотрел в костры, где сжигалось все выброшенное. Нетерпеливо ждал, когда из квартиры выволокут жильцов, догонят, если кто-то попытается убежать, набросятся на них толпой — только вскидываются над головами железные прутья, ножи, топоры. Толпа расступается — убитого швыряют в костер. «Он еще шевелился, пытался выбраться из огня — пятеро парней заталкивали его в огонь железными прутьями». (Свидетель А. Архипов).

Все стояли и смотрели — рядом, в стороне, свесившись с балконов и подоконников. (Свидетель С. Мирзоева).

— Как он мог смотреть!? — гневно спросила на суде потерпевшая Карина Мелкумян, вдова убитого Игоря Мелкумяна. Спросила у подсудимого Я. Джафарова, который пытался не признать обвинение.

— Я не убивал, я смотрел.

— Как мог!..

— Смотреть не трудно. Я смотрел.

Не трудно — не тратил физических сил. О нравственности у Джафарова даже слабой догадки не мелькнуло в голове. Убивать трудней, по его понятиям. Один убийца (пока неопознанный) вместе с другими с такой трагической силой бил ногой сваленную мать Игоря Мелкумяна, что «видно у него даже нога устала: начал искать во круг, что бы взять в руки». (Свидетель В. Добжанский). Когда друвой убийца бросил в сторону окровавленный длинный нож, стоявшая рядом маленькая азербайджанка осудила его: «Зачем бросил свое оружие?!» Он подобрал. (Свидетель А. Алатвердилова). Долго, остервенело избивала толпа пожилую беззащитную женщину, глумилась над ее телом. Хищно гонялась озверевшая свора за ее мужем, строителем Согомоном Мелкумяном, за их

взрослым сыном Игорем. Дочь Ирину живую бросили в огонь. Проломив череп, сожгли второго сына Эдуарда, семь лет назад выполнившего свой воинский долг в Афганистане.

— Что не удалось душманам, то за них сотворили азербайджанские убийцы, — с горечью сказала вдова Эдика Ирина. Пять человек семьи Мелкумян зверски убиты, силой вытолкнутые из своего дома. Чудом спаслись две невестки и малолетние внуки Раисы и Согомона Мелкумянов; Ирина с дочерью и Карина с сыном и дочерью, третьего ребенка она родила через 2 месяца после резни. Две молодые женщины в глубоком трауре сидят в зале суда — пострадавшие. Рядом еще две вдовы, пожилые: Ася Аракелян и Жасмина Амбарцумян. Их мужья — рабочий Аргаш Аракелян, шофер Миша Амбарцумян убиты в эти же страшные часы.

За что, почему убили семерых человек на глазах у всего квартала?

«Из хулиганских побуждений» (записано в обвинительном заключении) совершили эти «умышленные убийства» подсудимые А. Ахмедов, И. Исмаилов, Я. Джафаров. «Группами бесчинствующих хулиганов» названа толпа, чинившая в 41а квартале «погромы, поджоги, избиения, изнасилования, убийства». Складывалось впечатление в первые дни, что суд уходил от мотивов преступлений, совершенных тремя подсудимыми. Почему они убивали людей? Этот вопрос был задан лишь однажды.

«В Ереване был митинг, слышал, Карабах хотят отнять», — объяснил Ахмедов.

«Почему толпа пришла в 41а квартал убивать армян? В связи с карабахским вопросом, с целью мести за события в Нагорном Карабахе?» — спросил у Джафарова адвокат В. А. Яшин.

«Да, по-моему», — ответил на его подсказку Джафаров.

И. Исмаилову вообще не пришлось напрягаться: он заявил на суде, что не был в квартале 41а в тот день, суд пытался доказать ему обратное.

При чем тут Карабах, какие «события» имелись в виду? Почему на политический карабахский вопрос отвечают не в законодательном органе дискуссиями, статьями законов, а убийством людей только за то, что им до-

велось родиться армянами? И суд поначалу оставил эти заявления без дальнейшего разбирательства — «хулиганские побуждения».

Но через несколько дней закончили допрос тех свидетелей, которых приводили в зал суда под стражей (они проходят в качестве обвиняемых по другим сумгаитским процессам), и тех, кто боится говорить правду («Нам с ними жить»), и тех, кто, возможно, в душе заодно с толпой (ведь стояли смотрели, выдавали соседям армян). Дошел черед, наконец, до честных и нетрусливых людей. Из их показаний да некоторых оговорок предыдущих стала вырисовываться такая картина.

29 февраля в половине четвертого дня в просторный двор 41а квартала, образованный десятью домами, выстроенными в каре, ворвался вопль, крик, вой сотен глоток. «Так бывает, когда забьют гол на стадионе». (Свидетель А. Гукасян). Влетела во двор взбудораженная толпа. Взыла сирена мегафона. «Стало страшно, напомнило, как было в войну». (Свидетель М. Козубенко). Все смолкли. И в мегафон воскликнул хорошо поставленный голос (предполагается, А. Ахмедова): «Мусульмане, скажите, где живут армяне? Громите, жгите их квартиры, но не берите вещи». (Свидетель М. Ильясов).

И разгромили квартиру учителей Гукасянов на первом этаже в доме 2 б.

Опять сирена, голос в мегафон: «Карабах наш! Карабах не отдадим! Не прячьте армян». (Свидетель А. Адылов).

«Пусть они убираются из нашей республики. Мы будем жить здесь сами». (Свидетель В. Меликов).

«Да здравствует Турция!» (потерпевшая Ж. Амбарцумян).

«В Карабахе, в Степанакерте армяне убивали и грабили наших братьев и сестер. Отомстим!» (Свидетель С. Гулиев).

«Горбачев с нами!» (Свидетель В. Добжанская).

«Армянам слишком хорошо у нас живет. Укажите квартиры — мы их уьем!» (Свидетель О. Алиев).

Кто-то показывал. Часть толпы врывалась туда, бесчинствовала, выбрасывала вещи, выволакивала на улицу жильцов. Затем начиналось избиение. Били до тех пор, пока жертва не переставала подавать признаки жизни. Вдруг на улице, возле одного из въездов в квартал,

появилась черная «Волга». К ней подбежали двое из толпы, о чем-то переговорили, вернулись во двор к своим. Взвывала сирена. Заговорил мегафонщик: «Смерть армянам; армяне здесь жить больше не будут. Вы не знаете, что делают с нашими братьями и сестрами в Нагорной Карабахе. То, что мы делаем, — ерунда!» (Свидетель Н. Теюбова).

И резня усилилась.

Однажды, не получив от зрителей ответа на вопрос: «Где живут армяне?», — мегафонщик посмотрел в свой блокнот и направил толпу на четвертый этаж в квартиру, где жила одинокая армянка с дочерью. Их не было дома. Квартиру разгромили. (Свидетель А. Айрапетян). «Видимо у них был список с адресами армян». (Свидетель М. Ильясов).

И так от квартиры к квартире, 16 раз — большинство хозяев заблаговременно скрывались у своих родственников в другом квартале, у соседей, в подвале своего дома, наполовину заполненного водой. Кто остался дома, был убит. Семнадцатую квартиру разгромили у украинца И. Козубенко: у них пытались спрятаться Аса и Арташ Аракеяны. Козубенко не убили, но жить в той квартире они уже не могут: жена перенесла тяжелое потрясение.

«Азербайджанцы, если вы считаете себя истинными мусульманами, укажите, где живут армяне. Я вам покажу их кровь на своем ноже». (Свидетель А. Айрапетян). Мегафонщик доводил до экстаза толпу, потерявшую человеческий облик.

Кто-то крикнул:

— Армянин, армянин бежит!

...Все кинулись догонять Арцвика Бабаяна, который выбежал из дому, чтобы позвонить в милицию.

Его догнали, стали бить. Мегафонщик ударил его топором, замахнулся еще, но тут раздался грохот: из-за угла показался бронетранспортер. Толпа рассеялась, скрылась в квартале, продолжала громить там, охотиться за армянами, избивать, добивать, сжигать.

За что?

— Только за то, что мы армяне, — сказала на суде потерпевшая Ирина Мелкумян, вдова убитого Эдига Мелкумяна, воина-интернационалиста.

На родине, у себя дома, он пал от рук «братьев» — азербайджанцев, окончивших интернациональную школу в Сумганте, работающих рабочими на интернациональных предприятиях.

«Убивайте армян!» — призывал мегафонщик. И убивали. Не только в 41а квартале. Сколько жизней оборвали в Сумганте толпы «интернационалистов»? Придет время, и мы узнаем эту скорбную цифру.

В зале Верховного Суда СССР не раз возникал вопрос:

— Почему не обратились за помощью в милицию?

— У нас телефон не работал, после обеда его отключили. (Потерпевшая К. Мелкумян, свидетель И. Козубенко).

— У всех армян был отключен телефон, — показал на суде А. Гукасян, который узнал об этом в горкоме партии, где он с семьей провел несколько первых дней после погромов, ожидая эвакуации. (В горкоме укрывались 4 тысячи армян).

По ходатайству потерпевших в суд был вызван начальник городского узла связи Омаров. Он объяснил суду, что была перегрузка двух АТС города: «Армяне пытались звонить друг к другу». По распоряжению из Министерства связи Аз.ССР отключили несколько телефонных блоков, «чтобы избежать аварии».

— Почему не звонили в милицию из азербайджанских квартир?

— Звонили, когда только увидели перевернутую машину во дворе, еще накануне вечера: «Ждите, приедем». Трижды звонила — не приехали (Потерпевшая К. Мелкумян).

«Возле окон опорного пункта милиции избивали мужчин. Милиция отдала город на растерзание. Не было ее в городе. Я не видел». (Свидетель С. Гулиев).

«Милиция все знала. Чего было звонить?» (Свидетель Д. Зарбалиев, студент, сын майора МВД).

«Столько работников милиции в Сумганте. Могли бы разогнать. Почему Багиров позволил, чтобы у милиции отобрали оружие? Разоружена она была в те дни». (Свидетель Т. Ахмедова, мать подсудимого).

О том, как реагировала милиция, показал на суде свидетель Арсен Аракеян. Он несколько раз звонил с чужого телефона в отделение, в горотдел милиции, при-

бегал, умолял спасти его мать Асю Тиграновну, избитую до полусмерти, подожженную, чудом оставшуюся в живых: бандиты бросили ее, думая, что она умерла. «Ждите, приедем...» Рассказал Арсен в суде и о чудовищной жестокости врачей «скорой помощи». Эти так называемые врачи не только не оказали помощи женщинам с сотрясением мозга, переломами, большой кровопотерей, ожогами второй степени, но даже не позволили Арсену внести мать в помещение.

Арцивику Бабаяну, за которым гонялась толпа, спас жизнь БТР, просто проехавший в тот миг по улице Лермонтова.

Да, 29 февраля войска были в Сумгаите. Даже временами курсировали вокруг 41а квартала, но во двор не заворачивали — там буйствовали погромщики. «Мамочка, мамочка!» — кричала Ирина Мелкумян из пожирившего ее пламени, так громко кричала, что перекрывала грохот проходившего за домом бронетранспортера. Кто-то выбежал на улицу, просил помочь: «Там убивают». «Нам не приказано заходить туда», — ответили из притормозившего бронетранспортера. (Свидетель С. Кулиев).

— В 15 часов я видел много солдат на площади у автовокзала. (Свидетель З. Рзаев).

— Что делали солдаты? Они защищали население? — спросила представитель потерпевших П. Л. Шапошникова.

— Защищали себя, — ответил свидетель.

На площади автовокзала днем 29 февраля собралась огромная толпа, 2-3 тысячи человек.

Вокруг стояли солдаты в касках, с дубинками и щитами. И на бронетранспортерах.

— На площади призывали убивать, и солдаты не реагировали?

— В солдат кидали камнями. Они бросились с дубинками на толпу. (Свидетель З. Рзаев).

— Значит, была стычка между солдатами и азербайджанцами? — спросил председатель суда. — Из-за чего?

— Не знаю, — ответил обвиняемый И. Исмаилов. — Я увидел, что солдаты оказывают помощь своему раненому.

— Один БТР наехал на несколько человек. Я увидел

на асфальте человеческие мозги... в центре города, между автовокзалом и «Спутником», (Свидетель З. Рзаев).

Ребята бросали камни в солдат. Солдаты их преследовали. Мы убежали, — показал обвиняемый Я. Джафаров.

— В 41а квартале не было солдат. Когда перестали солдаты преследовать толпу? — спросил адвокат Р. Рштуни у обвиняемого И. Исмаилова.

— Они за нами не пошли. На автовокзале осталось еще много людей, — ответил он.

— Когда на рассвете следующего дня нас привезли на бронетранспортере в горком партии, я был удивлен, как много войск вокруг здания: десантники, курсанты, моряки и военная техника. (Свидетель А. Гукасян). А внутри кварталов убивают людей.

Армия была в Сумгаите, но оборонялась в основном, не защищала жизнь советских граждан армянской национальности. Почему? Где были городские власти все три дня погромов? Закономерно возник в суде и этот вопрос.

Они проводили митинг на площади перед горкомом партии. (Потерпевшая Ж. Амбарцумян, свидетели М. Омаров и З. Рзаев). М. Омарова вызвали в горком, чтобы радиофицировать площадь. Рзаев в своих показаниях описал митинг 28. 11 на площади Ленина. С трибуны требовали: «Пусть армяне уберутся из Сумгаита!» В толпе раздавались призывы убивать армян. Выступил первый секретарь горкома партии Д. Муслим-Заде. Просил ничего не ломать, не портить государственное имущество. Раздал всем журналы и ручки, чтобы выяснить, сколько человек за присоединение НКАО к Армении, сколько требуют выселить армян из Сумгаита. Обещал дать ответ на митинге через несколько дней. Муслим-Заде и писатель (кто?) спустились с трибуны и повели толпу к морю. Позднее Муслим-заде, давая интервью «Комсомольской правде», объяснил, что возглавил демонстрацию, чтобы придать ей мирный характер. Он шагал во главе, а от процессии отделялись группы и врываются в жилые кварталы громить армян («Комсомольская правда» от 27 марта 1988 г.).

В Верховный Суд СССР во время процесса поступила телеграмма из Степанакерта:

«На пленуме ЦК КП Аз.ССР бывший секретарь Сум-

гаитского горкома партии Д. М. Муслим-заде обвинил в трагических событиях в Сумгаите также и руководителей республики. Об этом более подробно он высказался на Бюро ЦК КП-Аз.ССР, накануне, при рассмотрении его персональной ответственности. Мы, принявшие участие в работе этого пленума, обращаем ваше внимание на высказывание Муслим-заде, просим в процессе судебного разбирательства разобраться и в этом вопросе.

Погосян Г. А. — первый секретарь Нагорно-Карабахского обкома партии,

Мовсисян З. М. — первый секретарь Степанакертского горкома партии,

Григорян В. С. — первый секретарь Мартунинского райкома партии,

Багиян Г. Л. — первый секретарь Гадрутского райкома партии,

Варданян З. В. — бывший первый секретарь Мардакертского райкома партии,

Петросян С. К. — бывший первый секретарь Мартунинского райкома партии».

Телеграмму приобщили к делу — не огласили ее.

Свидетель В. Мамедов, бывший начальник ЖЭК-12, показал в суде, что правительственная комиссия во главе с Председателем Совета Министров Аз.ССР Г. Н. Сеидовым, прибывшая в Сумгаит 1 марта, дала указание всем начальникам ЖЭКов срочно ликвидировать все последствия погрома: вывести из дворов остатки вещей, выброшенных из разгромленных квартир, отремонтировать двери и окна, вымыть дворы, подъезды, покрасить в квартирах. Хочется верить, что комиссия, впервые встретившись с таким явлением, отреагировала на погром как на разновидность стихийного бедствия. Так или иначе улики были уничтожены, что заметно осложнило работу следствия.

На скамье подсудимых трое. Только трое. Может быть, они втроем разгромили 17 квартир и убили 7 человек? А где остальные триста-четыреста? А где милиционеры, своим бездействием потакавшие резне? А врачи, не оказавшие помощь жертвам избиений? Где управдомы, выполнявшие роль наводчиков? Связисты, отключившие телефоны? Почему их не судят? Кто заранее подвозил камни к местам погромов? Кто сооружал завалы на дорогах, ведущих из города? Кто снабдил по-

громщиков и убийц адресами армян? Откуда у толпы оказались обрезки арматуры одинаковой длины? (Газета «Коммунист Сумгаита» за 15 мая сообщила, что их нарезали на заводах). Почему мегафонщик взывал к мусульманам? Как городские власти могли допустить, что в течение трех суток шла самая настоящая резня? И почему только городские? Разве в Баку не знают, что происходит в тридцати километрах от столицы республики?

Представители потерпевших, адвокаты П. Л. Шапшикова и Р. В. Рштуни сочли, что следствие не ответило на эти и другие вопросы, и 11 ноября обратились в Верховный Суд с ходатайством направить дело А. Ахмедова, И. Исмаилова, Я. Джафарова на доследование и объединить все уголовные дела по 41а кварталу.

14 ноября судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР, рассмотрев ходатайство, вынесла определение: выделить дело И. Исмаилова и Я. Джафарова, направить его в Прокуратуру СССР для дополнительного расследования. Вместо укрупнения дела произошло его дробление. Фактически ходатайство отклонено.

Потерпевшие К. Мелкумян, И. Мелкумян, Ж. Амбарцумян, А. Аракелян, Т. Мелкумян (брат Согомона Мелкумяна) сделали заявление:

«С 18 октября Верховный Суд СССР слушает дело о массовых беспорядках в г. Сумгаите 27—29 февраля с. г. С самого начала нами и широкой общественностью Армении и за ее пределами было выставлено требование рассматривать это дело в Верховном Суде СССР как дело о массовых убийствах по национальному признаку. После неоднократных и необоснованных отказов Верховный Суд СССР принял его к рассмотрению. Однако в ходе судебного процесса выяснилось, что предварительное следствие проведено необъективно и односторонне. Уже сам по себе факт разделения единого организованного преступления на ряд отдельных и самостоятельных дел свидетельствует о тенденциозности и преследует цель скрыть действительных организаторов и виновников. Кроме того, вызывает протест и квалификация массовых убийств граждан армянской национальности как убийств из хулиганских побуждений. В судебном процессе никак не отражается преступная деятель-

ность местных партийных и советских органов, а также уже находившихся в городе воинских подразделений.

В связи с вышеизложенным, потерпевшая сторона не считает возможным дальнейшее свое участие в судебном разбирательстве и в знак протеста покидает зал заседания.

Мы также отказываемся от дальнейшего участия в суде наших представителей, адвокатов П. Л. Шапошиковой и Р. В. Рштуни несмотря на их усилия восстановить истину, несмотря на их добросовестность в выполнении своих обязанностей».

Ж. Амбарцумян, А. Аракелян, И. Мелкумян, К. Мелкумян, Г. Мелкумян покинули зал Верховного Суда СССР. Вместе с ними в полном молчании вышли все армяне.

18 ноября суд вынес приговор А. Ахмедову: назначил ему высшую меру наказания—смертную казнь, расстрел. Процесс обжалованию и кассации не подлежит.

В частном определении суд отметил вскрытые факты бездействия органов МВД и войсковых частей во время массовых беспорядков в 41а квартале Сумгаита и антигуманного поведения некоторых работников скорой помощи.

Был поставлен вопрос о дополнительном расследовании этих фактов и привлечении к ответственности виновных. Важно не только то, чтобы преступник понес заслуженное наказание; гораздо важнее оценка, квалификация преступления. Этого ждут все честные люди нашей страны.

ИНЕССА БУРКОВА

газета «Советский Карабах», 23 ноября 1988 г.

ФАКТЫ И БОЛЬ

В Москве в зале заседаний Верховного Суда СССР слушается сумгаитское дело. Идет процесс, раскрывающий суть памятных всем событий февраля, когда озверевшие преступники убивали, насиловали, грабили, жгли дома. Были задержаны почти сто подозреваемых. Сейчас судят троих. А. Ахмедову, И. Исмаилову и Я. Джафарову предъявлено обвинение в организации и непосредственном участии в массовых беспорядках, сопровождавшихся погромами, поджогами, участии в убийстве семерых человек.

Понять? Осмыслить? Не знаю, способен ли кто. Суд пытается установить истину, факты, выслушивая, сопоставляя страшные подробности. Суд не может ответить на вопрос, снова и снова повторяемый родственниками погибших: «Как можно спокойно смотреть, когда человека забивают насмерть лопатами? Сжигают?»

— Смотрел,— раз за разом монотонно отвечает со скамьи подсудимых Джафаров, которому в феврале еще не было восемнадцати.

— Пусть он скажет, как мог!

...Их привезли сюда не потому, что они смотрели. Председательствующий на процессе член Верховного Суда СССР Раймонд Бризе отводит вопрос: суд исследует события, а не эмоции.

От прежних показаний все трое отказываются. Утверждают, что на предварительном следствии дали их под воздействием силы и угроз. Да, знали о беспорядках в городе, видели группы возбужденных людей, слышали призывы «отомстить армянам». На вопрос, за что отомстить, отвечают: «Ну, за Карабах...» На вывешенной в зале схеме городских кварталов показывают, где были, куда пошли, где наблюдали, как громят квартиры, расправляются с жертвами. И только. Каждый утверждает, что руки его чисты: посмотрел, пришел домой, поужинал, включил телевизор, потом лег спать.

Внешне эти молодые люди вполне спокойны, не смущаются, когда их показания не совпадают с показаниями свидетелей. С неюношеской бесстрашностью отказался отвечать Джафаров на любые вопросы, касающиеся его письма родным, перехваченного при попытке передать его из следственного изолятора. Оглашается письмо: просьба уговорить свидетелей изменить показания в его пользу.

Не могу утверждать, что подсудимые надеются на безнаказанность. Но постоянно вспоминаешь, что в дни сумгаитского кошмара милиция, городские власти не остановили погромщиков и убийц. Ощущение безнаказанности подхлестнуло толпу. Не знаю, будет ли рассматриваться на этом процессе степень ответственности других лиц, однако оценить их действия или бездействие нужно. Вот только два эпизода в подтверждение несправедности вопроса.

Председательствующий: «Свидетель, расскажите все, что вам известно по этому делу».

Свидетель Иван Малый, вальцовщик трубопрокатного завода, житель Сумгаита: «Все? Нам не хватит времени... Видел из окна толпу. Как тащили человека. До этого слышал о погромах, но не верил. Не вмешивался потому, что сделать ничего уже было нельзя. Боялся ли за себя? Да. Потому, что прятал в квартире женщину-армянку. Нет, Азербайджанцам, русским, людям других национальностей опасность не угрожала».

Наверное, не так уж слепа была прицельно охотившаяся за жертвами толпа. Сумгаит заставил нас признать серьезность ошибок, допущенных в национальной политике. И нелегко, нескоро изглядятся последствия февральского взрыва: тысячи семей армян уехали из Азербайджана, тысячи азербайджанских — оставили свои дома в Армении. Чтобы вернулась нормальная жизнь, люди должны почувствовать: гарантии справедливости незыблемы.

Второй эпизод в зале суда. Мать одного из обвиняемых выкрикнула: «Почему здесь сидит мальчишка, разве он все организовал?! Здесь должны быть те, кто его научил, кто все это позволил!»

Потерпевшие аплодировали вместе со всеми. Судья Раймонд Бризе заявил, что прикажет очистить зал, удалит публику, если подобное повторится. Конечно, суд — не театр. Но такая реакция говорит о многом. О том, что даже здесь, где гора, казалось бы, разъединяет людей, они сходятся в стремлении уничтожить пружину зла.

Дело суда — дать юридическую оценку преступлению. То, что конкретное уголовное дело из цепи сумгаитских рассматривается Верховным Судом страны, в какой-то мере оценка и политическая: свидетельство того, как серьезна опасность. Слушание продолжается, и мы еще расскажем о ходе процесса.

Незадолго до начала слушания, выступая по республиканскому телевидению, первый секретарь ЦК Компартии Армении Сурен Арутюнян говорил: «Тревожит людей тот факт, что судебное разбирательство ведется в разных городах страны, а в республику не поступает никакой информации, кто наказан, какое наказание понес, сделаны ли надлежащие политические выводы из жестоких, невероятных в нашем обществе преступлений».

Информации не хватает и сейчас. Дело слушается в открытом заседании, но из-за небольшого количества мест в зале доступ ограничен строгой системой пропусков. Председательствующий отклонил просьбы о ведении видеозаписи, и даже телесъемка в первый день процесса была прекращена. Мера объяснимая: камеры могут мешать участникам.

Но суд располагает возможностью перенести заседание в другое помещение. Не следует ли так поступить, учитывая, с каким вниманием ждут информации миллионы людей?

А. ПРАЛЬНИКОВ

«Московские новости»

№ 44, 30 октября 1988 г.

ДАВАЙТЕ ДУМАТЬ, ДАВАЙТЕ ДЕЙСТВОВАТЬ

Второго ноября наша делегация, представляющая Союз писателей Армении, прибыла в Москву, чтобы присутствовать на заседаниях суда, где слушается дело о сумгаитском погроме.

Первое впечатление — ошеломляющее. На тротуаре перед центральным входом в здание Верховного суда Союза ССР нас встречает огромная толпа армянской общественности, пытающейся проникнуть сквозь плотный кордон блюстителей порядка. Писательские книжки и журналистские удостоверения, как тут же выясняется, не обеспечивают права беспрепятственного входа в храм Фемиды. Наше продвижение от одного контрольного поста к другому напоминает Брусиловский прорыв по всей линии фронта. Первой удается осуществить натиск Сильве Капутикян, за ней с переменным успехом завоевывают позиции Маро Маркарян, Анаит Саилян, Арташес Погосян, доцент юридического факультета ЕГУ Джемма Мажнян и автор этих строк.

Вводят арестованных. В их облике вызов, в ломаных жестах кич. Жалость? Нет, жалости они у меня не вызывают. Этого непроизвольного соболезнующего чувства заслуживают только страдальцы.

Зачитываются показания. Свидетель Керимов от них отказался. Однако закон есть закон, показания сняты по форме и уже легли в многотомное дело. Впрочем, ни одного «живого» свидетеля увидеть нам не удастся. Это мы узнаем потом.

Все три дня мы будем, вжимаясь в кресла, вливаясь ногами в ладони, слушать бесстрастные описания: «взял секач, ударил по затылку», «бросили в костер», «топорами выломали дверь» и т. д.

Причины неявики на суд у свидетелей самые разные: болезнь ребенка, плохое самочувствие. Возможно, я ошибаюсь, но возникает четкое ощущение — воля свидетелей парализована угрозами противников честного разбирательства.

Свидетелей можно понять. До сих пор не дана политическая оценка происшедшему в Сумгаите, следствие буксует на проработке отдельных беспорядков из хулиганских побуждений. В этой обстановке очевидцам очень трудно сохранять гражданское мужество и верность истине вопреки сложившемуся в городе общественному мнению.

Чему удивляться? Центральная пресса молчит. Номера республиканских газет со статьей Армена Оганесяна «Водораздел» и с интервью с адвокатом Рубеном Саакяном «Настат ли час расплаты?» у нас буквально выхватывают из рук. Москвичи потрясены размахом боев местного значения.

Писателям есть что рассказать. Инициативная группа из профессиональных литераторов, журналистов, историков собрала три тома свидетельств сумгаитских очевидцев из числа лично пострадавших. Работа велась на протяжении девяти месяцев, скрупулезно уточнялся каждый факт свидетельств, место и время каждого убийства устанавливались методом перекрестной сверки отдельных показаний, сопоставлялись гипотезы мотивов преступлений.

Приведу несколько выдержек из этих леденящих душу откровений.

Левон Акопян, бригадир монтажников-высотников Аз.СМУ «Стальконструкция» (все называемые должности и места работы очевидцев действительны до погрома. Н. К.).

«27 февраля у памятника Нариману Нариманову я увидел толпу в 50 человек, ведущих митинг, а вокруг нее — море людей. Не пять, не семь тысяч, больше — все стояли и слушали. На одном из транспарантов черным по красному было написано: «Смерть армянам!» Я услышал и такой возглас: «Мусульманин, который не выпьет кровь армян,— не мусульманин! Каждый мусульманин должен убить семь армян!»

«Утром, где-то в 9 часов, это уже 1 марта, по мегафону слышу: «Граждане армянской национальности! Ради вашей безопасности просим вас выйти из квартир! Мы отвезем вас в безопасное место!» Это говорили солдаты из БТР.

Не надо быть корифеем юридических наук, достаточно здравого смысла, чтобы усомниться в бытующей версии избития лиц разных национальностей.

Александр Гукасян, учитель физики сумгаитской средней школы № 23, который присутствовал 1 марта в сумгаитском горкоме партии на заседании руководителей города, республики и работников аппарата ЦК КПСС как представитель пострадавших.

«В большой комнате за столом сидели Демичев, Багиров, военнослужащий Краев, Муслим-заде и другие работники аппарата. Меня попросили рассказать о том, что знаю. Когда я закончил свой рассказ, Демичев задал вопрос: «Почему же все-таки люди не хотят вернуться домой?» Я сделал вывод, что, наверное, городские власти не показали ему наших разгромленных квартир. Его, наверное, провезли по тем районам, которые не пострадали. Я говорю: вы извините, но лично я первым уеду отсюда, такого же мнения будут и все остальные армяне, которые спаслись. В это время меня поддержал Краев. Он встал и обратился к Демичеву: «Петр Нилович, Александр Михайлович правильно сказал в отношении милиции. Когда я прибыл в Сумгаит, в городе было сосредоточено 850 человек милиции. 850 человек! А результатов никаких! Вся милиция разбежалась! Я, солдат, со своим батальоном в районе автовокзала чудом остался жив. Чудом! Нас закидали камнями. Щиты не выдерживали, ломались у солдат». Демичев тогда опустил голову и сказал: «Поднять руку на армию — это уж слишком! Позовите Сеидова!» (Речь

идет о председателе Совета Министров Азербайджанской ССР. Н. К.).

Когда вошел Сендов, он приказал ему составить списки милиционеров, покинувших свой пост, и отдать их под суд.

До последнего времени ни об одном уголовном деле на «доблестных блюстителей» нам не известно. Комментарии излишни.

Юрий Мусаелян, электромонтер трамвайно-троллейбусного управления г. Сумгаита.

«27 февраля во время митинга на площади перед горкомом партии я видел, как подъехала грузовая машина, откуда стали выносить ящики с водкой и круглые, величиной с кулак, черные комья анаши и бесплатно раздавать людям».

Мадлена Агаджанян, паспортистка.

«Нет, это были не хулиганы... Целый час смотрела из окна — двигалась нескончаемая толпа воющих зверей...»

Зинаида Мудрецова, экономист.

«Нас убивали спящими. По-моему, достаточно одного свидетельства, чтобы этих людей заклеить позором на все века».

Обобщая факты свидетельств очевидцев сумгаитской резни, можно сделать следующие выводы: за несколько дней до погрома в организованном порядке были составлены (по данным ЖЭКов) списки квартир, где проживают армяне; 28—29 февраля телефоны в армянских квартирах были отключены; на улицах разбросан речной булыжник, привезенный в город за много километров; убийцы были вооружены металлическими ломами заводского производства; вслед за толпой погромщиков шли грузовики, куда забрасывали трупы, и пожарные машины, смывающие из брандсбойтов кровь с асфальта; утром 29 февраля, уже с 6 часов, шел ремонт «разбомбленных» квартир; бандиты формировались в отряды по тысяче человек, «тысячники» отдавали приказы по мегафону.

Зная это, легко поверить в цифру, прозвучавшую на суде из уст председательствующего на судебном разбирательстве Бризе: в Сумгаите в результате беспорядков получили увечья 275 солдат.

А суд продолжается. Зачитано ходатайство представителей потерпевших: вызвать для допроса в суд новых свидетелей (трех из числа очевидцев зверской расправы над семьей Мелкумянов, а также над Арташем Аракеляном и Мишей Амбарцумяном) и людей, так или иначе причастных к известным событиям: военнотруженика Краева, бывшего первого секретаря Сумгаитского горкома партии Муслима-заде, начальника ЖЭКа № 12 Мамедова, начальника городской телефонной сети и руководителя профтехучилищ Сумгаита.

Прокурор счел необходимым вызов в суд первых трех свидетелей, целесообразность явки остальных пока что под вопросом.

Основываясь на этом решении прокурора, представители потерпевших просят отсрочки следующего заседания для подготовки второго ходатайства. Просьба удовлетворена.

Зачитывается еще одно свидетельское показание. И вдруг крик из зала: «Неправда!» У одной из пострадавших сдали нервы.

Судья делает ей замечание и чтение возобновляется.

Рядом со мной плачут в платочки две пожилые русские женщины. На вопрос шепотом: «Вы из Сумгаита?» — отрицательный кивок.

Близится к концу третий день нашего пребывания в Москве. То и дело срывается мокрый снег, резкий ветер продувает насквозь, на улицах гололед, минус 15. Чуть-чуть теплей было в Сумгаите в те проклятые дни, когда людей голыми водили по улицам, а полубезумные матери в тапочках на босу ногу, прижимая к груди детей, замотанных в тряпье, бежали к солдатам, с последней надеждой на спасение. И захочешь забыть, не получится.

Итак, заседание суда окончено. Оно продлится до 10 ноября. Подавленные, нет, раздавленные тяжестью горя выходим из зала. Нервы на пределе. И вдруг отец подсудимого Джафарова с иезуитским смешком задевает невестку Согомона Мелкумяна, чудом оставшуюся в живых Карину. Она спаслась, перейдя с балкона на балкон соседки по виноградному штaketнику, с двумя малолетними детьми, с шестимесячным ребенком под сердцем. Миг — и разъяренная женщина кричит в ответ: «Сволочь!» И тут происходит невообразимое. Лицо Джафарова превращается в волчью маску, оскалив клыки,

оно рычит: «Надо было всех вас вырезать тогда, и не было бы вас и этого процесса!»

Толпа ахает и приходит в движение. Вся она — сгусток боли, оскорбленной чести, ущемленной гордости, страшного бессилия перед слепой черной ненавистью.

Аккуратно подстриженные мальчики в штатском теснят нас к лестнице. «Да как же это можно!» «В здании Верховного суда!» — раздаются возмущенные голоса.

Я успеваю скороговоркой выпалить информацию выходящему из боковой двери адвокату Р. Рштуни. Бравый майор в штатском вежливо берет меня за локоток, почти ласково журит: «Вы же должны понять, что эти люди...» И он крутит пальцем у виска.

Был ли смысл говорить, что я и все мы устали понимать и при этом оставаться непонятыми, что не мне объяснять ему, стражу закона, где положено находиться тем, у кого не в порядке с головой, а вернее, с совестью. Не знаю, был ли смысл, но я сказала ему все, что думаю по этому поводу. Майор охотно со мной согласился.

Жаль, что рамки, в которых ведется суд, слишком узки для воссоздания целостной картины сумгаитского преступления. Невольно приходит на ум толстовская притча о веннике, который развязали и сломали по прутику.

Но были и другие встречи и речи иные. В редакциях журналов «Юность» и «Огонек» в Центральном Доме литераторов, многочисленные беседы с известными писателями, социологами, экономистами, юристами — цветом московской интеллигенции. В последние дни к нашей делегации присоединились Грант Матевоеян, комментатор Гостелерадио Армении Константин Тер Ованесов. Нас слушали, затаив дыхание, веря и не веря собственным ушам. Наше общее мнение — даже они, передовые, едва ли не всезнающие люди весьма скудно осведомлены о том, что происходило при наступлении 15-тысячной орды головорезов на Аскеран (около 50 человек искалечено, 350 машин изуродовано, ни одного уголовного дела не возбуждено). В Сумгаите (точные цифры потерь до сих пор устанавливаются), в Ходжалы (двадцать человек в больнице, один скончался, более пятидесяти машин превращены в груды лома)... А ток по цепи идет, гудит напряжение в миллионы вольт челове-

ческих судеб. Где оборвется следующее звено? Давайте думать, давайте действовать. Преступление против нации не должно повториться. Но о нем должны знать все. Именно поэтому.

Ни один из участников встреч не остался равнодушен к нашему горю. Записывали наши адреса, телефоны, предлагали свои координаты, просили держать в курсе дел. В воскресенье мы побывали на Ваганьковском кладбище, где у Армянской церкви собираются москвичи для обмена информацией. К дереву приковлен последний номер «Коммуниста», интервью с Генрихом Погосяном. Люди изголодались по правде, по справедливости. Все честные сердца обращены к Армении.

... Вспоминается одухотворенное лицо моего учителя по Литинституту, поэта и переводчика, в том числе и армянской поэзии Льва Озерова, только что выслушавшего мой длинный сбивчивый рассказ. В глазах у него слезы. «Наденька, передайте всем в Армении, что с этого дня я считаю себя армянином...»

Было бы замечательно, если бы эта мысль пронзила сознание и каждого армянина, и он бы спросил себя: «А что я сделал для того, чтобы правда восторжествовала?»

НАДЕЖДА КРЕМНЕВА

Москва — Ереван.

«Ерекоян Ереван» от 11 ноября 1988 г.

«Комсомолец» от 17 ноября 1988 г.

БАКУ — КИРОВАБАД

ЗА ЧТО ПОГИБ БОРИС ГУСЕВ?

У Галины Викторовны и Михаила Сергеевича Гусевых был единственный ребенок, сын Борис, который родился совсем, кажется, недавно — в 1966 году. Он рос, как растут все хорошие, чистые дети — очень любил маму, отца и бабушку, ходил в школу, получал хорошие и плохие отметки, имел настоящих друзей, а потом встретил настоящую любовь. Взрослой жизни ему было отпущено совсем

немного, но он ее прожил, как и должен жить человек с представлениями о долге и чести. И погиб, как человек, защищая собой других людей.

... Его хоронило все Ярцево, частица многострадальной Смоленской земли, где нет камня, который не проклинал бы смерть — с времен Великой Отечественной.

Снимок выпускной, трехмесячной давности — только что окончено военное училище; Борис — офицер. Вид и озорной, и серьезный — дескать, «знай наших»: к финишу пришел почти отличником. Мать привычно смотрит на снимок глазами, где и надежда и гордость.

Мы не успели на похороны. В газетах прошло лишь короткое сообщение о событиях в Кировабаде (Азербайджан) 22 ноября, скупилось на подробности и телевидение. Сами в редакции выясняли — что, кто, как. Потом ехали в городок Ярцево Смоленской области к родным Гусева, страшась предстоящей встречи. Попали на поминки. Утром Бориса привезли домой, днем в школе, где учился, с ним прощался город. Ярцево, узнавшее полной мерой войну, провожало Гусева на кладбище, и многие сотни людей пытались и не могли понять, как это — в мирной жизни и без Афганистана хоронить мальчиков. Собирали стихийно подписи. Хотели, чтобы кто-то где-то мог услышать их голос, протест, крик: «Остановитесь! Хватит! Что вы делаете?! Вы с ума сошли, что ли?»

Листы с подписями лежат у родителей Бориса — Галины Викторовны и Михаила Сергеевича Гусевых. И — груда телеграмм. Большинство из Азербайджана, соблазна от частных лиц, организаций. «Может быть, о том, что придется слать соблазна, в Азербайджане надо было думать раньше!» — говорят они. Телеграмму прислал брат Рагима Мамедова, солдата, что погиб, спасая людей во время снеговых лавин в Грузии. Это дорогие Гусевым строчки. Все-таки есть разница между стихийным бедствием, посланным природой, и бедствием, исходящим от людей.

Оля Гусева, жена, студентка мединститута, десять дней назад вернулась из Кировабада. Там было спокойно, они с Борисом гуляли по городу. И друзья мужа, ближайшие друзья, приехавшие в Ярцево, чтобы быть

с Борисом до самого конца, подтверждают: все было спокойно. Александр Тропынин, замкомвзвода, рассказывает, как началось и что творилось в это проклятое двадцать второе.

Кировабад, давно так сложилось, разделен мостами через реку на азербайджанскую и армянскую части. Во второй половине дня стало известно: готовится что-то нехорошее. Военные встали у мостов, чтобы остановить людей, готовых к погрому армянских кварталов. Их было очень много. «Это напоминало какой-то обморочный рок-концерт, где человеческих лиц не было. Все — словно в трансе». Военные пустили легкую боевую машину, которая крутилась на месте, не подпуская толпу к мосту. В машину полетели бутылки с бензином, она загорелась и встала, и надо было спасать водителя. Часть роты осталась тушить, часть побежала вперед — к толпе. И тут — сзади, с тыла на ребят покатила грузовик, заведенный и пущенный какими-то подонками. Восемь человек остались лежать.

Кто-то из них в больнице. Рядовых Олега Юрченко из Могилевской области и Анатолия Косенко из Днепрпетровской уже нет, как и Бориса Гусева.

Сюда бы тех подонков, на поминки к Гусевым или на поминки в семье Юрченко и Косенко, пусть взглянули бы, что натворили. «Мне ничего не надо, только бы взглянуть им в глаза, взглянуть — и все», — повторяет и повторяет Галина Викторовна Гусева.

В больнице, куда привезли ребят, все попрягались, кроме одной медсестры. Александр (а этот светлоглазый сибиряк из-под Тюмени, юноша, уже не производит впечатление человека своего возраста, случившееся сразу сделало его жестко и точно взрослым) выламывал двери кабинетов, чтобы найти хоть кого-нибудь. Он, далекий от медицины человек, понимал, что значат в этой ситуации минуты. Александр уверен: окажи врачи вовремя помощь Боре — он остался бы жить. Потом приехали врачи из военного госпиталя, стали ребят смотреть, срочно оперировать, но Борису это уже не могло помочь.

Горько писать и нельзя не писать эту правду. Она и в том, что толпа исчезла так же неожиданно, как и появилась — само по себе такое не происходит. И в том,

что никого из партийных и советских руководителей обезумевшего города на месте событий не было — об этом свидетельствует ближайший друг Бориса лейтенант Владимир Исаков. Правда и в том, что Гусевы получили только извещение о гибели сына и до сих пор не пришла первая телеграмма: сын плох, но жив. Они бы могли вылететь, проститься. Правда и то, что они не знали, когда и куда привезут гроб.

Так за что погиб Борис Гусев, офицер, и рядовые Олег Юрченко и Анатолий Косенко, за что расплачиваются те молодые люди, которые лежат сейчас в реанимации и никто не знает — выживут ли?

Да, они сделали то, что должны были сделать: выполнили свой воинский и гражданский долг — защитили мост, за которым — женщины и дети, старики. Но от кого, от какого врага? От соседа!

Смотрим семейные альбомы, родные Гусевым люди перебирают в памяти дорожные мелочи жизни Бориса. Как любил он готовить. Писал недавно: вот вернусь — испеку большой пирог. «Вот он, пирог, Боренька, все на столе, только нет тебя...» — сдавленно прорыдал отец.

Он был отличным парнем, Борис Гусев. Добрым, артистичным, выступал на школьной елке в роли Снегурочки, всех веселил, играл на барабанах, пел. Любил рыбалку и технические книги — художественную литературу полюбить по-настоящему не успел. Но он успел многое другое — вырасти в Рязанском военно-воздушном десантном командном училище у знающего командира, одним из первых поступил в партию, был с солдатами и строг, и по-человечески прост. Успел стать и хорошим мужем своей Оли — жаль только, что не оставил на земле ни сына, ни дочери.

Последнее письмо Ольги вернулось нераспечатанным. Отдавали его при нас, и лучше было бы нам никогда такого не видеть.

Галина Викторовна говорит, что теперь спокойных ночей у них не будет — друзья Бориса возвращаются к месту службы, а они стали заменой сына — насколько, конечно, это возможно.

Это противоестественно — матерям и отцам хоронить детей. Это противоестественно — под мирным небом и терять, уничтожать свое общее завтра и вчера. Я не

знаю, что можно сделать, но что-то обязательно надо. Ради всех матерей и детей, ради всех богов остановиться — хватит!

НАТАЛЬЯ КРАМИНОВА

«Московские новости» № 49,
4 декабря 1988 г.

ОСОБОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

В Баку, в Нахичевани, в Кировабаде объявлено особое положение. Бронетранспортеры, танки на перекрестках. Вооруженные солдаты в касках и бронежилетах.

Закрываются некоторые станции Бакинского метро. В центре города перекрыто движение общественного транспорта. С десяти вечера до пяти утра — комендантский час. И только на площади имени Ленина, оцепленной войсками, днем и ночью перед Домом правительства республики уже две недели идет нескончаемый митинг.

ЧТО ЖЕ ПРОИСХОДИТ? Чего хочет площадь? Почему положение стало особым?

Снова обострилась ситуация, которую принято стало называть «положение в Нагорном Карабахе и вокруг него». Поводом послужило то, что в НКАО, в местности Топхана на территории Азербайджанской ССР, началось строительство производственного помещения кооператива, созданного при алюминиевом заводе, расположенном на территории Армении. Вспыхнули страсти.

Как сказал на внеочередном пленуме бакинского горкома партии первый секретарь ЦК КП Азербайджана Абдул Рахман Везиров: «Проходят митинги. В целом они носят мирный характер. Однако под влиянием определенных сил у нас резко активизировались преступные элементы. Хулиганские выходы произошли в 17 городах и районах республики. Ранено немало людей, есть жертвы».

В Нахичевани группа хулиганствующих элементов разгромила ряд административных зданий. Ущерб причинен зданию обкома партии, сожжен автобус, повреждена другая техника. Бесчинства в Кировабаде обер-

нулись трагедией. Около 4 часов дня 22 ноября толпа окружила горком партии. Заведующий одним из отделов обратился за помощью от имени первого секретаря. Чтобы предотвратить погромы, у моста через реку Гянджачай, отделяющую район, где живет много армян, было выставлено войсковое оцепление. Из толпы полетели угрозы, оскорбления. Потом посыпались камни. Кто-то швырнул в солдат боевую гранату. На оцепление вылетел тяжелый грузовик. Его увидели — попытались остановить. Впрыгнув в кузов и добравшись до кабины, военнослужащие разбили стекла, стали перехватывать руль — их полосовали ножами по рукам...

В Кировабаде погибли при исполнении воинского долга, защищая жизнь и достоинство граждан, лейтенант Борис Гусев, рядовой Анатолий Косенко, рядовой Олег Юрченко.

От имени народа Азербайджана ЦК Компартии, Президиум Верховного Совета и Совет Министров республики выразили глубокое соболезнование и сочувствие родным и близким погибших.

Обстановка в Кировабаде и Нахичевани сохранялась напряженной и в последующие дни. Было немало правонарушений и в Баку. Митинг на площади Ленина продолжался организованно, но в городе появились хулиганствующие группы молодежи. Режим особого положения позволил контролировать обстановку.

Военный комендант особого района Баку генерал-полковник Мухант Тягунов обратился к жителям города с просьбой соблюдать спокойствие, не поддаваться провокациям отдельных преступников, не верить слухам, которых появилось множество. Он сообщил, что трижды в день в установленное время будут передаваться достоверные сведения о положении в городе. Созданы военные комендатуры при аэровокзале, центральном железнодорожном и городском автобусном вокзалах, метрополитене, телефонном узле.

Республиканское телеграфное агентство Азеринформ опровергло, со ссылкой на слова заместителя министра внутренних дел Азербайджана, слух о том, что беспорядки в Кировабаде начались после того, как якобы погиб ребенок, попавший под бронетранспортер. Это вымысел.

Слухов много. В городе часто говорят о провокаторах, призывающих к погромам или утверждающих, что они — жертвы погрома.

— Слухи, — сказал мне генерал-майор Виталий Босов, комендант участка № 1 особого района Баку, на территории которого находится митингующая площадь. — Официально заявляю, что ни одного человека, подозреваемого в провокационных речах, к нам не доставляли.

С фотокорреспондентом Павлом Касниным мы тоже попали в «провокаторы». Неизвестные люди, отказавшиеся сказать, кто они, потребовали предъявить разрешение снимать на улицах. Ни редакционные удостоверения, ни увещевания, что никаких особых разрешений не требуется и в природе не существует, не подействовали. Нам доставили в помещение, где собирались люди, назвавшиеся членами комитета по проведению митинга. Они объяснили, что снимать, конечно, можно. Но многие горожане беспокоятся, что в кадр попадет только «неужное», порочащее демонстрантов. Выделили людей для сопровождения, которые будут предупреждать возможные эксцессы. Вскоре провожатые попытались заняться «цензурой». Этот лозунг снимать не нужно. Зеленый флаг — тоже, лучше другой. Потом требовали засветить все: «Вы покажете только «пену», которая спускается любому движению. И ничего не расскажете о причинах митинга, о требованиях людей на площади».

Чего же требуют те, кто по многу дней не уходит от дома Правительства, кто объявил голодовку, кто говорит с трибуны, кто привозит сюда дрова для костра, еду и воду для митингующих?

Отсекая то, что называется «пенной», требования можно свести к нескольким основным пунктам. Прекратить строительство в Топхане, ставшее поводом для выступлений и забастовок (кстати, уже опубликовано официальное сообщение, что оно прекращено и техника с площадки вывезена). Наказать виновных. Распустить бюро обкома партии НКАО, создать новое, интернациональное по составу. Создать на территории Армянской ССР автономную область для азербайджанской части населения. Если это не будет сделано — упразднить автономию Нагорного Карабаха, превратив область в обычные административные районы Азербайджанской

ССР. Прервать экономические связи с Арменией, если НКАО не соглашается отказаться от требований выхода из состава Азербайджанской ССР, нарушая решения Президиума Верховного Совета от 18 июля этого года.

Участники митинга хотят, чтобы на эти вопросы им ответили руководители Азербайджана. Люди требуют правды о фактах коррупции, наказаний за годами творившееся беззаконие. Улучшения экономической обстановки в республике, условий жизни и работы. Требуют вернуть народу его историю, искромсанный учебниками времен сталинщины, отсеченную от нынешней молодежи двумя произвольными изменениями азербайджанской письменности, так что теперь редко кто может прочитать не только книгу начала века, но и надпись на дедовской могильной плите.

Военные машины на улицах Баку украшены цветами и воздушными шарами. По броне прыгают дети. Это, конечно, успокаивает. Но парализованы заводы, дымят ночные костры на площади огромного города. Мегафоны разносят слова и речи и лозунгов. А вечером, чтобы выйти из дома, нужен специальный пропуск.

— Армия решает вопросы, связанные с защитой конституционных прав,— говорит заместитель по политической части коменданта особого района Баку, генерал-майор Борис Александров.— Положение в городе сложное. Обстановка контролируется.

АНДРЕЙ ПРАЛЬНИКОВ,
спецкор «МН»,

«Московские новости» № 49,
4 декабря 1988 г.

ГРАНИЦА

двух союзных республик, воспринимавшаяся многие годы почти условно, стала линией напряжения. Она пролегла по земле и по сердцам людей.

От Еревана до пограничного с Азербайджаном Иджевана — 170 километров по шоссе. После введения в столице Армении особого положения, жесткого режима въезда в город машин на трассе заметно поубавилось.

Но дорога от Еревана продолжает быть тревожной: за последние 5 дней в республику прибыло более 6 тысяч человек из новой волны беженцев.

За день до поездки в Иджеван мы встречались с министром внутренних дел республики Усиком Арутюняном. Среди точек особого напряжения он показал на карте не только пограничные поселки, но и районы со смешанным армяно-азербайджанским населением. После нападения на поезд, тяжелого ранения машиниста и его помощника из ереванского депо движение на железной ветке Ереван—Баку, идущей через Нахичевань, сведено до минимума. По взаимной договоренности двух республик отменен пассажирский поезд Баку—Ереван.

Мы задали министру вопрос об общем количестве беженцев из Азербайджана. В течение этого года из соседней республики выписалось 22 тысячи человек. 16400 из них перебрались в Армению. Но, подчеркнул министр, цифры эти очень приблизительные. Меньше становится и азербайджанцев в Армении. В том же Ереване остались 883 человека—201 семья. Кстати, азербайджанцы исчезли и с ереванских рынков. Как утверждают тут, цены сразу подскочили.

Иджеванский район Армении граничит с Казахским районом Азербайджана. Отношения двух районов всегда считались образцом дружбы. Ближе к границе на азербайджанской стороне даже построили монумент, на котором три лепестка огромного цветка должны были символизировать союз трех закавказских республик. Теперь на границе передовые посты, посты ГАИ, полоса, которую заняли патрули Владимирской спецшколы МВД. Все изменилось, национальные чувства обострены до предела, теперь с армянской стороны обратили внимание: их лепесток на цветке-монументе меньше других.

... Пограничная ситуация между двумя республиками усугублена еще и фактом: в Азербайджане есть армянские села. И наоборот. Два таких села, азербайджанские Бархударлы и Софлы,— в Иджеванском районе. У обочины толпа мужчин-азербайджанцев.

— Тяжелое время,— говорит рабочий Намик Кулиев,— многие испуганы, вывезли в Азербайджан детей, жен. Но все мужчины остались. Столкновений с армянами у нас пока не было ни разу.

С 23 ноября ежедневно в Иджеван прибывают беженцы из Шамхора, Мингечаура, Казеха, Кировабада... Люди собрались вокруг Аси Геворковой с дочкой и двумя внучками. Их привезли из Кировабада к границе друзья-азербайджанцы. Говорят, кто без машины с азербайджанскими номерами и азербайджанцу за рулем пробиться к Иджевану было бы невозможно.

У поста с армянской стороны множество машин. Приехали встречать родственников-беженцев. К ночи должны подойти пять автобусов с армянскими семьями из Шамхора. На посту долгое ожидание. Собрались первый секретарь райкома, председатель горисполкома, начальники районных отделов КГБ и милиции... Сколько будет семей? Где размещать их и чем кормить? А главное, как успокоить город, не дать выплеснуться ответной реакции?

Наконец автобусы прибыли. Начинаются переговоры. Час, а может, и больше машины с договаривающимися сторонами ездят от поста к посту. Дети и взрослые сидят в автобусах. Наконец объясняют: азербайджанская сторона отказывается передавать беженцев, пока не уберут фотокорреспондентов...

В Ереван возвращаемся ночью. На пустой еще утром дороге появились самодельные шлагбаумы, отряды самообороны. Проверяют документы. Думаю, эти молодые люди сами плохо представляют, кого они ищут.

ВИКТОР ЛОШАК,
специальный корреспондент

Ереван—Иджеван.

«Московские новости», № 49,
4 декабря 1988 г.

ТЕПЕРЬ Я ЗНАЮ, ЧТО ЧУВСТВОВАЛИ ЕВРЕИ ГЕРМАНИИ В 1938 ГОДУ

(Бакинский дневник)

Эти письма написаны уже достаточно давно, но только сейчас мы получили разрешение их опубликовать. Хотя события, в них описываемые, уже перешли в ранг истории, наверняка нашим читателям будет интересно ознакомиться с впечатлениями очевидцев.

М. А.

22. 11. 88.

Шестые сутки подряд народ митингует на площади круглосуточно, но если 4 дня все ограничивалось площадью, то вчера все выплеснулось в город. Шлялись толпы народа, кричали: «Карабах!», «Сумгаит!» и т. д. Вчера бастовал транспорт (автобус, троллейбус, трамвай, такси, часть дня — метро), заводы Шмидта, кондиционеров, ряд других, часть магазинов. На площади было тысяч 200, если не больше, притом контингент сменный — шел поток на площадь и поток с площади непрерывно. Немногие автобусы, которые ездили, оставались и выгоняли народ, а всех гнали в парк. Сегодня все то же самое, но намного резче. Появились флаги суверенного Азербайджана (сине-красно-белый с полумесяцем и звездой). Ходят типы с повязками на голове а-ля иранские смертники. Обстановка достаточно нервная. По городу носятся машины с торчащими из окон флагами и гудящими сиренами. Вчера было, в основном, без эксцессов (хотя перевернули автобус и положили его поперек трамвайных путей и побили несколько такси), а сегодня уже веселее. С утра в Арменикенде уже швыряли камни, а сейчас говорят, что уже переворачивают машины. Правда, надо отдать должное — на площади порядок. Организовано все достаточно прилично, но в городе, в целом, неприятно. Короче говоря, на «штахим» безопаснее.

Толчком ко всему послужили события в Нагорно-Карабахской автономной области. Армяне, не сумев отделиться юридически, решили сделать то же самое де-факто, то есть разорвать все экономические и политические связи с Азербайджаном и наладить связи с Арменией. В районе Шуши они стали строить алюминиевый завод, вырубали при этом ценный курортный лес. Азербайджанцы тут же стали утверждать, что этот лес — их национальная реликвия, там был Бабек и т. д.¹ В результате этого на площади собралась огромная толпа. Энтузиасты там пьют, едят и спят. По ночам жгут костры. На бульваре брезентовые палатки, в одной штаб с казначеем, в другой — голодающие. Демонстрантам бесплатно раздают жратву и питье, по слухам, Зейнаб Ханларова прислала в подарок грузовик с сервелатом. Доска почета, металлические конструкции для портретов

вождей увешаны лозунгами: «Армяне — вон из Азербайджана», «Армяне, убирайтесь». «Свободу Ахмедову» (это сумгаитский убийца, его огромный портрет висел на Доме правительства). Рядом висят портреты Хомейни и рядом с ним Алиева и Муслима-заде (бывшие руководители республики). Я видел у демонстрантов плакаты с карикатурами: молодцеватый азербайджанец пинком под зад выгоняет из своего дома подлого вида красноносых армян, среди которых — женщина с отвислыми грудями и крестом на шее.

Одновременно с этим сегодня прошел вечер памяти Януша Корчака в районной библиотеке. Было человек 40, многие, явно посторонние, пришли по объявлению. Конечно, если бы не забастовка транспорта, то было бы больше.

23. 11. 88.

Беспорядки продолжаются, причем, по-моему, еще более активно, хотя транспорт уже ходит. Вчера по местному телевидению (центральное молчит, как Зоя Космодемьянская) показывали митинг на площади. С трибуны выступали братья-палестинцы в своих одеялах. Их пригласили, очевидно, поделить опыт. Телевизор продолжает показывать выступления знатных азербайджанцев, но я мало что понимаю из-за незнания языка. Кроют Балаяна (Зория), Аганбегяна, Сильву Капутикян. Бахтияр Вагабзаде в своей речи по телевизору посетовал, что молодые ребята — выпускники азербайджанского института не находят работу в Баку и уезжают в Россию, а для других наций в Баку работа есть. Он выразил также свое восхищение азербайджанскими девушками, которые до 40 лет не дают, лишь бы не выйти замуж за другую нацию. Армяне первые дни ходили, как обосранные, потом стали массами уезжать из Баку. Их очень жалко. Временами, в моменты наибольшего разгула страстей мне с ужасом представляется обстановка в Германии.

Теперь я знаю, что чувствовали германские евреи в 1938 г. Недавно на ВП, где я работаю, одна хомейни-образная дама, обращаясь ко мне, кипятилась: «Они едят наш хлеб и плюют нам в лицо! Вся история Армении — это гадость!» И все это при сидящей здесь окаменевшей армянке, которая спустя несколько дней уехала

в Ереван. Про Сумгаит упомянутая выше дама заявила: «Сумгаит — это город, где азербайджанцы героически защищали армян». Резню, конечно, спровоцировали армянские подстрекатели. (Прим. Улавливаете связь с нашими левыми, которые утверждают, что беспорядки на территориях спровоцированы поселенцами?). Армяне передали подсудимых в РСФСР, чтобы скрыть свои грязные делишки. В газетах появилась статья о некоем всемирном армянском заговоре. Доводы типа: «У Дукакиса заместитель — армянин». Каждый день какие-то новые пикантности: разбили мемориальную доску на доме-музее Шаумяна, сегодня я ехал в метро, на схеме заклеено название станции «Шаумян» и сверху написано «Карабах». Народ на площади требовал Шуйского, то есть, пардон, Везирова, но он показаться не пожелал. На работе у нас юные патриоты отправились на площадь. Их лидер, некто Натик, очень интеллигентная личность, даже заявил директору, пытавшемуся их удержать, что сообщит его (директора) данные истинным патриотам.

24. 11. 88.

Сегодня ночью введено особое положение и комендантский час с 22.00 до 5.00. По всему городу стоят танки, БТР, БМП, солдаты в бронезилетах и с автоматами. Запрещены демонстрации, митинги, закрыты кинотеатры. Но, несмотря на это, народ шляется, причем несет портреты убийц Сумгаита, получивших «вышку». С площади не расходятся. Площадь окружена танками, их уговаривают разойтись. Позавчера были столкновения с войсками в Кировабаде и Нахичевани, вчера в Нахичевани и Махачкале. Это то, что точно известно. Только в Кировабаде 3 убитых солдата и 126 раненых демонстрантов, Жгут и громят райкомы. Короче говоря, весело.

Руководит беспорядками некий Неймат Панахов, рабочий, 26 лет. Но я думаю, что его скоро уберут, потому что он призвал присоединиться к Ирану или к Турции. По площади Ленина ходит собака с привязанной к ней надписью «Вазген» (бедного католика тоже кроют на всю катушку).

Еще одно отрицательное явление: все кроют матом перестройку. Некоторые ностальгически вздыхают об Иосифе Виссарионовиче Сталине. Надо сказать, что

армяне в Армении тоже ведут себя по-скотски и выгоняют азербайджанцев. Евреев пока не трогают, но недавно одной знакомой девочке на работе медсестра, с которой у нее были прекрасные отношения, заявила: «Надо будет и с евреями разобраться». Интересно наблюдать изменения в массовой психологии людей: интеллигентные люди вдруг начинают беззастенчиво честить армян и прочее.

25. 11. 88.

Вчера я в перерыв наблюдал происходящее. Жуть. Площадь была оцеплена кольцом солдат. Второе кольцо стояло на Шаумяна, пр. Ленина. Между домом правительства и универмагом «Баку» стояла колоссальная толпа, орала, скандировала, пыталась пробраться на площадь, задевала солдат. Было очень нервно, на грани столкновения. Потом, очевидно, решили избежать столкновения и пропустили их на площадь. Запрет на митинги и демонстрации практически не работает. Силу применять бояться во избежание беспорядков, но все равно стало спокойнее. Никогда не думал, что придется жить при комендантском часе и особом положении. Зато теперь я готов к жизни на «штахим». Ничем не удивить.

28. 11. 88.

Понедельник. Тьма солдат (говорят, сто семьдесят тысяч). Два вечера подряд прямо под балконом стоят три БМП, человек тридцать солдат. Комендантский час. На каждом углу задерживают машины, проверяют документы, багажник. Эффективное зрелище. И что любопытно, никто из водителей не выясняет отношений. Очевидно, автомат с прижатым штыком, направленный в живот — достаточно сильный аргумент.

Опять по телевизору выступают знатные азербайджанцы. Один из них рыдал, говоря, что азербайджанцы в своей собственной республике подвергаются дискриминации, что все лучшие рабочие места, должности, квартиры занимают армяне, евреи, русские, что надо принимать меры. Ему явно не дают покоя лавры Нельсона Манделы.

Вчера также состоялось первое организационное занятие курсов иврита. Записалось 43 человека! На идиш и татский — никого. На идиш хотели две девицы, но, увидев ситуацию, переметнулись. Многие записываются семьями.

1. 12. 88.

Уже зима. Шум здесь уменьшился, но все еще очень напряженно. Солдаты, митингующие, которые пренебрегают особым положением. Продолжает действовать комендантский час.

Продолжается массовое бегство, усиливающееся с каждым днем. Кто в Ереван, кто подальше. Через 2-3 года в Баку не будет ни армян, ни евреев. Все будут довольны.

Кипит вся республика. Говорят, что было в Шемахе, где-то еще. Надо сказать, что все это очень и очень не смешно. Выясняется, что Султанит — это не самое худшее, что могло быть.

5. 12. 88.

Сегодня ночью, по слухам, митинг на площади все-таки разогнали. Точно еще не знаю, но, во всяком случае, транспорт не ходит намертво, опять демонстрации под крики «Карабах!», «Месты!» и т. д. Очень занятно. Последние дни в городе неважно. Бьют армян, громят квартиры. Напряженность уже почти 3 недели.

6. 12. 88.

Около 10.30 возле МВД собралась толпа в несколько десятков тысяч человек, которые стали забрасывать его камнями. Меня потряс героизм нашей милиции, которая не поддавалась на провокацию, храбро заперла двери и хранила гордое молчание. Нас с работы распустили, и я пошел домой. По городу неслись группами по 4 БМП, ВТР, машины и автобусы с солдатами. Я пошел на Басина и когда был на уровне консерватории, началась стрельба. Побежал в обратную сторону, взял машину и доехал до дому. Весь день шатались толпы, их разгоняли, шла стрельба по всему городу. В итоге всего этого, как сообщил на следующий день комендант города, «были убиты и ранены».

7. 12. 88.

Сегодня все тихо, но город забит танками. БМП, солдатами. И слава Богу, а то здесь было бы почище, чем в Сумгаите. Среди солдат, как сообщило радио, 3 уби-

тых и 14 раненых. Ранено также 30 гражданских лиц. Это уже ближе к истине, хотя вопрос — насколько ближе. Наблюдал вчера отряд армянской Хаганы. На Завокзальной стояло человек 20 с собаками, ждали гостей. Говорят, что так было во многих местах. Но ведь «гости» — народ осторожный и при соотношении меньше чем 10:1 визитов не наносят.

Последние события резко изменили в пользу отъезда умонастроение многих евреев, раньше об этом и не помышлявших. Это последнее — единственный положительный результат всех наших чудных происшествий. Скопилось большое количество вызовов. Вчера дозвонился до О. Это был анекдот. Первый раз позвонил В. Мне сказали, что у него номер не отвечает. Так и не дозвонился. Вечером звоню, меня сразу соединяют. Там говорит женский голос: «Алло», — я чисто машинально говорю: «Да», — на что мне по-русски отвечают: «Слушаю Вас». Я спрашиваю: «Мойша дома», — мне говорят, — «такого нет». Я, извинившись и сказав, что ошибся, вешаю трубку. Звонит телефонистка, я ей объясняю, что соединили неверно, она соединяет по новой. Опять тот же голос. Я: «Это такой-то номер?» Она: «Да». Я: «Это Иерусалим?» Она: «Нет, это Реховод». Я вспомнил «Мимино». Короче, позвонил О. В 2 захода сумел продиктовать лишь половину данных. 2 раза разговор прерывался, а в 3-й раз телефонистка отказалась соединить. Такой вот занятный казус. Я прикинул, что в Израиле русскоговорящих порядка 5%. И это же надо — попасть не туда и нарваться на наших.

12. 12. 88.

Тут же поутихло. Имеет место большая народная радость по поводу землетрясения. Во многих городах устраиваются банкеты. Короче говоря, реакция, несколько отличающаяся от «плечом к плечу», упоминаемого в газетах. Вообще, конечно, кошмар. Вчера передали, что приехали израильтяне.

Еженедельник «КРУГ»
(«KRUG») Тель-Авив,
23. 07. 1989.

ПРИМЕЧАНИЕ

Имеется в виду Топхана, безлюдный пустырь, на котором решением Аскеранского райсовета от 23. 10. 1988 г. планировалось разместить небольшой пансионат Канакерского алюминиевого завода. Этот эпизод послужил основой для оголтелой антиармянской кампании в азербайджанских средствах массовой информации, результатом которой стали массовые беспорядки, погромы и убийства. Азербайджанцев и всю советскую общественность убеждали в том, что Топхана — историческая и природная реликвия, хотя она не значилась ни в каких реестрах памятников истории, культуры и природы. Утверждалось также, что в Топхане планируется возвести алюминиевый комбинат, который призван резко ухудшить экологическую обстановку. Хотя специально созданная комиссия Госкомприроды СССР в своем заключении опровергла все утверждения азербайджанской стороны, эпизод с Топханой продолжал использоваться для нагнетения антиармянской истерии, почему и был введен в заблуждение автор «Бакинского дневника». Об эпизоде с Топханой см. также в статье К. Михайлова «Нам вместе жить» в настоящем сборнике.

1989

НАМ ВМЕСТЕ ЖИТЬ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС? РЕШЕН! — УВЕРЕННО ГОВОРИЛИ МЫ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ НАЗАД. РЕШЕН? — СОМНЕВАЕМСЯ МЫ СЕЙЧАС, ВСПОМИНАЯ ТРЕВОЖНЫЕ АДРЕСА ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ: АЛМА-АТА, НКАО, ЭСТОНИЯ, АЗЕРБАЙДЖАН, АРМЕНИЯ...

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС, ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОЕКТЫ В НОВОЙ РУБРИКЕ «СОБЕСЕДНИКА».

В конце ноября — начале декабря 1988 года столица советского Азербайджана жила небывалой, беспокойной жизнью. Особое положение, комендантский час, патрули, танки на городских улицах сочетались с многотысячными митингами и демонстрациями, призывы к справедливости и здравомыслию — с поджогами и налетами на квартиры, известное на весь мир бакинское гостеприимство — с откровенной враждой ко многим из тех, кто родился и вырос в городе на Апшероне. Забастовка, голодовка, беженцы, экстремисты — тревожные слова из Бакинского словаря тех дней. Историки, социологи, политики, вероятно, долго будут спорить и размышлять над тем, как забытые, казалось бы, идеи межнациональной розни стали вдруг ощутимой материальной силой и наложили заметный отпечаток на жизнь Армении и Азербайджана конца 1988 года. Дать универсальный ответ на этот вопрос сложно. Но несомненно, что и для анализа, и для решения проблемы необходим правдивый, честный непредвзятый взгляд на любые события.

18 ДНЕЙ ПЛОЩАДИ ЛЕНИНА

17 ноября 1988 года на центральной бакинской площади Ленина, перед огромным Домом правительства, начался митинг. Он продолжался почти три недели, до ночи с 4 на 5 декабря. 24 ноября в городе ввели особое положение и комендантский час, площадь оцепили войс-

ка, боевые и пожарные машины подкатывали к ней и отъезжали обратно, «митингантам» (новое бакинское словечко) предлагали разойтись, чтобы законы особого положения, запрещающие митинги и демонстрации, не пришлось претворять в жизнь силой... А митинг не угасал, на площади собирались днем до полумиллиона человек, а тысячи самых упорных оставались на ней ночью. Соседний Приморский парк, по которому так любят гулять туристы, покрылся бесконечной чередой полотняных палаток, задымили трубы самодельных печей, а огромное асфальтное пространство площади Ленина до сих пор рябит крупными темными оспинами — от костров.

Чего же хотели «митинганты»? В одном из обращений участников митинга их позиция выражена предельно ясно и четко: «Идет фактически аннексия неотъемлемой части Азербайджана — НКАО...»

Азербайджанский народ в знак протеста против бездействия руководства начал с 17 ноября круглосуточные митинги и демонстрации в Баку...»

Последней каплей, после которой поток народного возмущения захлестнул площадь, были сообщения Азербайджанской и бакинских газет: «В местности Топхана близ Шуши (в НКАО — К. М.) в экологически чистой зоне, известной как историческая достопримечательность, кооператорами из Армении вырубается деревья ценных и редких пород», задумано «строительство филиала Канакерского алюминиевого завода» — без санкции республиканских органов.

Площадь бурлила. Внимала речам ораторов. Скандировала: «Ка-ра-бах!», «Азер-бай-джан!» Пела национальные песни. Она ждала решений, не верила военному коменданту особого района города Баку Михаилу Тягунову, сообщившему о прекращении злополучного строительства в Топхане. 3 декабря, уже в середине третьей недели митинга, с трибуны у Дома правительства писатель Сабир Рустамханлы убеждал собравшихся: «Наши требования выполнены, надо разойтись, дать правительству время». Но выступает 26-летний рабочий, неформальный лидер митинга Неймат Панахов: «Если мы уйдем, площадь займут войска, и все кончится. Нельзя расходиться!» Площадь блокировали. На площадь пропускали по паспорту и тщательно обыскивали. Была

специальная проверка — «оружия и взрывоопасных предметов не обнаружено». Еду и дрова проносить все же ухитрялись. Площадь «держалась».

Утро 4 декабря. На углу, возле гостиницы «Апшерон», группа людей окружила молодого майора. Прислушиваюсь к диалогу. Майор: «Нельзя говорить о народах: один лучше, другой хуже. А мне женщина русская рассказывала: идет автобус в Баку, азербайджанцы останавливают, ищут армян. Или видели мы, как соседи выселяют из дома армянку, — как это понять?!»

— И правильно! А почему наших там выселяют и бьют? И мы будем! Майор: — «А зачем на площади сидите? Ваши требования известны, вопросы решаются».

Кто-то согласен, кто-то разочарованно машет рукой. Расходятся. Но не верят. Митинг будет продолжен. И, думал я, почему же майор (поколебавшись, он потом представился мне: Зайцев) здесь один? Где же она, могучая армия партийных и комсомольских политпропагандистов? Первые дни на митинге выступали работники ЦК КП, депутаты Верховного Совета Азербайджанской ССР. «Не убедили», митинг не разошелся. «Роль комсомола? — переспросил меня потом А. Ф. Дашдамиров, заведующий отделом ЦК КП Азербайджана. — Беспомощность, слабое влияние на молодежь...» В последние дни митинга диалог военных и гражданских властей Баку с площадью Ленина был удручающе однообразен:

— Особое положение, митинги запрещены, разойдитесь, иначе будет применена сила...

Итак, последнее утро.

— Вы журналист? Возьмите, пожалуйста, у меня интервью! Расим Шихи-заде, преподаватель математики СПТУ-86. Почему я здесь? Да разве только я? Мы все возмущены: нарушается суверенитет нашей республики. Дело не только в Карабахе. Мы живем в Азербайджане — руководители всех уровней должны знать азербайджанский язык, не захотят учить — пусть уходят. А образование? Мне, учителю, лучше знать, как учить азербайджанцев математике; почему учебники для наших детей утверждают в Москве?

Огромный стенд с лозунгами: «Вернуть Кировабаду имя Низами Гянджеви!», «Восстановить Советскую власть в НКАО!», «Освободить азербайджанскую землю от экстремистов и армян!» На другой стороне

площади, над трибуной, красовался портрет Ахмета Ахмедова, приговоренного к высшей мере наказания за зверства в Сумганте. Если вспомнить, что в первые дни митинга площадь Ленина видела и зеленые исламские флаги, и портреты аятоллы Хомейни, можно понять, сколь разные люди на ней собирались. Что их объединяло? Мне кажется, именно площадь — с трибуной и микрофоном. Другими словами, Гайд-парк, хотя бы и в тройном оцеплении внутренних войск.

Через неделю 17 ноября родился «Нумайши комитэси» — «Комитет митинга». Объединились в нем самые активные участники событий на площади. Руководил работой, то есть связями с прессой, организацией питания и порядка на площади «президиум», человек двадцать пять. Проверив еще раз документы, меня пропустили в штаб-комитета. Моих собеседников — членов «президиума» — нельзя было заподозрить в экстремизме. Айдык Мамедов, заместитель главного редактора журнала «Советская тюркология», Иса Камбаров, сотрудник Института востоковедения АН АзССР, Исмаил Таригпсийма, доцент юрфака Азербайджанского госуниверситета, Наджаф Наджафов, в тот день редактор (ныне бывший) органа ЦК азербайджанского комсомола — «Молодежь Азербайджана».

Антиармянских лозунгов мы не поддерживаем, говорили они, армянский народ обманут сам, и нужно четко отделить его от армянских экстремистов. НКАО нужно ликвидировать, потому что автономия не оправдывает себя: вместо нормализации межнациональных отношений служит постоянным поводом для раздоров. Азербайджанских беженцев из Армении нужно размещать в НКАО — тамошний климат соответствует условиям их бывшей родины; к тому же, чем больше азербайджанцев поселится в Нагорном Карабахе, тем труднее будет проходить в жизнь «автономная» политика.

Все эти аргументы, которые повторяли в те дни и бакинские газеты, были безукоризненны в той системе отсчета, где центр — площадь Ленина в Баку. Что подумают, что сделают армяне Нагорного Карабаха, прослышав, что в Баку хотят ликвидировать их автономию и искусственно заселить область азербайджанцами, — это вне системы, их не нужно и спрашивать.

«Последнего и решительного» ответа на все требования ждала площадь Ленина. Неймат Панахов выглядел к вечеру усталым, не раз произносил страстные речи, но говорил убежденно:

— Это очень важно — официальный ответ. Понимаю, что не все наши требования можно выполнить сразу, но гарантию мы должны получить.

— Если ваши требования удовлетворят, а армяне Нагорного Карабаха станут протестовать против ликвидации своей автономии — что делать?

— Карабах — азербайджанская земля. Их долг — подчиниться. Не понимаю, почему их не наказывают сейчас за нарушение Конституции Азербайджана, за неподчинение республике?

«Их долг — подчиниться...» Сломить сопротивление армян. Надавить на правительство. И здесь, будем откровенны, Панахов выражал и волю, и образ мыслей тысяч людей, собиравшихся на площади Ленина, искренне веривших в «образ врага», живущего в соседней республике.

Наступала ночь. Заканчивались 18 дней площади Ленина. Она призывала к диалогу — и требовала, не желая уступать. Требовали и от нее — разойтись, соблюдая законы особого положения. Диалог из взаимных требований, увы, не получается.

Митинг закончился внезапно. В ночь с 4 на 5 декабря площадь была «очищена». «Митинганты» не хотели уходить, в ход пошли дубинки. Военная техника и слезоточивый газ, к счастью, не понадобились. Площадь замолчала. Всколыхнулся город. Утро 5 декабря. 14 тысяч 800 бакинцев не вышли на работу. Демонстрация, скандируя «Тя-гиль! Тя-гиль!» (забастовка), движется, сворачивая с проспекта Кирова на улицу Низами. Идет, минуя армянскую церковь, наглухо закрытую вторую неделю, на улицу Гаджиева, к зданию МВД. Короткий митинг на маленькой площади. Звон разбитого стекла. Группа людей бросается к дверям. Не поддаются. Горящие глаза, отчаянная решимость. Проезжает туристский «Икарус» — осенью 1988 года они возят солдат. В стекла автобуса летят камни. Второй автобус, третий. Толпа уходит митинговать в другое место.

В Бакинском ГУВД раздается звонок: кто-то спрашивает, правда ли, что опрокинут памятник Шаумяну.

А в городе уже слышится стрельба. Одиночные редкие выстрелы, затем — чаще и чаще — автоматные очереди.

«Очаг напряженности» ликвидировали — она наполнила город.

ТАЙНА ТОПХАНЫ

О строительстве под Шушой бакинцы узнали из газет. «Злостная провокация» («Спорт», 2 декабря), «Гнусная выходка армянских националистов-дашнаков» («Молодежь Азербайджана», 3 декабря) — вот оценка бакинской прессы. До ноября 1988 года Топхана не значилась в списках памятников природы, истории и культуры Азербайджана, 20 ноября «Бакинский рабочий» поместил статью «Топхана — историческая память народа», и не раз я слышал в Баку, что Топхана для азербайджанца то же, что Куликово или Бородинское поле для русского.

Понятно возмущение народа, на чьи святыни посягают. К сожалению, в том, о чем писали азербайджанские газеты, чем возмущались на митингах в Баку, была очень малая доля правды. А именно: Нагорно-Карабахский облисполком, приняв решение об отводе участка под строительство, просил Совет Министров Азербайджанской ССР утвердить его, но распорядился приступить к строительству немедленно. Конечно, облисполкому нужно было очень хорошо подумать, стоит ли в такой напряженный момент начинать и форсировать строительство напротив населенной азербайджанцами Шуши, не разгорятся ли сильнее межнациональные страсти. Но решение, вызвавшее в республике бурный протест, состоялось.

Все остальное, мягко говоря, не соответствует истине. В Топхану выезжали эксперты Госкомприроды и Госстроя СССР, и из их заключения можно узнать, что отведенный под строительство участок — не заповедный лес, а «закустаренный выгон», что строится на нем жилой пансионат завода, а филиал его — «экологически чистое механическое производство» — хотели возвести совсем в другом месте, что даже единственное дерево на выгоне при подготовке к строительству не тронуто. Работали эксперты вместе с представителями заинтересо-

ванных азербайджанских организаций. Заключение их датировано 25 ноября. Как понимать после этого слова о «злостных провокациях» и победные реляции «строительство в Топхане остановлено!» на страницах азербайджанских газет?

ДОПОЛНЕНИЕ К УЧЕБНИКУ ПО СОВЕТСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

«Иначе как политической слепотой,—говорил 1 декабря на внеочередной сессии Верховного Совета СССР представитель ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР в НКАО А. И. Вольский,—нельзя назвать деятельность и бакинского телевидения... Сплошным потоком льются с экрана угрозы, оскорбления в адрес армян».

Пресса, увы, не отставала от телевидения. НКАО стала мишенью для всевозможных нападок. Руководство области, например, «Погосян и его компания» («Спорт», 2 декабря). Номер «Молодежи Азербайджана» от 3 декабря походил на массированный залп: кроме упомянутой «гноусной выходки дашнаков», читатели внимали статье юриста Л. Гусейнова, для которого вопрос «нужна ли нам такая автономия?», «предоставленная азербайджанским народом на его исконных землях»,—«представляется закрытым», а «требование о лишении НКАО статуса автономии является справедливым и правомерным». На следующей странице сотрудники кафедры «политэкономии Азербайджанского госуниверситета призвали размещать беженцев из Армении «только и только в НКАО» — полностью искоренить очаг инфекции национализма в Степанакерте».

В других публикациях Нагорный Карабах выглядел своеобразным козлом отпущения, на которого можно легко валить любые проблемы. «Пионер Азербайджана» 7 декабря сообщил, что в плане одной из школьных пионерских дружин Баку всего два мероприятия по интернациональному воспитанию. «Старшая пионервожатая Судаба Акперова объяснила этот застой (если это можно так назвать) событиями в Нагорном Карабахе и вокруг него», — невозмутимо пишет корреспондент Г. Рагимов. А вот интервью игроков вылетевшего в том году

из высшей лиги бакинского «Нефтчи» («Спорт», 2 декабря). Монолог мастера спорта А. Абдуллаева: «Не снимая с себя ответственности за слабое выступление нашей команды в прошедшем сезоне, замечу, что события в НКАО и вокруг нее в самом прямом смысле отразились на качестве нашей игры». Смешно? Когда бы не было так грустно... 5 декабря бюро ЦК КП Азербайджана рассмотрело вопрос о работе средств массовой информации республики. «За публикацию политически незрелых материалов, тенденциозное освещение событий, извращение принципов гласности и демократизации редактору газеты «Молодежь Азербайджана» Н. Наджафову объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку, и он снят с занимаемой должности», «Строгий выговор с занесением в учетную карточку объявлен редактору газеты «Азербайджан пионери» А. Балаеву за публикацию материалов, наносящих вред политическому воспитанию подрастающего поколения», «Партийные взыскания получили также председатель Гостелерадио республики Э. Кулиев, его заместители Ф. Таривердиев и А. Бабаев». Жаль, что не появилась такая оценка хотя бы неделей раньше...

Любой журналист еще со школьной скамьи помнит слова Ленина: газета — не только коллективный пропагандист и агитатор, но и коллективный организатор. Учебники по журналистике подтверждают этот афоризм примерами нужных и важных дел, которые начинали журналисты. Бакинские средства массовой информации рубежа ноября—декабря 1988 года, к сожалению, могут войти в историю советской журналистики с примерами обратного свойства.

ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ

6 декабря 1988 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О недопустимых действиях отдельных должностных лиц местных органов Азербайджанской ССР и Армянской ССР, вынуждающих граждан покидать постоянные места проживания». Беженцы! Забытое, казалось, понятие стало повседневной реальностью Азербайджана и Армении. В декабре их было 119094 — азербайджанцев, покинувших свои

дома в Армении. Число армян, выехавших с начала событий в НКАО из Азербайджана — 89641. На поездах, самолетах, военных вертолетах, автобусах, лошадях и просто пешком добирались азербайджанцы до родной республики. Не Топхана, не Нагорный Карабах — именно их рассказы не давали угаснуть гневу и возмущению собиравшихся на площади.

Музафар Намазов, село Шахарджик, Кафанский район Армении: «Ночью армяне — на машинах, с ружьями — ворвались в село, окружили дома: убирайтесь! Многие уходили босые, чуть не голые, бросив имущество...»

Абир Мурадов, 96-летний старик из села Геги того же Кафанского района, плачет, вспоминая, как вели его под руки из родного дома — пешком, через горный перевал, пока не подобрал его семью автобус...

Их сотни, таких людей, в Баку, в 41 районе Азербайджана, где размещены сейчас беженцы. Сотни похожих рассказов — о покинутых и разграбленных домах, о пешеходных переходах через заснеженные перевалы, об угрозах и поджогах.

Особое положение, введенное в те дни в 17 районах Армении со смешанным населением, было вынужденной крайней мерой — оперативные сводки вызвали в памяти образы партизанской войны: «01. 12. 88 около 03.00 часов колонна из военных грузовиков и личных автомашин, следовавшая из Степанаванского района Армянской ССР... была обстрелена из охотничьих ружей и забросана камнями...» А там, где граница Азербайджана и Армении пересекает шоссе Казах—Иджеван, «встречных» беженцев обменивали, как военнопленных, — «один в один».

Действие рождает противодействие.

— Как живем? — переспросил 50-летний бакинец Роберт Давидян. — Вот так! — и показал на упакованные тюки, громоздившиеся на диване в его небольшой квартире.

— Каждый день звонят по телефону, спрашивают, «Вы еще не уехали?» Дочку уже отправил, сына из дому не выпускаю. Вообще мы стараемся на улицу не выходить. Мой отец, ему 78 лет, пошел в булочную за хлебом. «Идти отсюда, армянин», — сказали ему...

Я видел список бакинских предприятий, где прошли в те дни массовые увольнения армян: ПО «Баккондиционер» — 150 человек, объединение «Азербэлектротерм» — 60, ГПИ «Азгоспроект» — 50—60, реставрационное управление «Барпачи» — 40... Читал сообщение военного коменданта особого района Баку: комендантским патрулем задержаны «граждане Исмаилов Д. Г., Исмаилова Н. В., Алиев В. Н. за самовольное выселение армян и попытку заселить их квартиру беженцами-азербайджанцами».

В конце декабря на встрече жителей НКАО с Андреем Сахаровым академик произнес горькие, но справедливые слова: «И армянскому, и азербайджанскому народам в этих событиях не удалось удержаться на нравственной высоте».

Что происходит, почему Армении и Азербайджан захлестнула цепная реакция насилия? Ответ мы уже слышали на площади Ленина: ведь наших бьют! Но почему, почему за события в Сумгаите в ответе 96-летний азербайджанский старик, а в его мытарствах повинна бакинская семья Давидянов, почему кавказские дороги заполнили встречные потоки беженцев?

Потому что одни — армяне, а другие — азербайджанцы? Потому, что «наше дело правое», как писали бакинские газеты, и «начали не мы»? Спор о том, «кто начал», бесконечный, аргументы в нем — и последние два месяца, и Сумгаит, и февраль 1988-го в НКАО, и массовая высылка азербайджанцев из Армении после войны, и документы прошлого века, и все прочие обиды и инциденты, случившиеся за последнюю тысячу лет. И спор этот — бесчеловечный, когда льется кровь, когда горят дома...

В Агдаме мне показали «Аллею Мудрости» — ряды деревьев и изречения мыслителей на аккуратных стенах: Аристотель, Платон, Ленин, Маркс... Аллея была пуста, лишь у входа грелся у маленького костра солдат с автоматом.

СТЕПАНАКЕРТ: КАКИМ БУДЕТ ВЫБОР?

Дорогу между Агдамом и Степанакертом на полпути пересекает крепостная стена Аскерана. Разрыв сте-

ны заполняют ныне бронетранспортеры. Автономная область напоминает настороженную крепость.

6 декабря 10 степанакертских предприятий не работали, остальные, в основном жизнеобеспечения и сферы обслуживания, работали не полностью. Газета «Советский Карабах», обращаясь к жителям области («Дорогие арцахцы!»), призывала прекратить забастовку — «этого требует решение основной нашей задачи — вывод Нагорного Карабаха из состава Азербайджанской ССР». «НКАО не подчиняется. Степанакерт оборвал все связи с Баку», — не раз слышал я в столице республики. Это правда, в последовательности действий карабахцам отказать нельзя. Область прекратила поставки в республиканские фонды, еще летом сессия облсовета народных депутатов объявила о выходе НКАО из АзССР, а прошедшие недавно пленумы областных комитетов партии и комсомола приняли решение выйти из соответствующих республиканских организаций.

Последний пленум, неуклонно проведенный в разгар событий, конечно, в очередной раз подлил масла в огонь.

— НКАО саботирует, — убежден член коллегии Госплана АзССР Магерен Мамедов. — Более того, облиполком сознательно препятствует выполнению постановления ЦК КП и Совета Министров Азербайджанской ССР о мерах по ускорению социально-экономического развития НКАО — не допускает в область наших строителей, тянет с отводом земельных участков.

Перед Новым годом прилавки магазинов Степанакерта были пусты, а на азербайджанских складах лежали товары для НКАО. Автономная область отказалась их принять. Нетрудно понять, что такое «самоопределение», если довести его до логического конца и отказаться, например, от азербайджанского газа и электричества, равносильно в данный момент экономическому самоубийству НКАО. Захотят ли жители Карабаха так «страдать за идею»? В Степанакерте позицию НКАО называют самоопределением, а в Баку — самоуправством. Это «само...» — политическая реальность конфликтного Закавказья наших дней.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПРИЧИНЫ И ЦЕЛИ

5 декабря на собрании актива общественности республики первый секретарь ЦК КП Азербайджана А. Х. Везиров ответил на вопрос, почему «именно в настоящее время события вновь достигли кульминации», так: «Прозвучавший в последнее время открытый призыв к партийной организации республики, к трудящимся, всему народу Азербайджана повести решительную борьбу с коррумпированными кланами, засоренностью кадров, а также намечаемые меры по социальному ускорению республики вызвали крайне негативную реакцию противников перестройки».

По сообщению Прокуратуры СССР («Правда», 26 декабря 1988 года), новая вспышка действий экстремистов и хулиганствующих элементов в Азербайджане и Армении прихлала на период работы в обеих республиках специальных групп следователей, нащупавших нити к мозговому центру мафии.

Как говорил на том же совещании А. Х. Везиров, установлены преступные связи карабахской коррупции с «дельцами теневой экономики в Баку».

И все же... Снова и снова вспоминаю сотни тысяч людей на площади Ленина. «Никакие экстремисты, — говорил мне А. Ф. Дашдамиров, — не оторвут рабочего от станка, если не задеть его за живое. Я ходил по площади, разговаривал с людьми, пытался понять, почему они вышли на митинг, чем недовольны. И, как скорлупки, отваливались наносные мотивы: Карабах, Топхана; оставались, например, цены на базаре».

В Баку — миллион триста тысяч квадратных метров «самоотроя». Двадцать шесть тысяч семей по сорок-пятьдесят лет живут в домах из ящиков, случайных кирпичей и консервных банок. О Карабахе ли думали они, приходя митинговать на фешенебельную площадь Ленина?

Вот за это «живое» — за недовольство условиями своей жизни — чрезвычайно легко задевают любые события.

Да разве лозунги и речи были беженцам нужны? Или забастовки? С 21 ноября по 2 декабря республика недодала продукции на 115 миллионов рублей. На эти деньги, сообщил Азеринформ, можно было построить

520 тысяч квадратных метров жилья. Но площадь — впервые за многие и многие годы! — манила прелестями «непосредственной демократии». Но демократия ли виновата, что в конце XX века в Армении и Азербайджане, в республиках с большой историей и развитой культурой, потребовались особое положение и комендантский час, военные комендатуры в исполкомах, аэропортах, на вокзалах, телефонных станциях, почтамтах, министерствах для того, чтобы соблюдались конституционные права граждан и поддерживался элементарный порядок? Нет, беда наша в том, что и в демократические формы умудряемся мы вложить авторитарное содержание — вспомним, что обращения площади Ленина и к властям, и к НКАО скорее напоминали ультиматумы... «Наша земля!» — говорили в Степанакерте и Баку, и аргументами в этом страшном нелепом споре были у кого слова, а у кого и пули.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ 1989 ГОДА И НА ПЕРИОД ДО...

«Когда же все это кончится?» — не раз слышал я в Баку. После землетрясения в Армении в бакинских газетах появились соболезнования. Уже 9 декабря Азербайджанское общество Красного Полумесяца передало для помощи пострадавшим 20 тысяч рублей, на 38 тысяч отправили в Армению одежды, предметов первой необходимости.

Неужели только страшное бедствие может притушить вражду? И надолго ли?

— Альтернативы нет — мы должны взять курс на межнациональное примирение, — убежден А. Ф. Дашдамиров. — Азербайджанцев и армян многое разделяет — традиции, язык, религия, обиды прошлого. Но веками выработывались и механизмы, которые позволяли ломать барьеры: двуязычие, смешанные браки, обычай «кирвэ» — «межнациональные крестины». Нужно дать людям успокоиться, не выяснять, кто первый начал, а сосредоточиться на том, что сближает. В Баку есть уже попытки создать комитеты национального примирения.

... Если бы обладал журналист хоть малой толикой административной власти, я непременно убрал бы все

до сих пор «украшающие» Баку красочные панно и плакаты об интернационализме. После недавних событий они могут показаться насмешкой. Произносить слова легко. Просто жить в мире, не прибегая к высоким словам, труднее. Остановиться, оглянуться — еще возможно. Упустить этот шанс — нельзя.

КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВ
наш спецкор.

Баку—Агдам—Степанакерт

«Собеседник» № 3, январь 1989

ПОСЛЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ

У нас нет никаких оснований думать, что кто-либо из членов высшего советского руководства был обрадован трагедией, обрушившейся на армянский народ 7 декабря. Их чисто человеческое сочувствие и скорбь несомненны. Но как реально мыслящие политики они не могли не понимать, что судьба преподнесла им подарок, и они сумели им воспользоваться наилучшим образом.

По свежим следам Чернобыля, в № 5 за 1986 г., наш журнал писал: «М. Горбачев мог бы превратить Чернобыль в свою победу, победу государственного руководителя... Он мог лично приехать в Чернобыль и возглавить спасательные работы... Мог объявить траур... Мог широко открыть двери для иностранных наблюдателей, призвать иностранных специалистов-добровольцев, принять предложенную помощь и запросить еще (и он бы ее получил!). Популярность и уважение, которые бы он снискал, работали бы на него еще многие годы».

Все это и было — к счастью — сделано после армянской катастрофы. И если потом значительная часть помощи не дошла до тех, кто в ней нуждался, то винить в этом нужно не М. Горбачева, а систему, которую он явно хочет, но пока не может преодолеть.

Вторая политическая победа, которой добился М. Горбачев, достигнута отнюдь не по рецептам нашего журнала. Правда, победа эта — пиррова и едва ли она окажется долговечной. Речь идет о разгроме кара-

бахского движения. В тени трагедии, когда внимание всего мира — да и самой Армении — было отвлечено на спасательные работы в Спитаке и Ленинакане, в условиях военного положения, когда танки и БТРы прекратили любые попытки выражения народного мнения, власти обезглавили карабахское движение, арестовав всех его руководителей — комитет «Карабах» и других активистов движения.

Уже во время своего пребывания в Армении М. Горбачев обрушился на «бородачей», смеющих «в такое время» думать и говорить о проблеме НКАО. В его голосе звучал и металл, и неприкрытые угрозы. А затем угрозы воплотились в действия: по приказу коменданта Еревана генерал-лейтенанта А. Макашова в помещении Союза писателей Армении были задержаны собравшиеся на заседание члены комитета «Карабах»: Левон Тер-Петросян, Вазген Манукян, Алексан Акопян, Самвел Геворкян и Бабкен Араркцян. Вместе с ними был арестован и член комитета Ашот Манучарян, но после того, как выяснилось, что А. Манучарян обладает депутатской неприкосновенностью (он — член Верховного Совета республики), его отпустили. Все задержанные в соответствии с указом о военном положении были арестованы на 30 суток.

А затем началась настоящая охота на остальных членов комитета «Карабах» и других активистов движения. 12 декабря взяли Хачика Стамболцяна, руководителя фонда «Милосердие», тесно связанного с комитетом, и, как и А. Манучарян, — депутата Верховного Совета. К тому времени Президиум Верховного Совета республики уже дал «добро» на арест своих депутатов.

26 декабря арестовали «комитетчиков» — Ваника Сирадегяна и Самсона Казаряна. 7 января разыскали последних: Ашота Манучаряна (на сей раз уже окончательно), Амбарцума Галстяна, Рафаэля Казаряна и Давида Варданяна. А когда 9 января, по истечении 30 суток административного ареста, родственники тех, кого взяли еще в декабре, явились за своими близкими, выяснилось, что освобождены они не будут. Всему составу «Карабаха» и Хачику Стамболцяну предъявлены три обвинения: в «организации массовых действий, нарушающих общественный порядок», в нарушении указа

за о порядке проведения митингов и демонстраций, в «разжигании национальной розни».

На следующий день тюрьму в ереванском районе Советашен, где содержались арестованные, окружили танки и БТРы, дороги, ведущие к тюрьме, были перекрыты войсками. С этими предосторожностями комитет «Карабах» был вывезен из тюрьмы в аэропорт и доставлен в Москву. Там арестованных поделили между «Бутырками» и «Матросской тишиной». Следствие по их делу ведет объединенная следственная группа КГБ и Прокуратуры СССР.

В освещении арестов руководителей народного движения гласность дала сбой. Газеты лишь продолжают шуметь о какой-то «коррупцированной мафии», разжигшей карабахский конфликт, намекая, что члены комитета «Карабах» и есть эта мафия, источник всех зол. Есть поэтому смысл подробнее познакомить читателей нашего журнала с этими людьми.

Ваник Сирадегян, 42-х лет, член Союза писателей, автор нескольких сборников рассказов. В 1982 г. получил премию журнала «Дружба народов» за лучший рассказ. Его произведения переведены, кроме языков народов СССР, также на испанский, болгарский и чешский.

Рафаэль Казарян, 65 лет, член-корреспондент АН АрмССР, заведующий отделом Института квантовой физики. Ветеран Отечественной войны. Под его руководством создана одна из первых в мире лазерных многоканальных телефонных линий: линия Ереван—Бюракан.

Левон Тер-Петросян, 43-х лет, доктор филологических наук. Научный сотрудник, а затем ученый секретарь всемирно известного Матенадарана — хранилища древних рукописей, ответственный секретарь альманаха «Вестник Матенадарана». Автор четырех монографий и 60 литературно-филологических статей.

Самвел Геворкян, 39 лет, член Союза журналистов. Работал зав. отделом в газете «Аштарак», а затем 15 лет — в должности зав. отделом Гостелерадио Армении, популярный радиокомментатор.

Вазген Манукян, 42-х лет, кандидат физико-математических наук. Сотрудник кафедры численных методов анализа механико-математического факультета Ереванского университета.

Давид Варданян, 38 лет, кандидат физико-математических наук, научный сотрудник лаборатории кафедры физики твердого тела Ереванского университета.

Амбарцум Галстян, 32-х лет, кандидат исторических наук, зам. директора по научной части музея этнографии Армении.

Бабкен Аракцян, 44-х лет, кандидат физико-математических наук, доцент. Работал в АН Армении. Заведующий кафедрой Ереванского университета.

Алексан Акопян, 33-х лет, кандидат исторических наук. Автор более 30 научных работ, сотрудник Института востоковедения АН Армянской ССР.

Самсон Казарян, 35 лет, преподаватель истории средней школы. Сотрудничал в газете «Авангард».

Следующие два человека — еще один член комитета «Карабах» и руководитель фонда «Милосердие» — всего за несколько недель до своего ареста были избраны депутатами Верховного Совета АрмССР (думается, избрали их за то же, за что и арестовали, только избрал народ, а арестовали власти). Это:

Ашот Манучарян, 34, выпускник физического факультета Ереванского университета. Был секретарем комсомольской организации университета. Завуч средней школы.

Хачик Стамболцян, 48 лет, научный сотрудник Института экспериментальной биологии АН АрмССР.

Такие вот «мафиози», воротилы «коррупцированных кланов». Обвиняемые в преступлениях, по самой природе которых необходимы допросы тысяч свидетелей, они содержатся под следствием в тысячах километров от места их совершения. Интересно, — почему, с какой целью?

С какой целью содержится в московских Бутырках, а не дома — в Степанакерте — еще один «коррупцированный воротила» — председатель Совета директоров Нагорного Карабаха Аркадий Манучаров?

Инженер-строитель А. Манучаров, 57 лет, участвует в карабахском движении с начала 60-х годов. В 1965 г. его вынудили покинуть Степанакерт, куда он вернулся только в 1977 г. А. Манучаров — директор Степанакертского комбината стройматериалов, с февраля прошлого года возглавил комитет «Крунк» («Журавль», символ тоски по родине), местный аналог армянского комитета

«Карабах». Когда «Крунк» был запрещен, руководители местных предприятий Степанакерта объединились в Совет, избрав А. Манучарова своим председателем.

Приехавшая из Баку комиссия по проверке деятельности А. Манучарова начала с... обмеров могильных плит на степанакертском кладбище (можно себе представить, каково было отношение армян-христиан к подобной деятельности мусульман — членов комиссии). Работа даром не прошла: обнаружено «недовложение» камня в могильные плиты, а значит — хищение. Именно это и продолжает повторять (когда вспоминает о нем) советская пресса: А. Манучаров арестован не «за политику», а «за воровство».

Трудно, конечно, судить, что конкретно стоит за подобными обвинениями. Однако кто же в Советском Союзе не знает, что при советском способе хозяйствования завтра же можно посадить буквально любого руководителя хозяйственного предприятия. Нужно только желание. Но вот что приходит на ум: можно представить себе, каким промышленным гигантом является местный комбинат стройматериалов в захолустном Степанакерте! Не зря же этим делом союзного масштаба занимается в Москве объединенная следственная группа КГБ и Прокуратуры СССР! Конечно, политика тут ни при чем!

Вглядываясь в армянскую ситуацию, трудно не заметить поразительных аналогий с другими событиями — 20-летней давности: ввод войск и танков в Прагу для сокрушения «антисоциалистических тенденций», арест народных руководителей и их доставка в Москву, дабы обработать и сломать их! Удастся ли теперь повторить опыт предшественника, не потеряв «перестроечного» лица? Маловероятно. Нельзя перестраивать страну, сидя на штыках. От чего-то придется отступить. Хочется думать — не от перестройки.

Но не только на армянский котел пытаются положить тяжелую крышку. Большую тревогу вызывает и соседний Азербайджан. Казалось бы, народное движение в Азербайджане идет в русле, благоприятном для московского руководства: на митингах в Баку на площади Ленина выступали в поддержку решений Верховного Совета СССР от 18 июля 1988 г. Но дело в том, что одно дело — организованная поддержка и совсем другое — стихийное народное движение, самостоятельность, не-

важно, под какими лозунгами она осуществляется. Вновь возрождается эта «многоголовая гидра» — национальное самосознание, с которой власть совладать не может, а понять не хочет (или тоже — не может?).

Вот почему в тех же Бутырках в Москве рядом с членами комитета «Карабах» находится слесарь бакинского завода им. лейтенанта Шмидта Неймат Ахат оглы Панахов и старший научный сотрудник музея литературы АН Азербайджана Магомед Фарзулла оглы Гатами. Гатами — лицо без гражданства, политический беженец из Ирана.

Когда же наконец история научит, что национальные проблемы силой решить нельзя! Силой их можно только загнать внутрь.

Итак, скоро мы должны стать свидетелями многочисленных политических процессов. На одном из них — процессе комитета «Карабах» — на скамье подсудимых будут сидеть 12 человек. Такого массового политического процесса в Советском Союзе не бывало с конца 30-х годов.

«Страна и Мир», 1989, № 1 (49)

ВОПРОСЫ К КАНДИДАТУ

Этого дня многие ждали долгие годы. Годы, когда академика Сахарова обвиняли во всех возможных и невозможных грехах, годы, когда он жил в ссылке — годы, когда в ссылке были честь и совесть.

Что-то невообразимое творилось в этот день перед московским Домом кино. Наверное, ни один зал столицы не сумел бы вместить всех желающих попасть на собрание, чтобы выразить свое доверие и уважение к А. Д. Сахарову, избрав его своим кандидатом в народные депутаты от национально-территориального избирательного округа 1 РСФСР (в этот округ входит Москва). Очередь в Дом кино растянулась на километры.

Но в зал смогло попасть лишь около тысячи счастливых (как-то непривычно употреблять это слово по отношению к людям, попавшим на собрание избирателей). Сколько смогло уместиться в креслах, на ступенях, в проходах...

Если демократизм может царствовать, то в этом зале было именно так. Все были равны в нем. И, наверное, поэтому несли люди на трибуну и свои мысли о жизни страны, и боль своей жизни.

О чем говорили в тот день? Всего рассказать невозможно. Но, думаю, общий тон разговора будет ясен по тем вопросам к Андрею Дмитриевичу, что отобрали мы для публикации.

— Надо ли привлекать к суду живущих сейчас безбедно медузовых, кунаевых, алиевых?

— Я спросил у одного ответственного работника — есть ли основания привлекать к уголовной ответственности Алиева. Он ответил, что есть. Но будет ли это осуществлено, зависит не от моего собеседника, и, тем более, не от нас.

— Намерены ли Вы в случае избрания добиться политического и профсоюзного плюрализма в СССР?

— Я считаю, что нашей стране исторически предостоят политический и профсоюзный плюрализм. Это необходимо.

Но в какой форме это будет происходить, я сегодня не знаю. Пути покажет история, может быть — ближайшая.

— Расскажите о Вашей поездке в Азербайджан и Армению.

— Подробно рассказывать не могу — это была очень напряженная и драматическая поездка. Мы встречались с беженцами с обеих сторон и видели, что эти люди не хотят ни в коем случае вернуться туда, откуда они были вынуждены уехать. Поэтому я считаю, что преждевременно ставить вопрос о возвращении беженцев. Надо помочь им пережить этот сложный период. Ни в коем случае нельзя оказывать на беженцев давления. Это очень важно, потому что факты такого давления, к сожалению, имеют место.

Мы встречались с интеллигенцией обеих республик, видели, насколько сложны и остры противоречия. Нужна большая работа, много нервов придется потратить, прежде чем положение придет в норму. Эти меры обсуждались, но очень трудно найти линию, которая была

бы приемлема для обеих сторон — взаимные подозрения чрезвычайно сильны.

Я считаю, что исходное требование армянского населения Нагорного Карабаха, которое составляет подавляющее большинство населения этой области, справедливо. Армяне там находились под национальным гнетом. Я считаю, что азербайджанский народ заинтересован в том, чтобы не быть народом-угнетателем — это известно всем. Это нужно прежде всего для самого же народа. Об этом говорили и К. Маркс, и В. И. Ленин, и это, несомненно, так. Я уверен, что ни экономика, ни национальные интересы Азербайджана не пострадают, если удовлетворить требование, о котором я говорил.

То решение, что сейчас принято, представляется мне разумным как временное. Его действительность должна проверяться жизнью. И первым пробным камнем будет такой. В Нагорном Карабахе есть много пустующих домов — около 2 тысяч уже сейчас готовы принять переселенцев и около 10 тысяч смогут это сделать вскоре. Очень важно, чтобы сейчас из Армении, принявшей на себя такой страшный удар, было бы свободное переселение в Нагорный Карабах. Можно было бы переселить 50—100 тысяч человек! Никакое препятствие этому со стороны властей Азербайджанской ССР не оправдано ни в моральном, ни в политическом, ни в каких других смыслах.

Я считаю, что в перспективе в Нагорном Карабахе можно создать множество медицинских учреждений, санаториев общесоюзного значения, санатории для детей, больных астматическими заболеваниями. Можно построить здесь и центр по лечению детей, ставших инвалидами в результате землетрясения. Все это можно сделать. В этом гуманном строительстве будут решены тяжелые межнациональные проблемы.

— Почему Вы не возбуждаете уголовное дело против профессора Яковлева, который в журнале «Смена» оклеветал Вашу жену?

— На самом деле клевета Яковлева опубликована в книге «ЦРУ против СССР», в журналах «Смена» и «Человек и закон» общим тиражом 11—12 млн. экземпляров.

Моя жена подала аргументированную жалобу в суд.

Я тоже написал разъяснения по тем пунктам, что относятся ко мне. Это заявление судом принято не было. Причем судья сказал, что не имеет возможности принять заявление по полученным им указаниям. Это было в 1983 году, после этого мы заявлений в суд не подавали.

— Пункт Вашей программы, где говорится об отмене паспортной системы и о свободе передвижений, противоречит пункту о поддержке народных фронтов Прибалтики. Ведь Народный Фронт Эстонии принял решение об ограничении миграции.

— У меня нет формального противоречия, поскольку я говорю о поддержке принципов народных фронтов. Данный же вопрос носит частный характер и должен решаться в частном порядке.

— Намерены ли вы добиваться привлечения к юридической ответственности лиц, преследовавших инакомыслящих в застойные годы?

— Это очень сложный вопрос. Я считаю, что главное — не привлечение к ответственности, а конструктивная деятельность, направленная в будущее.

— В своей статье в книге «Иного не дано» Вы предполагаете поселить крымских татар в определенных местностях в Крыму. Это что — создание резерваций?

— Нет. Я только имел в виду, что, живя на одной территории, им будет легче создать национальный округ.

«Советский цирк» № 8 (208)
18 февраля

ПЕРВЫЙ ВОПРОС — НУ, КАК ТАМ?

На этот вопрос не раз приходилось отвечать после возвращения домой. Просмотрела центральные и местные газеты, в которых рассказывается о Нагорном Карабахе, особенно о столице его — Степанакерте. Один из авторов воспеваает альпийские луга весенней порой, другой — подернутую осенней дымкой горную панораму. И правда — красиво. Весна, лето и осень прошлого года были для Степанакерта хоть и горячей, даже кровавой,

но все же порой надежд. И вот — опять весна, но честных, приемлемых для народа решений нет. Народ жаждет одного — освободиться от унижительного положения «колонии в колонии». Но вера в справедливую власть иссякла. Совершенно открыто говорится о возможных вспышках борьбы, внешнее спокойствие в Степанакерте обманчиво. Оно скрывает под собой сильное, тлеющее пламя, грозящее вот-вот вырваться наружу.

В середине февраля в Степанакерте было холоднее, чем у нас. Единственную гостиницу заняли начальники из Москвы и беженцы; в доме политпросвета, в кинотеатре, повсюду в городе — солдаты; в общежитии Политехнического института — беженцы. Всего их в городе около десяти тысяч. Беженцы из Баку и Сумгаита — «летние» и «весенние». У этих хоть есть кое-какое имущество, а у «осенних» нет ничего, большинство из них в одной рубашке были изгнаны из своих сельских домов, с возделываемой годами земли. Это армяне из азербайджанских селений. А рядом, десятью километрами глубже в горы, в городе Шуше — такие же беженцы-азербайджанцы, изгнанные из Степанакерта и армянских селений. И тут, и там — сожженные, разграбленные дома, униженные, оскорбленные люди. И тут, и там — есть убийцы и есть жертвы.

Поскольку население Степанакерта значительно увеличилось, магазины пусты. 2 килограмма мяса и 700 граммов масла раз в месяц по карточкам получают только работающие. Не хватает медикаментов и мест в больнице и поликлинике. На рынке что-нибудь купить почти невозможно — экономическая блокада со стороны азербайджанских колхозников действует еще с прошлого лета. Можно купить говядину — по семь, восемь рублей за килограмм.

Сумгаитские события, когда азербайджанские националисты прорвали плотину годами скрываемой и разрастающейся розни, привели к тому, что невинных больше нет. Ненависть теперь полыхает с обеих сторон. И, по-моему, ее уже не в состоянии заглушить или хотя бы умерить присутствие солдат и поголовная цензура, наложенная на выходящие в Степанакерте издания. В недрах народных бурлит непримиримый гнев. Азербайджанская сторона демагогически утверждает: мы, азербайджанцы, — советский народ, нового территориально-

го деления не требуем... Армяне поднимают христианские хоругви: мы, христиане, вам, туркам, покажем... Вспоминаю митинг в Баку, когда азербайджанские коммунисты шли за зеленым знаменем Ислама... А в Степанакерте флаг Армянской ССР на своих домах вывешивают лишь очень смелые люди.

В Степанакерт чужому не пробраться: тех, кто там не прописан или не имеет на то особой необходимости, — не впускают. Местные власти, разумеется, были далеки от мысли, что у нас, сотрудников издания Народного фронта, имеется такая особая необходимость попасть в город. Нам просто невероятно повезло. До Тбилиси летели самолетом, затем — поездом до Евлаха, а дальше — на двух автобусах местного сообщения. Непосредственно в Степанакерт автобусы не ходили, и мы сели в другой, довезший нас до азербайджанской Шуши. Хоть документы в автобусе проверяли, даже дважды, нам никто не препятствовал, ведь мы ехали в азербайджанский город. Когда автобус огибал подножье горы, на вершине которой виднелся Степанакерт, мы вышли и направились в город пешком, по дороге, на которой не было ни армейских постов, ни танков. Но уже очень скоро в городе стало известно о нашем прибытии. нас начали задерживать армейские патрули, часто проверяли документы, вертели в руках наши желтые пропуска в Дом печати — никаких других документов, свидетельствующих о нашей принадлежности к прессе, у нас не было.

Но нам опять повезло. Здание бывшего обкома партии охраняется особо, в нем ведь разместился Особый комитет. На третьем этаже — рабочий кабинет Аркадия Вольского, который теперь сидит в кресле бывшего первого секретаря Генриха Погосяна. У входа в здание мы встретили Погосяна. Представились как латвийские журналисты, и он провел нас в тщательно охраняемое здание. Побеседовали с ним. Затем намекнули, что хотели бы встретиться с Вольским. Поскольку теперь уже нас опекал Погосян, это удалось сделать.

Беседа с Аркадием Вольским была непродолжительной. Он оставил впечатление умного, хитрого, наделенного большой властью руководителя. Несомненно, привлекательный человек. Интересовался нашим Народным фронтом. положением в Риге, однако наших вопросов

старался избегать, как бы откладывая их на потом. Добавил, что положение в Степанакерте не следовало бы драматизировать, что в публикациях не следовало бы упоминать танки, а только моторизованные отряды. Но тут он вдруг разоткровенничался и признал, что не так уж спокойно в Карабахе — прошлой ночью, несмотря на комендантский час, опять убиты два человека.

Да, военные патрули в Степанакерте на каждом шагу. В большинстве — русские, белорусы, представители мусульманских народов Средней Азии. Об участии в событиях латышей свидетельствовала надпись на гербе Латвийской ССР (там размещены все пятнадцать): Да здравствует Латвия! На других гербах подобных надписей не было; надо полагать, что наши твердо придерживаются своих убеждений и вдали от родины.

У одного из солдат спросила разрешения пощупать его бронежилет. Тяжелый. Солдат в нем выглядит весьма неуклюжим, но от ножевых ударов он, говорят, предохраняет. У всех солдат в руках дубинки. И ее рассмотрела — раньше не приходилось видеть вблизи. До сих пор эти орудия избения показывали только в фильмах о зверствах западных полицейских. Спросила, кто производит дубинки? Парни с неподдельной гордостью ответили: у нас все отечественное.

О древней истории Карабаха или Арцаха свидетельствуют найденные геологами памятники культуры эпохи неолита. Ученые отличают их схожесть с относящимися к этому периоду находками на Армянском плоскогорье.

В VIII—VII веке до н. э. Арцах входил в королевство Вану. После распада этого государственного образования Арцах входил в состав другого армянского королевства — Эрвандуни. Об Арцахе, как о составной части Большой Армении, писал и Страбон («География»). Со II века до н. э. по V век н. э. Арцах входит в состав централизованного государства, созданного армянским правителем Араншахик.

Когда это государство закончило свое существование, Арцах попадает в подчинение Ирану. В V веке по всей Армении идет активное всенародное движение против владычества Персии. В результате борьбы в Арцахе образовалось самостоятельное королевство. Начиная с IV века в Арцахе начинает распространяться христиан-

ство. В дальнейшие века в политической жизни Арцаха все возрастающую роль играет княжество Хачен, которым правят потомки уже упомянутого рода Араншахик. В это время жителям Арцаха приходится отбивать атаки и арабов, и турок.

В конце XII века Арцах входит в состав Северной Армении. В 30—40 годы XIII столетия Закавказье завоевывают татаро-монголы, а далее (XV—XVI века) их сменяют тюркские кочевники. Древние культурные центры превращаются в развалины.

В конце XVI века в Арцахе образуются многие независимые княжества — опять под руководством Араншахик, т. е. мелики. В XVII—XVIII веках арцахские мелики активно борются с захватчиками. В 50-е годы XVIII века предводитель кочевых племен Сариджаллу Панаха Али, используя междоусобицу среди меликов, закрепляется в крепости Соша и объявляет себя карабахским ханом.

В 1805 году Карабах добровольно вступает в состав России, в 1813 году этот факт фиксируется в Гулистанском мирном договоре.

20 мая 1920 года — в Нагорном Карабахе устанавливается Советская власть.

2 декабря 1920 года — декларация Ревкома Азербайджанской ССР о передаче Нахичевана и Зангезура Армении и предоставление полного самоуправления Нагорному Карабаху.

4 декабря 1920 года — статья Сталина в «Правде», полностью поддерживающая решение Ревкома Азербайджанской ССР

16 марта 1921 года — Москва заключает Российско-Турецкий договор. В Нахичевани устанавливается протекторат Азербайджана.

3 июня 1921 года — решением Кавказского бюро РКП(б) Нагорный Карабах присоединяется к Армении.

26 июня 1921 года — решение ЦК РКП(б) и Совнаркома Азербайджана, в котором говорится о несогласии с решением присоединить Нагорный Карабах к Армении.

4 июля 1921 года — на заседании Кавказского РКП(б) повторно принимается решение о присоединении Нагорного Карабаха к Армении, однако по тре-

- бованию Н. Нариманова решение вопроса о Нагорном Карабахе передается в ведение ЦК РКП (б).
- 5 июля 1921 года** — заседание Кавказского бюро РКП (б) с участием Сталина. Принимается новое решение — на сей раз о присоединении Нагорного Карабаха к Азербайджану.
- 7 июля 1923 года** — создается автономная область Нагорного Карабаха в составе Азербайджанской ССР. В Карабахе армяне составляют 95 процентов населения.
- 1965 год** — письмо 13 представителей Карабаха, адресованное ЦК КПСС, Совету Министров СССР и Верховному Совету СССР с просьбой присоединить Карабах к Армении. Эту просьбу поддержали 45000 жителей Карабаха.
- 1968 год** — межнациональные столкновения в административном центре Карабаха Степанакерте.
- Март-апрель 1975 года** — пленум обкома партии Карабаха и пленумы райкомов, на которых стремление присоединиться к Армении квалифицируется как проявление буржуазной идеологии дашнаков.
- 1977 год** — различные учреждения СССР получают большое количество писем жителей Нагорного Карабаха, в которых выражена одна мысль — присоединить Нагорный Карабах к Армении.
- 1986—1987 годы** — среди жителей Нагорного Карабаха вновь актуальным становится вопрос о присоединении Нагорного Карабаха к Армении. Многократные призывы интеллигенции к правительству положительно решить этот вопрос.
- 1 декабря 1987 года** — делегация Нагорного Карабаха в ЦК КПСС.

АИДА ПРЕДЕЛЕ
Атмода 13 марта 1989

МИЛОСЕРДИЕ И ЗАЩИТА

В Нагорный Карабах меня пригласили неспроста. 19 февраля должен был состояться областной учредительный съезд Благотворительного общества: на со-

стоявшихся в ряде районов и городов конференциях уже были избраны делегаты. И тем не менее съезд в запланированные сроки не состоялся. Руководство Особого комитета запретило его проведение. В условиях чрезвычайного положения в мотивации подобных действий нет никакой надобности: не нашлось, мол, помещений, вот и все.

В нынешних условиях милосердие по отношению к народу Нагорного Карабаха приобретает политический характер, это не просто милосердие по отношению к больным, одиноким или подавленным какой-то бедой людям. Это милосердие по отношению к больному, одинокому и подавленному бедой народу. Сегодня, когда в этом крае нет возможности проявлять политическую или национальную активность, милосердие впитывает в себя, объемлет собою их всех. Милосердие — и как общественная организация, и как понятие — сегодня единственная надежда армян Нагорного Карабаха. Я ознакомилась с Уставом общества, выслушала также и менее официальные взгляды. Думается, что положение таково: когда у народа отнято почти все, остаются все же духовные ценности. Если, конечно, такие были. После долгих месяцев забастовок и митингов люди, это правда в принудительном порядке, но все же поняли. При всеобщем митинговании некому заглянуть в душу народа, и, наверное, должно прийти «чрезвычайное положение», чтобы принудить к этому. При невозможности другой активности остается возможность быть милосердным к себе и своему народу. Верить в будущее.

Да, именно это общество, различные слои населения Степанакерта сегодня считают единственным спасением. Несколько вечеров я провела вместе с интеллигенцией города — музыкантами, учителями, артистами. Встретила и одного из совсем немногих христиан. Каждый из них смотрит на милосердие «со своей колокольни», порой наши взгляды на это движение были весьма различными, кое-кто вынашивает далеко идущие планы, имеющие мало общего с милосердием. И тем не менее нельзя без уважения относиться к их стремлению при помощи Благотворительного общества возобновлять и поддерживать старинные народные традиции, способствовать раз-

виту языка — ведь многие армяне в Степанакерте плохо говорят по-армянски, даже читать на родном языке не умеют. Возникла идея развивать народную музыку и народное искусство, приобщать людей к гуманитарному образованию, в котором нашлось бы место и для истории Нагорного Карабаха, и для национальных традиций.

Однако сегодня главное направление деятельности Благотворительного общества — позаботиться о тех приблизительно десяти тысячах армянских беженцев, которые теперь обитают в Степанакерте в весьма тяжелых условиях. Я побывала в этих семьях. В комнате общежития, предназначенной для четырех обитателей, — по восемь—десять человек. Многие не имеют работы, а значит, и средств к существованию. Этим людей прогнали из благоустроенных жилищ в родных селах, дома их сожжены, близкие — поруганы, а то и убиты. Где этим людям искать справедливость? Одну за другой они посылают в Москву телеграммы — непосредственно Михаилу Сергеевичу Горбачеву или Раисе Максимовне. Одному из пострадавших, человеку весьма почтенного возраста, я обещала рассказать о его судьбе, вернувшись домой, в Латвию. Семья Амбарцумянов из села Физуль, десять человек. Их дом разграблен и сожжен. Соседи-азербайджанцы, с которыми всю жизнь ладили, с наступлением темноты били окна, камень попал и в моего собеседника. В телеграмме, которую он послал в Москву, говорится: «...нашей семье не на кого больше положиться, некому верить. Мы многократно обращались в местную милицию, а там над нами потешаются, мол, уберите...» В селе Физуль 130 армянских домов, они разграблены, многие — сожжены. Одна из дочерей Амбарцумяна, учительница, однажды в 7-м классе была встречена выкриками: долой армян! Да здравствуют наши сумгаитские герои!

Десятки подобных историй можно услышать в Степанакерте. Выход из этого положения найти будет трудно, потому что армяне требуют одного: отдайте Карабах Армении, и мы будем счастливы! У азербайджанцев иная точка зрения: признайте Карабах нашим и позвольте нам здесь жить.

Пусть простят меня активисты Благотворительного общества, но, на мой взгляд, одной лишь благотворительностью этим людям не помочь. Жители Сумганга не раз собирали пожертвования для беженцев, особенно в начальный период «смутного времени». Приносили горячую пищу детям, одежду, бытовые предметы. Однако вскоре, по словам активистов, осознав масштабы беды, поохладели. Даже многие из прогрессивно настроенных местных жителей стали проявлять недовольство в связи с потоком беженцев, из-за которого иссякли и без того небольшие запасы продовольствия. Кроме того, беженцы являли собой конкурирующую рабочую силу. А когда приходится в чем-то отказывать самому себе, чужая беда быстро забывается.

Народу Нагорного Карабаха необходимы благотворительность и милосердие. Они нужны не столько беглецам (на мой взгляд, ПРАВИТЕЛЬСТВО должно НЕМЕДЛЕННО возместить беженцам ущерб, помочь материально, предоставить жилье и работу), сколько самому народу. В условиях обоюдной — как со стороны азербайджанцев, так и со стороны армян — жестокости необходимо очищающее пламя. Затрудняюсь сказать, какова будет роль общества, но сам народ, благодаря инстинкту самосохранения уже понял, что зло не может быть знаменем справедливости.

Нас от Степанакерта отделяют несколько тысяч километров, однако наши народы близки. У нас общие мечты и чаяния — свобода наших народов и их будущее.

АИДА ПРЕДЕЛЕ

Атмода 27 марта 1989 года

КАРАБАХ: В ОЖИДАНИИ РЕШЕНИЯ

Сегодня весь мир следит за событиями в Нагорном Карабахе. Клочок гористой земли, полторы сотни тысяч жителей, однако именно к ним приковано столь пристальное внимание. Одно это служит доказательством серьезности положения. Нагорный Карабах — это

место, где курсу перестройки следует подтвердить свою высокую «пробу». Более шестидесяти лет прошло с тех пор, как была совершена огромная и непоправимая ошибка. Теперь это признают даже высокопоставленные московские чиновники. И тем не менее, сталинская насильственная национальная политика остается в действии и ныне, ибо ошибочность ее признана лишь на словах. Что до дел, то воз и ныне там. Любую ошибку следует исправить, и чем более вопиющей она является, тем быстрее следует взяться за исправление. Воссоединение Нагорного Карабаха (Арцаха) с Арменией было бы ни чем иным, как восстановлением исторической справедливости. Но отчего такое затягивание решения этого вопроса? Руководители Комитета особого управления Нагорным Карабахом все объясняют тяжелым социально-экономическим состоянием края, ликвидацией последствий землетрясения в Армении и желанием делать лишь всесторонне продуманные шаги, чтобы не обострить положение. Вроде бы все по логике. Однако каждый проживающий в Нагорном Карабахе армянин непрерывно живет в надежде воссоединиться со своими братьями-армянами, и каждый миг промедления лишь уничтожает частицу этой надежды и приближает его к социальной апатии, безнадежности и слепой агрессивности по отношению как к азербайджанцам, так и к русским. Но недоволен также и противоположный лагерь — азербайджанцы. Они сейчас даже не скрывают злобы и ненависти как к армянам, так и к Комитету особого управления, который, по их мнению, принимает во внимание лишь позицию армян.

Итак, недовольны обе стороны. Следует искать выход. Сейчас не представляется возможным анализировать причины, по которым правительство СССР предпочитает затягивание кардинального решения карабахской проблемы. Идет подготовка к Пленуму ЦК КПСС по межнациональным вопросам. Однако не стоит прельщаться надеждами, что постановлениями одного пленума можно будет как взмахом волшебной палочки решить проблемы народов Карабаха, Балтии, Крайнего Севера, средней полосы России... Вероятнее всего будут определены лишь основные направления. Однако проблема Карабаха сегодня требует кардинального решения, конкретных действий, а именно — воссоединения Карабаха

(Арцаха) с Арменией. Разумеется, это вызовет отрицательную, возможно даже агрессивную реакцию со стороны Азербайджана, не исключено даже еще большее обострение положения. Однако при помощи продуманной пропагандистской работы, на худой конец — прибегнув к тем же репрессивным методам, которые так широко применялись против армянских «националистов», можно было бы охладить горячие головы мусульманских экстремистов, тем более, что до сих пор власти проявляли терпимость к выпадам азербайджанских националистов.

Сегодня же продолжение политики маневрирования означает лишь то, что по отношению к армянам будет продолжена политика национальной несправедливости. История подтверждает, что Карабах (Арцах) — это издревле армянские земли, они должны вновь стать таковыми. На размышление наводят реверансы в сторону Азербайджана. Здесь следует вспомнить, какое огромное влияние имели лидеры этой республики при «дворе» Брежнева. Речь идет не только об Алиеве. В течение десятилетий образовалась столь мощная и разветвленная система корруптивных связей, что было бы наивно полагать, будто сегодня она полностью утратила свое влияние. Правда, «составные» этой системы один за другим отдаются под суд или без лишнего шума провожаются на пенсию, однако до полной ее ликвидации еще далеко, ибо на смену одному «партийному мулле» приходит другой. Коррупция во всех «коридорах власти» в Азербайджане процветает и сегодня. Об этом нам с чувством горечи и стыда рассказали простые азербайджанцы: ведь страдает-то народ. Думается, что определенную роль играют также и родственные связи лидеров нашей страны с руководителями Азербайджана. Обо всем этом в конце прошлого года рассказывалось в западногерманском журнале «Шпигель». Прозвучала также версия о вероятном давлении мусульманских держав на СССР в случае, если Карабах будет присоединен к Армении. Однако конкретизировать этот вариант сегодня не представляется возможным: это сфера «тайной дипломатии». Пройдут долгие годы, прежде чем она станет достоянием гласности.

У нас в Балтийских республиках борьба за демократию не сопряжена с такими трудностями: мы солидарны

с нашими соседями, из нашей памяти еще не стерлись воспоминания о традициях государственности. Карабах смотрит на нас с надеждой: каждый наш шаг вперед придает импульс и их движению. Но и мы должны к ним прислушаться. Тогда мы узнаем, что можно преспокойно арестовать депутатов Верховного Совета республики, известных деятелей культуры и науки, видных хозяйственных руководителей. Эти люди обвиняются в том, что выступали против несправедливости по отношению к армянскому народу, допущенной Сталиным и не преодоленной при его преемниках. Это опасный симптом: ведь кое-кто из «властью наделенных» и в нашей республике может додуматься до того, чтобы облегчить себе жизнь такими же полицейскими методами. Ведь это так просто: держать народ в послушании, угрожая танками и резиновыми стеками, не задаваясь вопросом, что об этом думает народ, да и те люди, которые держат резиновые «ударные инструменты» и вынуждены их пускать в ход потому, что приняли воинскую присягу. Многие солдаты в Степанакерте отнюдь не в восторге от того, какими методами там «решаются» национальные противоречия.

ИНТ КАЛНИНЬШ

Степанакерт—Рига,
февраль-март 1989 года

Атмода, 27 марта 1989 года

КТО МЫ ТАКИЕ?

(Из интервью, опубликованного в газете «Знамя коммунизма»,
Ногинск, май 1989 г.)

— В чем вы как историк видите истоки конфликта в Закавказье? Верите ли вы, что предстоящий Пленум по национальному вопросу хоть немного распутает клубок накопившихся проблем? Есть ли реальные пути их решения?

— Сначала скажу о нашей прессе. Я думаю, она сыграла печальную роль в событиях в Закавказье. Дол-

гое время она не просто скрывала, но и представляла в ложном свете все, что там происходит. Она ничего не говорила о попустительской, а то и подстрекательской позиции местных властей. Она не называла Сумгаит—Сумгантом. Факты насилия, убийства стыдливо именовались хулиганскими действиями, и это способствовало героизации Сумгаита. Если бы с самого начала вещи назывались своими именами, возможно, события не приобрели бы столь трагический оборот. В каком-то смысле повторилась ситуация Чернобыля, мрачным символом которого стали играющие в мячик дети на фоне полыхающего реактора. А символом несправедливости—публикация об этой трагедии, озаглавленная «Соловьи поют над Припятью». Даже великое горе не научает. И ложь—в который уж раз?—повторяется. В чем повторение? Льется кровь, насильственно обрываются жизни, а нам говорят о хулиганах, экстремистах, кланах... Снова—руки врагов, снова некие таинственные силы. Опять «враги» нас выручают. Раньше были шпионы, потом—космополиты, масоны. Теперь—кланы. Именно в этой ситуации, когда надо посмотреть глубоко, осмыслить—оказывается, что и не надо никому смотреть, вот вам кланы... То есть будто никакого наследия сталинизма, никакой сложности национальных проблем нет и в помине. Но нам не понять этих событий, не изменить положения, если наука, в том числе историческая, не представит полной картины происходящего. И только на этой основе можно делать выводы... Мне кажется, сейчас идет процесс самосуверенизации наций и народностей Советского Союза. Люди хотят чувствовать себя хозяевами своей земли. В разных республиках это происходит по-разному. По отношению к армянскому народу издавна, еще с 1915 года, имел место геноцид в Азербайджане. Постепенно армяне были вытеснены из Нахичевани, потом их начали вытеснять из Степанакерта, из Нагорного Карабаха. И тогда они сказали—нет. Не выдержали, возмутились. В ответ—Сумгаит и, благодаря стыдливому недомолвкам прессы, романтизация «героев» Сумгаита. Если бы всем людям рассказать, как подростки насилуют пожилую женщину, разрезают ее на куски и сжигают—если бы все это, факт за фактом, рассказать, я думаю, представление о событиях изменилось бы очень существенно.

дут слабо связаны, связи должны развиваться от нуля, естественно, сами собой. Потом возникнут более тесные связи — экономические, политические, культурные, но — потом. А начинать надо, повторю, с полного демонтажа имперской структуры. Только так можно решить национальную проблему в малых империях, которыми по существу являются союзные республики — например, Грузия, включающая в свой состав Абхазию, Осетию и другие национальные образования. Если же начать с Грузии, а в РСФСР не сделать того же самого, возникнут очень большие трудности. (...)

В предлагаемой системе должны быть только республики. Бывшие автономные области тоже превращаются в республики. Например, республика Нагорный Карабах не будет принадлежать ни Армении, ни Азербайджану — она будет сама по себе и получит право вступать в экономические и другие отношения с теми, с кем сама захочет.

От такого решения выиграют все граждане страны. И только на таком пути, как мне представляется, можно добиться решения национального вопроса.

Отрывок из интервью
АНДРЕЯ САХАРОВА,
опубликованного в журнале
«Огонек», № 31, июль 1989 го-
да. (Ведущий Григорий Цитри-
няк).

ДРАМА НА ШОССЕ

ЧТО ПРОИЗОШЛО БЛИЗ ГОРОДА АГДАМА

Вот это место, где 18 сентября при исполнении служебного долга убиты офицеры оперативно-следственной группы МВД СССР Андрей Тюгаев и Сергей Габа. Одному двадцать семь, другому двадцать восемь лет. Оба были женаты, имели детей.

Обычное сельское шоссе, по обе стороны невысокие вспаханные холмы. Неподалеку села Шахбулак и Гияс-

лы. Последнее примыкает к городу Агдаму. На асфальте темно-бурые пятна, разорванные документы, журналы, газеты. На обочинах груды камней и щебня. На пашне следы десятков машин.

В инциденте участвовали сотни людей, ослепленных злобой и враждой. И только гибель двух ни в чем не повинных офицеров остановила толпу, можно сказать, предотвратила массовое кровавое столкновение.

Ведется расследование. К нему привлечена следственная группа Прокуратуры СССР. Три человека арестованы. Ничуть не вторгаясь в ход расследования, не давая никаких оценок, предлагаем нашим читателям рассказы тех, кто своими глазами видел и собственным сердцем пережил случившееся. Итак, что же произошло на шоссе близ азербайджанского города Агдама?

А. ВИШНЯКОВ, майор:

— В этот день я возглавлял сопровождение колонны машин с народнохозяйственными грузами — пять бензовозов и четыре грузовика. Из Мардакерта в Степанакерт колонна прошла без происшествий. Только на развилке дорог нам встретилась небольшая группа людей. В обратный путь выехали в 14.30. На контрольно-пропускном пункте номер 13 меня предупредили: на той же самой развилке (Агдам—Мардакерт) собралось до трехсот человек. На следующем КПП по рации получил приказ изменить маршрут. Колонна свернула на другую трассу и к вечеру благополучно прибыла в Мардакерт.

С. ХОТЯИНЦЕВ, старший сержант:

— Наше подразделение подняли по сигналу «Сбор». Что бросилось в глаза? В двух местах на шоссе завалы. По обе стороны толпы людей.

Собравшиеся вели себя вызывающе, требовали убираться, не скрывая, что они сами расправятся с армянами, которые будут здесь проезжать. Мы встали в боевую цепочку. Тогда в нас полетели камни. Затем переместились к мосту, чтобы прикрыть бронетранспортер. Толпа шла за нами. Неслись оскорбления. Майор О. Носков неоднократно пытался успокоить людей, призывал их сохранять порядок. Но в ответ брань. Что всех удивило, среди них находилось немало работников

агдамской милиция, которые, однако, ничего не принимали, дабы пресечь беспорядки

Л. ЦВЕТКОВ, подполковник:

— После первой же беседы понял, что здесь не случайно оказалось так много народу. Заправляли всем представители Народного фронта Азербайджана. Они знали, что тут пройдет колонна машин с грузами для армянского населения. Более того, поставили задачу — сделать все, чтобы колонна не прошла. Камни завезли заранее, на виду у милиции, районной власти. Около 15 часов к месту завала прибыло из города Степанакерта подразделение во главе с полковником Б. Пономаревым. Оно остановилось у моста. Вместе с ним направились ко второму завалу. По дороге беседовали с людьми, успокаивали их, советовали расходиться. Осмотрев завал, повернули назад. И тут с моста раздалась автоматные очереди.

Ю. ТКАЧЕВ, старший лейтенант:

— Когда приехал на место, сразу же увидел следующее. С холма спускался незнакомый мне лейтенант ранее прибывшего подразделения. У него в руках — изъятые у населения нож, самодельное взрывное устройство, боеприпасы. За ним шагал солдат-фотограф. Их преследовали десять-двенадцать человек. Они требовали засветить пленку и отдать фотоаппарат, толкали солдата, а потом взяли его в кольцо. Оказавшись рядом, я выхватил его из окружения и заслонил собой. Ко мне подошел лейтенант С. Егоров, и мы вместе оттеснили обнаглевших. Вдруг раздался дикий вопль, и с холмов к нам хлынула толпа, в нас полетели камни, бутылки с зажигательной смесью. Один разъяренный бросился к солдату-фотографу и попытался силой отнять аппарат. Пришлось применить прием рукопашного боя. Солдата отправил к бронетранспортеру. Потом, смотрю, у Егорова начали вырывать автомат. К этому времени толпа возросла вдвое. На мой приказ «Стоять!» никакой реакции. Толпа обезумела. И тогда я дал над собой две очереди из автомата. Это позволило нам отойти к машине, где я стал расставлять бойцов для охраны техники. В эти минуты в кольце оказался полковник Пономарев. Взяв с собой сержанта, бросился выручать командира. Кого-

то из толпы опрокинули. Вскоре тот опомнился и начал нецензурно ругаться, а потом, указав на меня пальцем, закричал, что я кого-то убил. Моментально вокруг меня образовалось плотное окружение. Во весь голос скандировали: «Убийца!» Тут я увидел, из-за холма на руках выносят мужчину, посадили его в свою машину и повезли куда-то. Мне удалось пробиться к бронетранспортеру. Роту окружили и стали требовать моей выдачи. Комендант особого района приказал мне по рации оставить роту и отправиться в Агдам, в отдел внутренних дел.

В. ЗАБАЗНОЙ, полковник:

— Это был форменный допрос. В милиции Ткачеву предъявили обвинение в том, что он якобы пьян. Разумеется, проведенный анализ не подтвердил нелепую версию. Потом офицера пытались посадить в камеру ИВС. Мои доводы категорически отверглись. Положение офицера было тяжелое. Из него хотели сделать козла отпущения. Вечером в РОВД приехал комендант особого района генерал-майор В. Сафонов. Ткачев вернулся в часть.

В. ШАУРОВ, майор:

— Только выдержка и самообладание солдат и офицеров не дали разгореться более грозным событиям. В толпе были пьяные и наркотически возбужденные люди. Многие угрожали расправой оружием, открыто нападали на воинов. Некоторые из солдат получили травмы. Явно выделились лидеры, заводили. Они направляли действия. Были среди них и с фотокамерами. Снимали офицеров. При этом кричали: «Кто попал в объектив, того ждет расправа».

В. КАПУСТИН, сержант:

— Я видел, как майор Черненко передавал группе следователей, прибывших из Степанакерта, изъятые в толпе предметы нападения. Помню, как они уложили их в портфель, сфотографировали его и сделали несколько снимков толпы. Потом, уже в части, я с горечью узнал о трагической судьбе, которая постигла двух молодых офицеров милиции. А ведь они были вооружены и могли бы защитить себя.

Рассказывают оставшиеся в живых члены оперативно-следственной группы МВД СССР:

Р. ВАЛИУЛИН, оперуполномоченный по особо важным делам Главного управления уголовного розыска МВД СССР:

— В Нагорном Карабахе второй месяц. Успел побывать в больнице — после одного трудного разбирательства. Только что выписался. В 15 часов руководитель бригады полковник милиции А. Солодовников поручил мне сформировать группу и срочно выехать в район Агдама, где якобы произошла стычка военных с населением, в ходе которой было применено огнестрельное оружие. Даже есть раненые. В группу вошли следователь капитан милиции Леонид Петухов из Кургана, эксперты-криминалисты Андрей Тюгаев, Сергей Габа, Петр Любов. Родом из Пензы, Черновцов из Архангельска, За руль «Волги» сел младший сержант Сергей Шпилев из Курска. На машине были яркие надписи «ГАИ» и «Милиция».

Выехали в 15.10. Через 20—23 минут были в Агдамском отделе внутренних дел. Дежурный сообщил, что никого в РОВДе нет, все на шоссе. Поехали туда, «Волгу» остановили в 350 метрах от блокировки машин. Дальше проехать не смогли, так как пространство запружено автотранспортом и людьми. Там, где якобы стреляли в людей, встретились с подполковником Цветковым. Выяснили, что с ним никто из местной прокуратуры и милиции толком не говорил. По существу всю следственную работу пришлось начинать нам. А вопросы встали серьезные. Во-первых, стреляли или не стреляли? Во-вторых, как стреляли — в воздух или в ноги людей? Как водится, начали с осмотра места происшествия, поиска вещественных доказательств и так далее.

Пока ребята занимались этим, я отправился искать начальника милиции И. Пашаева. Мы с ним знакомы. Нашел его, тут же были прокурор города, первый секретарь райкома А. Кулиев, другие руководители района. Представился, сообщил о цели приезда и попросил помощи в выполнении задания. Прокурор сразу заявил, что их следователь Аббасов уже произвел осмотр. Я стал искать Аббасова. Нашел. Оказалось, что следователь, находясь здесь давно, мало что успел. Закралось подозрение: а хочет ли он быть беспристрастным? Обра-

тились за помощью к военным. Они передали вещественные доказательства, рассказали, что после выстрелов потерпевших никто из них не видел, не осматривал, их немедленно увезли в районную больницу. Стало ясно: надо ехать в Агдам. И чем быстрее, тем лучше. В 18 часов закончили осмотр. Я проинформировал об этом прокурора и сообщил, что группа едет в больницу. Сели в машину, проехали медленно несколько десятков метров. За нами толпа: кричат, требуют. Подумалось: где же местная милиция? А навстречу шли легковые автомобили. Чтобы ускорить езду, я вышел из машины и пошел впереди. Внезапно услышал: «Сахла! Сахла!» В переводе на русский: «Остановись! Стой!» Голос был из-за спины. И сразу же поперек дороги встали желтые «Жигули». Нашу машину буквально облепили. Я оказался зажатым между двумя машинами. Стали требовательно спрашивать: «Кто вы? Зачем здесь? Куда следуете?» Я показал на опознавательные знаки, стал объяснять. Кто-то крикнул: «Это армянские террористы». Около меня оказался представительный, хорошо одетый мужчина, к мнению которого прислушивались. Он потребовал у ребят документы. Ему передали удостоверения. Затем велел отдать фотопленку. Мы и на это пошли. Правда, я попросил не засвечивать ее, так как она нужна для дела. Он согласно кивал головой, умело, профессионально вскрывал фотоаппарат. Угадывая в нем представителя власти, я настойчиво просил его помочь нам. Он опять кивал, но никаких действий от него не последовало. А тем временем кто-то через окно вырывает у Петухова портфель с вещественными доказательствами. Открывает его, а там нож, патроны, взрывное устройство... По толпе проносится рев. Мгновенно выдергивают из «Волги» Петухова и Шпилева. Начинают их бить. Отбирают пистолеты. Стало очевидно: совершилось новое преступление. Я принимаю решение пробиться к руководству района или военным.

Л. ПЕТУХОВ, старший следователь:

— Всех нас били стоя. Били по голове, в спину. Вытащили из карманов бумажники. У машины проткнули колеса. Стали уродовать «Волгу», потом ее опрокинули на крышу. Один снял лобовое стекло и убежал с ним. А нас повели куда-то. Из толпы голос: «Веди их даль-

ше». Нас посадили в чей-то «Москвич»: всех на заднее сиденье. И снова окружили машину. Крики, брань, вопли. Стали раскачивать машину. Хлопнула задняя дверь. Неожиданно громко вскрикнул Сергей. Затем — Андрей. Машина встала на бок. Потом ее поставили на колеса. Прибежал какой-то милиционер, стал успокаивать толпу. Из машины вывели Тюгаева и Габу. До сих пор никак не могу понять, как они шли. Ведь Андрею воткнули нож в сердце, а Сергею в область печени. Нас посадили в новые «Жигули».

Р. ВАЛИУЛИН:

— Честно, я не думал, что уйду далеко. За спиной кричали: «Держи его, он уходит». Все-таки добрался до милиционеров. Два сержанта выслушали меня и остались на месте. Пошел дальше. Встречаю у бронетранспортера заместителя начальника милиции Наврузова. Прошу помощи. Он явно затягивает формирование группы по спасению. Зло говорит: «Я тебе дал старшего лейтенанта, чего тебе еще надо». Наконец, не выдерживая, беру его и еще двух-трех милиционеров, которые потом отстали. На пути попадается опрокинутая «Волга»: наших нет. Я поднялся на обочину: впереди в трехстах метрах буйствовала толпа. Бежим туда. И вот красные «Жигули». Никогда не забыть: на заднем сиденье Петухов и Шпилев держат окровавленных, почти обнаженных Андрея и Сергея. Зияют огромные раны. Освобождается дорога, и машина помчалась в Агдам, в больницу.

Л. ПЕТУХОВ:

— По дороге все молчали. Андрей умер до операции. У Сергея, кроме ножевого ранения, была сломана нога. Он потерял пять литров крови. Солдаты давали ее прямо на операционный стол. Габа умер сразу же после операции.

Р. ВАЛИУЛИН:

— Следствие начали только 21 сентября, после нашего обращения в республиканскую прокуратуру. Несколько дней ребята жили в гостинице «Карабах»: в чужой одежде, без документов и денег.

Это требует пояснений.

21 сентября в республиканской газете «Вышка» напечатана статья «К инциденту в Агдаме». По просьбе Азеринформа о случившемся подробно рассказывает начальник Агдамского РОВД И. Пашаев. После того, что я услышал от очевидцев, каким-то странным лепетом выглядит это интервью. Если не сказать больше. Вот первая его фраза: «Однако никаких попыток нападения на военнослужащих они не предпринимали». Значит, бросать камни, бить кулаками по голове, в спину, метать взрывпакеты, отнимать оружие — тогда что же все это такое? Далее: «Неожиданно для присутствующих на месте инцидента появилась группа неизвестных гражданских лиц. Не представившись, они стали фотографировать место происшествия».

Да, верно, обезумевшей толпе группа действительно не представлялась, хотя даже она понимала, кто и зачем приехал на машине, на которой было начертано: «Милиция». И не случайно группе удалось поработать целых два часа. За это время, напомним, Р. Валиулин встретился с руководством района и обо всем его проинформировал, в том числе и начальника милиции. Что должен делать в таком случае И. Пашаев? Предоставить группе МВД СССР всяческую помощь и поддержку. Ни того, ни другого не было.

Милиционеры во главе с начальником РОВДа, его замом, как видно из рассказов, уклонились от выполнения своего прямого служебного долга и по существу способствовали трагедии. Запомнились слова одного из пострадавших: «Это не милиция, а нечто противоположное».

На многие печальные размышления наводит происшедшее близ Агдама. Вопросы возникают один другого серьезнее. Но мы обязаны получить на них ответы. Не только ради памяти безвинно загубленных офицеров, а и ради торжества добра над злом. Страшная драма на шоссе свидетельствует: от ослепления ненавистью до уголовного преступления — всего один шаг. Еще пример тому. Произошло это уже в самом Степанакерте. При сопровождении колонны азербайджанских машин с группом в районе электротехнического завода в солдат было брошено самодельное взрывное устройство. Рядовому Сергею Пыхтееву из Пермской области покалечили глаз. А ведь парню до конца службы в армии остался

лишь один месяц с небольшим. И вот теперь вместо родного дома долгое лечение в госпитале. Такова дорогая цена разжигания вражды и ненависти.

И тут возникает главный вопрос: почему не пресекаются националистические и экстремистские «увлечения»? Пора нам всем глубоко осознать меру своей ответственности за происходящее в обществе. И в центре, и на местах. Проблемы Нагорного Карабаха могут быть решены только на путях компромиссов. Кажется, это понимают и в Ереване, и в Баку, и в Степанакерте. Но что же мешает сделать шаг навстречу друг другу? Нельзя же в самом деле все время ходить по тонкому-тонкому льду. Перед националистической и шовинистической пучиной любая армия, любой народ окажутся бессильными. Вот с таким тягостным ощущением улетал я из Степанакерта, а до этого из Баку и Еревана. Честно говоря, многого жду от осенней сессии. Особенно от народных депутатов двух республик. Ключ к взаимопониманию в их руках!

А. ПЕТРУШОВ,
(спец. корр. «Правды»).

Степанакерт—Агдам

Задержаны лица, подозреваемые в убийстве сотрудников оперативной группы капитана милиции А. Тюгаева и лейтенанта милиции С. Габы, которое произошло 18 сентября около села Гияслы Агдамского района Азербайджанской ССР. Ими оказались некто Зейналов и Исмаилов. У Зейналова изъят пистолет «ПМ» с восемью патронами, похищенный у капитана Тюгаева.

«ПРАВДА», 27 сентября
1989 года
(ТАСС)

УБИЙЦ — К ОТВЕТУ!

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Дорогие товарищи! С этим письмом к вам обращаются родители и жена погибших от рук азербайджанских фанатиков старшего лейтенанта милиции Тюгаева Андрея Михайловича. Трудно писать эти строки. Серд-

це обливается кровью, мутнеет разум от сознания бессмысленности и жестокости содеянного.

Наш сын и муж поехал в Карабах, чтобы внести свой посильный вклад в выполнение интернационального долга и путем раскрытия преступлений помочь обрести людям справедливость. Он был интернационалистом, никогда не испытывал чувства неприязни ни к какому народу. Как человек высокой культуры Андрей отличался и высокой гуманностью. И сам стал жертвой своего же гуманизма.

Незадолго до своей гибели Андрей писал, что азербайджанцы сильно обостряют обстановку в Нагорном Карабахе. Но мы не могли и представить, что разгул фанатизма и вандализма дойдет до такой степени, что может погубить даже представителей МВД. И что в нашей стране, в гимне которой, передаваемом каждое утро по радио, есть слова «дружбы народов надежный уполот», теряется вера во все.

... По специальности Андрей был ученым-агрономом. После службы в армии, по путевке комсомола он был направлен в органы милиции, где зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Он пользовался большим уважением у населения за свое справедливое отношение к людям. Не так давно получил квартиру, и всю ее отдал своими руками. Как он радовался каждой приобретенной вещи! Как любил жену, дочку Настеньку, которой лишь 30 ноября исполнится три года! Каждый день она задает нам вопрос: «Когда приедет мой папуленька из Карабаха?» От этого вопроса у нас кровь застывает в жилах. Как все это перенести?

Гнев и возмущение вызывает у нас то обстоятельство, что в тысячной толпе не нашлось людей, которые могли бы схватить за руку убийц. Мы вовсе не хотим сказать, что в Азербайджане нет культурных и гуманных людей. Но, видимо, их голос тонет в общем разгуле националистического озлобления.

Азербайджанец! Если в твоей республике сложилась столь острая обстановка, то не армянин в этом виноват, и не солдаты и сотрудники следственных органов, которые пришли, чтобы прекратить кровопролитие. Во всем повинно твое собственное руководство, которое довело республику до экономического и социального развала и культурного одичания. И этому руководству выгодно

направлять твой гнев, порожденный в оглуленном и одурманенном сознании, в другую сторону. Если бы ты это понимал, то не поднял бы руку на ни в чем не повинных людей. Не заставил бы так страдать других родителей, жен и детей.

Разве у тебя нет матери, нет детей? Неужели националистический дурман совсем лишил тебя разума и человечности? Ведь Андрей был нашей единственной опорой и надеждой в жизни. Семь лет назад, в 1982 году, наш старший сын лейтенант Михаил Тюгаев погиб в армии, куда он был послан после окончания Пензенского политехнического института. Сейчас оба брата лежат в одной могиле. Даже постороннему человеку становится жутко от той трагедии, что выпала на нашу долю.

Мы не беремся судить, как решить проблему Нагорного Карабаха. Думаем, что история восстановит справедливость. Но принятый Верховным Советом Азербайджана закон о суверенитете этой проблемы не решит, так как он односторонен. Игра ведется в одни ворота.

В трагедии Карабаха повинно и центральное правительство. Своей нерешительностью, догматическим подходом к этому вопросу оно только попустительствует разгулу фанатизма и вандализма.

Однако мы обращаемся к правоохранительным органам: убийцы должны понести суровое наказание. Ответственность должны нести и те люди, которые в силу своих служебных обязанностей должны были обеспечить безопасность жизни людей. Их имена были названы в статье газеты «Правда» «Драма на шоссе» от 27 сентября 1989 года.

Дорогие товарищи! Позвольте через вашу газету выразить глубокую благодарность всем многотысячным коллективам предприятий и организаций, Народному фронту Нагорного Карабаха за присланные нам соболезнования в связи с гибелью нашего любимого сына, мужа, отца и за оказанную материальную помощь. Ваши искренние чувства служили для нас большой моральной поддержкой. Просим передать нашу сердечную благодарность его пресвященству Католикосу всех армян Вазгену Первому за его участие в нашей горе и молитвы за спасение душ погибших.

Мы благодарим редакцию газеты «Советский Карабах», которая поместила обширный материал об Андрее

и Сергее Габа с их портретами, а также отклики многих людей, выразивших глубокое соболезнование и чувства гнева и возмущения в связи со злодейским убийством.

Спасибо вам всем.

Отец — **ТЮГАЕВ Михаил Антонович**: учитель, отличник народного просвещения.

Мать — **ТЮГАЕВА Анна Яковлевна**: врач, отличник здравоохранения.

Жена — **ТЮГАЕВА Галина Васильевна**: медработник.

«Советский Карабах»

16 октября 1989 года

«Коммунист»

16 ноября 1989 года

АРЦАХ: ВЕСТОЧКА С СЕВЕРА

С первым в новом году снегом, окутавшим землю гордого Арцаха, пришла в редакцию областной газеты весточка с севера от проживающих в селе Башмаково Пензенской области членов семьи Тюгаевых.

«Дорогие арцахцы, — пишут Михаил, Анна и Галина Тюгаевы, — армянский народ знает цену человеческому горю. Его история изобилует трагическими страницами. Нагорный Карабах — одна из этих страниц. Мы следим за настойчивой и упорной борьбой, которую ведет народ Арцаха за свое самоопределение. Борьба эта нелегкая, но только в борьбе можно обречь свободу, что дороже всего на свете.

Мы продолжаем получать письма из Арцаха и Армении. По случаю дня рождения нашей дочки и внуки Настеньки нами были получены многочисленные телеграммы и письма от различных организаций, трудовых коллективов, работников милиции, учащихся школ, преподавателей... В этих посланиях выражена сердечная боль в связи с убийством нашего сына, мужа и отца, старшего лейтенанта милиции Андрея Тюгаева, которое произошло в Агдамском районе Азербайджанской ССР. Мы глубоко благодарны всем тем, кто разделил с нами великую боль утраты, наше большое горе.

Многие нашу Настеньку называют «Дочкой Карабах», что нас глубоко трогает. Мы выражаем вам за эту высокую честь, свою признательность. Еще раз спасибо всем. И пусть на земле воцарятся мир, счастье и благополучие».

А. ГРИГОРЯН,
соб. корр. Арменпресс.
«Коммунист» б. 01, 1990 г.

НА ГРАНИ БОЛЬШОЙ ТРАГЕДИИ

О ситуации в Нагорном Карабахе и вокруг него наш корреспондент И. ЧАПЛЫГИН беседует с членом Комитета особого управления НКАО, ответственным работником ЦК КПСС
В. А. СИДОРОВЫМ,

— Валерий Анатольевич, вы уже около года работаете в НКАО. Как идеологический работник довольны ли вы тем, как освещаются в прессе события в Нагорном Карабахе?

— Нет, конечно. Я думаю, что сейчас большинство газет, радио и телевидение проявляют чрезмерную боязливость в освещении этих событий. Сложилось так не случайно: все выступления центральной печати подвергаются ожесточенной критике или в Азербайджане, или в Армении. Стоит корреспонденту высказать свой взгляд на развитие событий, проанализировать действия той или иной стороны, как ему немедленно клеится ярлык: «проармянский», «антиармянский», «промусульманский» и т. д.

Почему так сложилось, мы еще поговорим. Пока фиксируем факт: объективные и обстоятельные статьи вызывают шквал опровержений в местной печати, подогревают общественные настроения, сопровождаются протестами от республиканских руководителей в ЦК КПСС. В итоге и появилась та боязливость, о которой я говорил. Только уточним: речь идет не о боязни каких-то наказаний, а о боязни осложнить ситуацию еще больше. Вряд ли это правильно: ведь здесь и идут, и грядут события, имеющие общесоюзное звучание.

— И как вы оцениваете ситуацию?

— Как предшествующую большой трагедии, если мы не примем самые решительные и жесткие меры. Собственно, трагедия — даже не в перспективе, она уже произошла. Разве не трагедия — события в Сумгаите? А 300 тыс. беженцев, изгнанных из обеих республик с неслыханной жестокостью? А уже сотни погибших за последние полтора года во взаимных стычках, погромах, резне? А постоянное противостояние двух социалистических республик, развязавших между собой «холодную войну» с готовностью перевести ее в любой момент в гражданскую, братоубийственную?

Сейчас не проходит дня и ночи без выстрелов, взрывов мин, поджогов и погромов. Обстреливаются машины, захватываются заложники, перекрываются завалами автомобильные и железные дороги. Местная милиция не пресекает, а молчаливо поощряет, порой даже сама участвует в этих шабашах. Укрываются от правосудия уголовные преступники. Парализовано народное хозяйство Армении и НКАО. Автономная область вообще находится в блокаде, даже продукты питания и медикаменты приходится доставлять по воздуху.

Дело уже вышло даже за рамки армяно-азербайджанской распри. Все чаще нападения на военнослужащих, представителей правоохранительных органов из Москвы. На днях, как уже сообщалось в нашей печати, были зверски убиты в толпе недалеко от Агдама двое сотрудников оперативно-следственной группы МВД СССР, а еще четверо жестоко избиты. А ведь в этой толпе, фанатично взвинченной и накаленной, находилось руководство Агдамского РК.

Такие факты готовы появиться в любой точке — и вокруг НКАО, и внутри нее. И немудрено, так как господствует атмосфера злобы и вражды, нетерпимости и с той и с другой стороны. Ни одна из них сегодня не может претендовать на «белые одежды». Но когда и где путь крови приводил к миру? Вот ведь о чем не хотят задуматься ни в Азербайджане, ни в Армении.

Посмотрите, какие выступления звучали на только что прошедших внеочередных сессиях Верховных Советов Азербайджана и Армении. Даже представители интеллигенции, призванной быть совестью и нравственным эталоном народа, открыто звали к дальнейшей эскалации. Не на высоте оказались и лидеры партийных, совет-

ских органов, пошедшие, по существу, на поводу у экстремистских сил.

Дело дошло до такой степени вражды, когда отвергается даже идея разумного компромисса. И если мы сейчас не образумим эти распоясавшиеся силы, мы получим в Закавказье внутриотечественный Ливан. Счет жертвам пойдет уже даже не на сотни...

— Почему же дело зашло так далеко?

— Армянское население НКАО всегда, с постоянной регулярностью ставило вопрос о воссоединении с Арменией — так было и в 40-е, и в 50-е, и в 60-е, и в последующие годы. Такие выступления всегда жестоко подавлялись. Репрессии были, конечно, разные, но уже и в 70-е годы за подобные идеи люди расплачивались партбилетом, изгнанием из области и т. д.

— Что способствовало такой ориентации карабахских армян?

— Не только стремление к национальному единству. Объективности ради надо признать, что население НКАО имело основания для социального протеста. Бывшее руководство Азербайджана проводило, по существу, политику великодержавного шовинизма, добиваясь ассимиляции карабахских армян. Ставились рогатки в области культурных контактов интеллигенции, развития армянского языка, грубо искажалась история края, НКАО как бы железным занавесом была отделена от Армении. Игнорировалась демографическая ситуация. А ведь перед карабахскими армянами постоянным и болезненным примером стояла судьба Нахичевани, превратившейся из армяно-азербайджанской республики в моноэтническую.

Добавьте к этому грубые просчеты в социально-экономическом развитии — да еще на фоне внешне благополучных, социально обустроенных районов Армении, прилегающих к НКАО.

Опять-таки объективности ради подчеркну, что в равно неблагоприятном положении находились и армяне, и азербайджанцы Карабаха. Дискриминация со стороны республики охватывала всю область: сферу образования,

здравоохранения, быта. Многие азербайджанские школы и больницы в НКАО находятся в состоянии, позорном для Советской власти.

Поэтому начавшиеся в феврале прошлого года выступления армян-карабахцев были направлены не против азербайджанцев, а против руководства республики. Отказываясь верить в его желание, готовность и способность улучшить жизненные условия в НКАО, карабахцы единственно с идеей воссоединения с Арменией связывали свои мечты на лучшее будущее.

Вместо того, чтобы вникнуть в причины и следствия возникшего массового народного движения, руководство республики пошло штамповать ярлыки: «националисты», «экстремисты», «дашнаки», попробовало традиционными силовыми методами подавить движение.

— Порой приходится, действительно, слышать такое мнение, что карабахское движение порождено националистическими идеями возрождения «Великой Армении».

— Давайте и здесь не торопиться с обвинениями. Скажите, какой народ не мечтает о национальном объединении? А что, разве доволен исторической судьбой тот же азербайджанский народ, расколотый государственными границами?

То же и об армянах. Трагическая история разбросала этот народ по всему миру, не раз ставя на грань полного уничтожения. Что же зазорного в том, что в новых исторических условиях они стремятся друг к другу и видят здесь перспективы? Другое дело — в каких формах пойдет такое объединение. Утопично мечтать, по крайней мере, сейчас, о государственном возрождении в исторических границах. Ну а широкий и беспрепятственный культурный обмен, общение, образование, наука? Что зазорного, если Советская Армения станет духовным центром армян всего мира? Кому повредит, если она примет в широких масштабах материальную помощь диаспоры?

— Как я понял, руководство Азербайджана такую точку зрения не приняло. И как же пошли развиваться события?

— Трагически. В общественном сознании азербайджанского населения средствами массовой информации, выступлениями интеллигенции, руководителей республики начала утверждаться другая концепция. О том, что выступления карабахцев носят оскорбительный для азербайджанцев характер, что требования о пересмотре границ — оскорбление для чести народа, покушение на суверенитет и т. д. Подчас эти выступления, даже первых лиц, приобретали просто кликушеский характер, звали всеми методами защищать каждую пядь своей земли, каждый куст и т. д. Все это рождало в республике такую истерическую атмосферу, когда и стал возможен Сумгаит.

— Но мы же не раз подчеркивали, что «перестройка — не передройка». Вы придерживаетесь другой точки зрения? Поддерживаете идею «миацума», т. е. воссоединения НКАО с Арменией?

— Я за «миацум» карабахских армян с Арменией в духовной сфере. За установление разнообразных контактов между трудовыми коллективами предприятий, за сотрудничество и содружество в любом вопросе, представляющем взаимный интерес. Именно такую политику, отвечая в составе Комитета особого управления за идеологическую работу, я и стремился проводить. Что же касается перекопки пограничных столбов — я, безусловно, не сторонник этого. Не территориальная принадлежность, а широкие права, реальная автономия в политической и экономической жизни должны способствовать удовлетворению всех потребностей населения.

Лидеры «карабахского движения» часто говорят, что их вопрос — чисто политический, а социально-экономические вопросы — якобы дело второстепенное. Но политика — это не вопрос о границах, как они его трактуют. Политика — это всегда вопрос о власти: кому она принадлежит, за кем последнее слово в решении всех ключевых вопросов. Так вот, если мы обеспечим в НКАО, как, впрочем, и в других автономиях, реальное народо-властие, демократию и самоуправляемость — мы решим карабахский вопрос именно политически.

Является ли такая постановка проблемы оскорблением для азербайджанского народа, нарушением республиканского суверенитета?

Руководители Азербайджана любят клясться в своей преданности ленинским идеям национальной политики, широковещательно заявляют о своем интернационализме и т. д. Но давайте сопоставим хотя бы две позиции. В. И. Ленин в своей статье «Итоги дискуссий о самоопределении» говорил о том, что державная нация должна быть абсолютно «равнодушна» к тому, хочет ли малая нация быть вместе с ней, или автономно, или вообще отделиться. Без такого «равнодушия» к территориальному вопросу представитель большой нации не имеет права называться марксистом (см. Полн. собр. соч., т. 30, с. 44). Более того, Ленин подчеркивал, что без широкой «демократии во всех областях, вплоть до определения границ государства сообразно «симпатиям» населения, вплоть до полной свободы отделения», мы и при социалистическом строе не добьемся полного устранения национального гнета. (там же, с. 22).

Сопоставим эти ленинские идеи с призывами любой ценой защищать незыблемость республиканских границ, готовностью даже кровью ликвидировать вопрос о самоопределении.

Напомним также, что Ленин вообще автономию считал временным явлением, необходимым только для того, чтобы нация могла «окончательно конституироваться как нация, собрать, узнать, организовать свои силы» для самоопределения (там же, с. 42). Так что стремление к национальному самоопределению, к изменению своего государственного-национального и политико-правового статуса — вполне объективно, вполне отвечает духу ленинской национальной политики.

— Таким образом, ваши симпатии в этом вопросе на стороне «карабахского движения»?

— Что касается цели — поднять уровень своей автономии, духовно воссоединиться с Арменией и т. д. — то да!

Однако в жизни ведь важны не только цели, но и методы их достижения. И вот здесь, я считаю, «карабахское движение» сильно себя дискредитировало, когда недоверие и недоброжелательство к руководству республики перенесло на азербайджанский народ в целом. Азербайджанцы были изгнаны из Степанакерта, не до-

пускаются на работу, их селения блокируются, сюда не поступали продукты, медикаменты, почта. В ряде случаев была избрана тактика «выдавливания» азербайджанцев из НКАО, создания для них невыносимых условий жизни. Были прерваны, подчас в оскорбительной форме, все связи с республикой. И такая недалёковидная, неумная политика спровоцировала со стороны республики несакционированное строительство в азербайджанских селах промышленных и социально-культурных объектов, бойкоты на дорогах и т. д. Каждая недружелюбная акция рождала ответную, вот и возматало напряжение, виток за витком.

— А что же руководители партийных, советских органов обеих республик?

— Они прежде всего несут ответственность за то, что республики так и не сели за стол переговоров, не ищут пути к примирению. Дело не только в личностях первых лиц. Дело в общей обстановке в Азербайджане и Армении. Здесь за годы правления Алиева и Демирчяна наряду с «теневой экономикой» сформировалась и «теневая политика», выражающая и обслуживающая интересы коррумпированных лиц. По существу, мы имеем дело с некоторой политической мутацией в виде «социалистического феодализма», умело культивировавшего идею «национального единства» против «внешнего врага». А ведь это так удобно: переключить недовольство населения на этого врага, на его счет списать все беды. В этой атмосфере девальвировались многие социалистические нормы и ценности. «Национальное братство» было поставлено на службу местным вождям. Возник феноменальный для нашего общества облик, который я называю «аятолла» — первый секретарь.

Недавно депутаты Бакинского городского Совета опубликовали обращение к здоровым силам республики, где, в частности, сказали: «Прикрываясь вопросом о НКАО, в республике неистовствует мафия и связанные с ней единой цепью схожие элементы, антисоветские и антикоммунистические группировки, вступившие в связь с экстремистскими националистическими группами, действующими в различных регионах нашей страны...»

Извините за цитирование, но приведу еще одно вы-

сказывание, во многом объясняющее нынешнюю обстановку в Азербайджане. Вот мнение человека со стороны, корреспондента Би-би-си Т. Хьюэла, переданное 6 сентября: «Требование Народного фронта по НКАО, как это ни парадоксально, одновременно и наиболее приемлемое требование для азербайджанского партийного руководства. Если оно согласится на большую демократизацию, оно тем самым подпишет себе смертный приговор. Если же оно поддержит кампанию за возвращение Азербайджану полной власти над Нагорным Карабахом, оно даже может приобрести определенную популярность...»

— А что можно сказать об Армении?

— Думаю, что здесь много однотипных процессов. По моим наблюдениям, процесс борьбы с «демирчяновщиной» явно проходит без должной энергии и последовательности. Не хватает политической и гражданской смелости, широкой консолидации всех здоровых сил. И в этой обстановке Нагорный Карабах — очень удобный случай набрать популярность.

Ну и конечно, своего рода «нарциссовский» комплекс, существующий среди достаточно широких кругов населения, особенно среди интеллигенции, некритическое отношение к собственным действиям, нежелание задуматься над тем, куда ведет дорога этих действий — к храму или к жертвеннику? Почему народ, исконно исповедующий высокую культуру и мораль, в тех же ноябрьских—декабрьских событиях прошлого года скатился до варварской жестокости? Ведь были случаи, сопоставимые даже с Хатынью...

Мне не раз приходилось разговаривать с армянской интеллигенцией на тему прогнозируют ли они, какие последствия для нравственного, психологического здоровья нации могут иметь идеи воспитания, замешанные на концепциях исключительности своего народа, его трагического противостояния вечно враждебным обстоятельствам... Ведь сегодня трудно встретить даже товарищескую пирушку, на которой бы не говорилось вновь и вновь о геноциде и т. д. Даже дети воспитываются в этом ключе, теряя способность беззаботно смеяться.

Я вижу даже по участникам митингов в Карабахе,

как месяц за месяцем угнетается психика населения, как легко появляются на глазах слезы при словах о безысходной судьбе армянского народа, как доверчиво воспринимается любая инсинуация о коварстве врагов. И как на этой почве рождается оголтелый фанатизм!

Не задумываются и о тех последствиях, к которым ведут бесконечные забастовки. Не экономические, а психологические, моральные. А ведь они все заметнее: будто какой-то кривостенный стержень в народе сломался... Безделье не просто разлагает людей, оно губит будущее народа!

— Я знаю, что сейчас забастовка в НКАО прекращена. Но надолго ли? И какие перспективы вы видите дальше?

— Прекращена, но вот именно: надолго ли? Армянское население Карабаха занимает сейчас непримиримые позиции в вопросе о воссоединении с Арменией. Только «миацум»! Любой ценой. Азербайджанское население — и не только НКАО, но республики в целом — настроено еще более воинственно. Лидеры Народного фронта постоянно грозят непредсказуемыми последствиями, за которыми легко проглядывается уголовная политика длинных ножей.

И ни малейшей готовности к компромиссам! Но во что это выльется — очевидно. Тут не поможешь никакими внутренними войсками, тем более при их ограниченных полномочиях.

Решение будет трудным. Но принимать его надо, и без промедления. Вопрос перезрел. И принимать его нужно не под влиянием азербайджанского или армянского фактора, а на принципиальной основе, отраженной в платформе КПСС, в решениях Пленума ЦК КПСС, — на основе идеи о национальном самоопределении.

Безусловно, здесь может быть ряд этапов, учитывающих реалии обстановки. Сейчас, например, я не вижу ничего равноценного особому управлению, временному подчинению НКАО центру. Временному — до того момента, пока не улягутся страсти и нельзя будет решать вопрос в конструктивной обстановке.

Но не будем предвосхищать события. Последнее сло-

во здесь — за Верховным Советом СССР. Его комиссия в ближайшее время выскажет свои предложения. И надеюсь, что это будут не только призывы помириться и подружиться.

«Аргументы и факты» № 39,
30 сентября—6 октября 1989 г

НКАО:

БУДНИ ОСОБОГО УПРАВЛЕНИЯ

В репортаже из Нагорного Карабаха («МН» № 41) мы рассказывали, как военные расчищали дорогу, чтобы вывести с верхних пастбищ около полумиллиона овец. Саперы кончили работу только поздним вечером. Наутро должны были прийти машины с автоматчиками: охранять пастухов и отары. Но на следующий день горная дорога снова была завалена огромными обломками скалы. Опять пришлось гнать сюда технику, взрывать камень и вновь и вновь выслушивать рассказы жителей армянского села Ванк о том, почему они не хотят пропускать принадлежащий азербайджанцам скот. Резоны знакомые: азербайджанцы сами держат в блокаде всю область — продукты приходится завозить по воздуху, нет бензина.

... Убитые, раненые. Захват заложников. Взорваны мост и газопровод на пути в город Шуша. Загрязнен водозаборник степенакертского водопровода. Срежьба из засад. Оружие в цене: по рассказам, автомат меняют на новенький автомобиль. Взрыв на площади перед Комитетом особого управления НКАО. Вооруженная охрана грузов. Для военных выпущены русско-армянский и русско-азербайджанский разговорники. Идет война, которой не дают разгореться сильнее только Комитет особого управления и внутренние войска. А обстановка нагнетается. Азербайджанцы говорят, что 60 тысяч молодых людей готовы подняться по первому сигналу. Записываются в добровольцы армянские мужчины.

И нет доверия друг к другу. В селе Ванк пропал школьный учитель, все уверены — взят соседями заложником. Когда завал на дороге во второй раз расчистили,

подполковник Геннадий Пономарев предложил кому-либо из жителей съездить с нами туда — под охраной, на бронемашине. Никто не согласился. Мы поехали сами и в сельсовете поселка Нарштар попросил о том же: поговорить с людьми из Ванка. Тоже отказ. Составили, правда, протокол импровизированного заседания, скрепив его подписями и печатью: никто учителя не выкрадывал, жить собираемся мирно, как жили. Людей на площади в Ванке это не успокоило. Зато успокоило известие, что азербайджанцы увели скот длинной окружной дорогой, не дождавшись расчистки удобного пути. А ведь потери в отарах будут большие.

— У овцы нет национальных амбиций, — говорит председатель Комитета особого управления НКАО Аркадий **ВОЛЬСКИЙ**, принявший этот сложнейший пост в начале года. — Нужно думать, чем кормить людей. И так уже ущерб для страны с начала конфликта — более миллиарда рублей. Сейчас в магазинах Степанакерта снижаем цены на мясо, но не от хорошей жизни. Это результат блокады Нагорного Карабаха. Невозможно подвезти корма для скота, поэтому приходится резать даже маточное стадо: преступление — потом не будет ничего. Карабах и прежде был нищим, а сейчас у нас тысячи беженцев.

— Но важнее всего решить политическую проблему, определить будущий статус НКАО. Без этого, как показало время, не потушить конфликт, не сохранить безопасность людей. Что будет, если, как потребовал Верховный Совет Азербайджана, упразднить Комитет особого управления?

— Тогда нужно отменять и особое положение, вывести войска. А делать это, считаю, никак нельзя: очень скоро придется их возвращать, но ведь тем, кто погибнет, уже не поможешь. И конфликт может выйти за пределы НКАО.

Думаю, нужно восстановить облисполком и обком партии и Комитету особого управления работать вместе с ними, разделив функции, помогая друг другу.

— А если в Баку на это не согласятся, посчитав, что таким образом ущемляются суверенные права Азербайджанской ССР?

— Необходимо искать общий язык, договариваться,

идти на приемлемые компромиссы. Конституционного суда, чьи решения были бы обязательны для всех, признавались бы всеми, мы пока не создали. Другие пути опять же могут привести к обострению обстановки.

— Предлагалось решить вопрос референдумом.

— Тут снова разногласие. И два заведомо известных результата. Если референдум проводить только среди жителей НКАО, в большинстве армян, результат будет один. Если во всем Азербайджане — другой.

Но пока не удается найти компромиссы и в вопросах — менее важных. Не можем, например, образумить работников телевидения в Шуше. Там стоит ретранслятор, передающий I программу ЦТ на всю область. Шушинцы «салятся» на этот канал и выходят в эфир в самое «смотрибельное» время с разнузданно-бранными текстами и беседами. На днях набрасывались с руганью на члена Комитета особого управления Валерия Сидорова: не понравилось опубликованное интервью с ним.

Пробовали убеждать. Прилетали из Москвы из руководства Гостелерадио. Ставили солдат у студии — здание тут же окружили тысячные толпы людей. Ну не стрелять же. Можно, конечно, НКАО перевести на спутниковое телевидение. Так ведь не смогли договориться. Было подобное и с другой стороны.

Реакционные силы в регионе пытаются организовать политический бойкот перестройке. Но уверен: перестройка придет и сюда — гласностью, демократией, добром и справедливостью.

Опасно нынешнее противостояние в Карабахе. Опасным может оказаться и выстрел, и разнесшийся вдруг слух. Опасны «теоретические рассуждения» тех, кто убеждает, что армянам сейчас выгодно, чтобы пролилась их кровь: это заставит сострадать им участников сессии Верховного Совета страны, повлияет на решение вопроса о НКАО. В напряжении солдаты и присланные сюда из разных милицеских школ курсанты. И понятно то, о чем рассказывал дежуривший в аэропорту майор Станислав Тишкевич. По летному полю наперерез садящемуся самолету мчалась неизвестная легковая машина, водитель на сигналы остановиться не реагировал. Могло произойти что угодно, и полагалось стрелять. Бойцов поощрили за то, что огня они не открыли.

Необходима выдержка. Но и какое-то реальное улуч-

шевые обстановки, прекращение длящейся уже полтора года блокады НКАО. Пока же улучшение в основном на словах. Уже вернувшись в Москву, услышал: по Азербайджанской железной дороге пошли грузы в Нагорный Карабах. Позвонил члену Комитета особого управления Виктору Плисову.

— Пиши,— сказал он.— Принятые меры явно недостаточны. Цистерны с топливом в Степанакерт практически не поступают.

А вот что говорит народный депутат СССР Борис Дадамян:

— Зарегистрированы следующие факты. Один из составов, например, прошел на территорию НКАО, но разгрузить его не успели: представители азербайджанского Народного фронта связались с машинистом по радио, и он задним ходом вернул состав в Агdam. А на днях работники Комитета особого управления решили проверить, где находятся вагоны, о которых было сказано, что они прибыли в Карабах. Их попросту не оказалось, более того, выяснилось, что грузы, числящиеся доставленными, не поступали даже в Агdam.

Если судить по этим фактам, блокада все еще продолжается.

Андрей ПРАЛЬНИКОВ,
спецкор «МН»
«Московские новости» № 45,
5 ноября 1989 г.

БЛОКАДА

АРМЕНИЯ В ЭТИ ДНИ

Эмма Арутюнян руководила приемом беженцев из Азербайджана. Больше года на двери ее служебной комнаты в ереванском аэропорту «Звартноц» висела надпись, извещавшая, что здесь приехавшие могут получить первую помощь — талоны на бесплатное питание. За минувшее время тревожное слово «беженец» стало общим и в Армении, и в Азербайджане: не затихает конфликт между двумя республиками, начавшийся в

феврале прошлого года после решения сессии областного Совета НКАО о выходе из состава Азербайджанской ССР. Не желая жить в повседневном страхе, сотни тысяч людей были вынуждены бросить дома, работу. Призывы к благоразумию оказались бессильными. Даже страшное прошлогоднее декабрьское землетрясение, унесшее десятки тысяч жизней, не заслонило страстей, вызванных проблемой Нагорного Карабаха.

В маленькой комнате Эммы-джан, куда заглядывают поделиться новостями сотрудники аэропорта, сегодня чаще других повторяется слово «блокада».

«Звартноц» работает в напряженном режиме. Горючее для самолетов приходится доставлять в Ереван по воздуху. Начальник смены пассажирских перевозок аэропорта Арарат Саркисян говорит, что транспортный самолет из Москвы сжигает по пути практически столько же топлива, сколько может привезти на борту. Машинам, вылетающим из Еревана, приходится брать минимальный запас, которого только-только хватает до промежуточной посадки в Тбилиси или Минеральных Водах — там идет дозаправка. Обходится такая работа фантастически дорого.

Транспортная схема сложилась так, что большая часть грузов (до 85 процентов) поступает в Армению по дорогам, лежащим через территорию Азербайджана. И когда транспортники этой республики перекрыли железнодорожные и автомобильные пути, Армения оказалась практически отрезанной от страны. Эта акция названа забастовкой, хотя почему-то эмбарго распространяется только на грузы для соседей, остальные перевозки осуществляются как обычно. Основное требование — сохранить статус-кво Нагорного Карабаха, заставить армянское население области отказаться от требований выхода из состава Азербайджанской ССР, заставить Армению прекратить поддержку жителей НКАО.

Блокада держится весь сентябрь. Были попытки решить проблему путем переговоров, и какое-то время казалось, что они приведут к успеху. На три дня перевозки частично возобновились, но потом шлагбаумы снова опустились. Опять пришлось доставлять по воздуху цемент и строительные материалы для работ в зонах,

пострадавших от землетрясения. Сейчас уже нет никакой надежды на то, что к зиме удастся построить намечавшееся количество домов — многим придется по-прежнему жить в палатках. Не могут завершить работу и открыть уже построенный госпиталь специалисты из Норвегии, простирают бригады, посланные на помощь Армении из многих республик и областей.

В Ереване не хватает лекарств. Кроме того, не хватает бензина: даже для машин «скорой помощи» выделяется в сутки лишь по 15 литров. Врачи вынуждены принимать вызовы только в самых тяжелых случаях. Часто им приходится, выслушав по телефону симптомы, советовать то или иное средство из домашней аптечки, и если оно не поможет, звонить повторно: тогда, слив бензин с нескольких машин, выезжают.

Заместитель министра торговли Армении Вааг Саакян сказал, что в республике остался лишь дневной запас дрожжей: если не принять экстренных мер, не на чем будет печь хлеб. Сложно и с мукой, приходится налаживать стоявшие много лет маленькие мельницы в сельских районах. Не хватает сахара, мяса, рыбных консервов, табака. Но продукты из магазинов пока не исчезли.

Хозяйство республики имеет огромные потери. Частично и полностью стоят многие предприятия: нет сырья, склады забиты невывезенной готовой продукцией. Кто возместит ущерб?

— К сожалению, иск предъявить некому, — говорит прокурор Армянской ССР Владимир Назарян, — так как в нашем государстве республики не являются юридическим лицом, которому можно выставить счет. Ситуация, когда одна республика объявляет экономическую блокаду другой, — беспрецедентна. Что ж, значит, нужно учитывать и такое, искать юридические решения и в подобных случаях. Мне представляется, что нужно предусмотреть возможность предъявлять претензии правительству республики, а оно, компенсировав ущерб, вправе обращаться к конкретным виновникам с регрессными исками.

Пока же положение, если бы не его серьезность, можно назвать курьезным. На словах — все за интернационализм и дружбу. Но вот мне пришлось участвовать в переговорах с руководителями Нахичеванской АССР

по поводу разрешения на пропуск через ее территорию хотя бы одного состава, в котором был груз необходимых медикаментов. Председатель Совета Министров автономной республики заявил, что владеет лишь информацией, но не может обязать железнодорожников открыть путь. Решение может принять только Народный фронт, объявивший блокаду.

Приглашенный на переговоры председатель фронта Ильичевского района передал нам меморандум с условиями, на которых может возобновиться доставка грузов. Вот посмотрите.

Общий смысл условий сводится к требованиям извинений Армении за нанесенные Азербайджану «оскорбления», территориальным претензиям, датированным 1924 годом, возмещению убытков азербайджанцам, покинувшим Армению.

У села Ерасх пролегла граница Араратского района Армении и Нахичеванской АССР, входящей в состав Азербайджана. Дорога перекрыта. Шлагбаумы с той и с другой стороны. Раньше тут был пост ветеринарного контроля. Теперь проверяют автомобили тех, кому необходимо все-таки проехать (без крайней нужды никто такой попытки не предпринимает). Военные с той и другой стороны наблюдают за порядком. Но досмотр с азербайджанской стороны ведут не они — люди в гражданской одежде с повязками на рукавах. Поразила сцена, произошедшая при нас: обыскивали армейский автомобиль. Водитель и офицер вышли из кабины и не препятствовали контролерам.

О происходящем в стране и мире в Ерасхе, как и в других районах Армении, сегодня узнают с запозданием. Кончается запас газетной бумаги. Часть изданий приходится возить самолетами из Москвы, из других мест. Была вероятность того, что в республике не выйдут газеты с материалами проходившего в Москве Пленума ЦК КПСС, посвященного вопросам межнациональных отношений, но местные типографии перешли на книжную бумагу и отпечатали тиражи. Таким же образом выходили материалы сессии Верховного Совета Армении, продолжившей работу после перерыва.

Во всех выступлениях депутатов речь, разумеется, шла о блокаде. Хачик Стамболцян говорил о том, что военные, выделив из своих резервов 350 тысяч тонн го-

рючего для республики, больше не смогут помогать транспортникам. Положение все больше обостряется. Необходимо вмешательство центральной власти, поиск решения на открывшейся в Москве сессии Верховного Совета СССР.

Справка Госкомстата Армении об ущербе, наносимом народному хозяйству республики, экономике других районов, связанных с ее предприятиями договорными отношениями, заканчивается словами: «В случае затягивания решения вопроса о снятии блокады практическая деятельность промышленности республики в течение ближайшего периода фактически будет парализована, со всеми вытекающими отсюда последствиями».

Дискуссия на сессии Верховного Совета Армении возникла из-за предложения некоторых депутатов обратиться за помощью в ООН. Еще раньше такое же предложение было обнародовано в областной газете НКАО «Советский Карабах». Эта автономная область практически находится в блокадном положении многие месяцы. На дорогах, ведущих к ней по территории Азербайджана, идет дерманентная «каменная война». Грузы, которые удавалось доставить в Карабах в сопровождении военной охраны, приходили тем не менее разгромленными. Машины не только забрасывали камнями, но нередко и обстреливали. Самое страшное, что продолжают гибнуть люди. Сейчас стало рискованным даже передвижение с конвоем.

Карабаху помогает оказавшаяся теперь и сама в блокаде Армения. В областной центр Степанакерт грузы доставляют из Еревана по воздуху: число ежедневных рейсов увеличено втрое. В аэропорту «Звартноц» нам показали меморандум, подписанный членами первичной организации Народного фронта Азербайджана по Бакинскому аэропорту и адресованный Министерству гражданской авиации СССР и республиканским организациям Армении. В нем предупреждается, что с 25 сентября прекращаются полеты по трассе Баку—Ереван. С целью, — пишут авиаторы, — исключения провокационных и террористических актов армянских экстремистов. Пилоты и служащие «Звартноца» не знают ни одного случая подобных актов. Блокада распространяется и на воздух?

Депутаты на сессии в Ереване поддержали выступление своего коллеги артиста Соса Саркисяна, потребовавшего возбудить уголовное дело против тех, кто организует блокаду. А один из выступавших — Мелик-Пашаев, — извинившись за то, что не знает армянского языка, так как прежде жил в Баку, с болью говорил о тяготах, выпавших на долю армян, не бросивших свои дома, оставшихся в Азербайджане.

На сессии говорилось об аморальности организаторов блокады, ставящей в тяжелое положение людей, переживших землетрясение, потерявших близких, лишившихся крова. Помощь, оказываемая Армении страной, блокирована соседями. Теми самыми соседями, которым тоже знакома проблема беженцев: тысячи азербайджанцев оказались в качестве «лиц, вынужденно покинувших места постоянного проживания». Для работы с беженцами на днях образован даже Государственный комитет Азербайджанской ССР.

Блокада, безусловно, недопустимый способ оказания политического давления. Вне обсуждения то, что она должна быть снята. Но пока вопрос не решен (и для того чтобы он был решен как можно быстрее) — необходима правда о событиях в Закавказье. Замалчивание событий вокруг Нагорного Карабаха, информационная блокада весной прошлого года только накалила обстановку. Не осужденные во весь голос бесчинства в Сумгаите привели к новым жертвам, к вспышкам чудовищной жестокости не только в Азербайджане. Были трагедии Ферганы, Нового Узеня... Были тысячи новых беженцев.

Можно понять обиду рабочих ереванского завода «Арм-электродвигатель», получивших телеграмму от заказчиков из Читы с упреками в том, что из-за их националистических амбиций вынужденно простаивают, несут убытки рабочие в Забайкалье. Товарный двор и склады предприятия забиты готовой продукцией. Ее не на чем вывезти из республики, не на чем доставлять сырье. Об этом необходимо говорить, кричать!

Утром 26 сентября корреспондент «МН» выяснил, что накануне и в ночь с 25 на 26 сентября, по данным Главного управления внутренних войск МВД СССР, из Азербайджана в Армению вышли 12 составов со строи-

материалами и 1—с продовольствием, но в Армению пришли только 9 составов со стройматериалами.

Открывая вторую сессию Верховного Совета СССР, Михаил Горбачев сказал, что оставлять этот регион в нынешнем состоянии нельзя. Если дело не примет стабильный характер, по его мнению, правительство СССР вместе с республиканскими органами должно внести Верховному Совету СССР конкретные предложения об исчерпывающих мерах по развязыванию этого узла. Посмотрим день-два, отметил Председатель Верховного Совета СССР, пусть правительство будет готово, чтобы при необходимости доложить свои предложения.

Авет ДЕМУРЯН,
Андрей ПРАЛЬНИКОВ,
спецкоры «МН»

Ереван.

«Московские новости» № 40,
1 октября 1989 г.

БЛОКАДА...

Маяковский утверждал, что уже следующему за ним поколению придется прибегнуть к толковому словарю, дабы постичь смысл таких слов, как «протитуция», «туберкулез», «блокада». Увы, доньше обходимся без словарей...

Я помню, как сплошь и рядом цитировался Маяковский во дни «карибского кризиса», экономической блокады Кубы. Помню Вьетнам и Чили: слова «блокада» и «агрессия» шли через запятую...

Даже моей жизни мне не хватает вспомнить, как менялось и в глубине, и в резкости, и в освещенности мелких деталей наше знание о блокаде Ленинграда. На излете эпохи застоя казалось: большего, чем сказано в «Блокадной книге» Адамовичем и Гранинным, не скажешь. А потом появилась в «Знамени» «пропущенная глава» о Косыгине; а потом — документы о спецрейсах, регулярно привозивших в сорок втором — сорок третьем

«отцам города» и персики, и сгущенку; а теперь еще и фотографии из спецхрана, на которых кондитеры колдуют над пирожными к столу этих самых «отцов» осенью 41-го...

Фотоснимки напечатаны в журнале в тот же день, когда в газетах помещен был отчет о пресс-конференции народных депутатов от Армении.

Я сразу оговорюсь: и в уме не держу каких-либо параллелей, и ни с кем не хочу сравнивать тех азербайджанских железнодорожников, которые, по словам министра путей сообщения СССР, «вышли из повиновения». Слишком сегодня высока цена слова, чтобы так запросто словами пробрасываться. Тем более что я, в дни землетрясения оказавшийся в Азербайджане, прилетевший на самолете с одеждой и лекарствами для детей — беженцев «с той стороны», видел не только взрослых со значками с портретом Хомейни, но и детей, собиравших посылки своим сверстникам — жертвам стихии.

Я хочу другую параллель провести.

Умирал от голода Ленинград, и за одно лишь упоминание об этом в частной беседе человек мог схлопотать 10 лет. Сегодня блокада Армении — и тот же заговор молчания! Только в самые последние дни, накануне открытия сессии Верховного Совета СССР, факты преданы гласности. Ну почему, почему не раньше?!

Блокада... Страшно: все святое в человеке блокировано политическим азартом. Будем трезвы: принятое постановление — еще не прорыв блокады. Блокировать зло — труднее, чем восстановить движение поездов.

Я не знаю, как будут распутывать дальше кровотокающий клубок народные депутаты. Но я знаю, что слово «блокада» имеет и второй — медицинский смысл. И коли болезнь зашла так далеко, коли в ослеплении своем люди посмели обречь на голод, болезни, зиму под открытым небом — уже вторую зиму! — тысячи и тысячи детей, — промедление и впрямь смерти подобно!

Я здесь только от себя могу говорить — от первого лица, на мой личный взгляд. Мне жалко ваших детей, железнодорожники Азербайджана. Да и вас жалко, ибо зло, посеянное вами сегодня в их душах, к вам же и

вернется сторицей. Опамятуйтесь! Вы еще в силах это сделать.

Михаил ПОЗДНЯЕВ
редактор «Семьи» по отделу
культуры и просвещения
«Семья»
№ 41, 1989 г.

КОНЕЦ БЛОКАДЫ?

Дорога Ереван—Баку всегда была дорогой проблем. Есть здесь перегоны, где справа по ходу прямо к рельсам подступают скалы, а слева — граница с Ираном. Многое предусмотрено: специальные навесы для защиты от камнепадов, пограничные столбы с колючей проволокой в двух метрах от полотна. Но не были предусмотрены, да и нельзя предусмотреть приспособления от междоусобиц. Конфликт между соседними республиками поделил экстерриториальную однопутку на четыре части (см. карту): около 400 километров от Баку до границы с Мегринским районом Армении, через 46 километров — снова Азербайджан, Нахичеванская АССР (202 км) и снова Армения, прямая дорога, по которой проходит три четверти всех грузов на Ереван. Эти подробности нужно знать, чтобы понять, как проходила блокада: забудутся ли они теперь, когда поезда в Армению пошли и наступил конец блокады?

Блокада началась около месяца назад. Тогда впервые на политической карте проступили железнодорожные границы республик. Дорога официально оставалась азербайджанской и азербайджанские железнодорожники по приказу Народного фронта республики отказались перевозить грузы в Армению. С тех пор лидеры фронта приоткрывали шлагбаум, пропуская по несколько составов, — прорывы приходились на дни, когда в Кремле обсуждался вопрос о введении на дороге чрезвычайного положения. Последним днем блокады на сессии Верховного Совета СССР было названо девятое октября. Прилетев в Баку 9-го, мы проводили девяностый поезд в Ереван: четыре дня назад НФА отказался от предъявленных Армении политических требований, переделегировав их правительству республики. Блокада была снята. Серьезные решения, таким образом, дали серьезные результаты.

КОНФЛИКТЫ РАЗРЕШАЮТСЯ

Немногие газеты успели выйти с оптимистическими сообщениями, когда появилась новость: на армянском перегоне мегринские бородатые боевики обстреливают поезда. Машинисты отказываются ехать. Движение может остановиться. Ужасные слухи, рассказы очевидцев и как круги по воде — домыслы вокруг фактов. Невероятных и пока не подтвержденных документально: армяне нападают на поезда, идущие в Армению!

— Не так уж это невероятно, — утверждал член правления НФА Хикмет Гаджи-заде. — Армянам выгодно казаться обиженными. Они хотят, чтобы поезда не ходили и к нам ввели войска. Впрочем, я не исключаю, что это просто стихийная реакция на стресс.

Реакцией союзного правительства было введение внутренних войск — около 200 человек — в Армению для охраны 46-километрового мегринского участка. Туда же прибыл первый заместитель начальника внутренних войск МВД СССР генерал-лейтенант Борис Смыслов. 11 октября его и должностных лиц из Еревана — начальника политотдела МВД Армении Рафаэла Асланяна и замначальника республиканского ГУВД на транспорте Заура Гаспаряна — мы встретили в Мегринском райкоме партии.

— Ну, подумайте сами, — говорил первый секретарь райкома Роберт Меграбян, — как могут армяне стрелять в поезда, идущие в Ереван, зная, что республика задыхается без продовольствия, топлива, жилья для зоны бедствия? Я допускаю, что кто-то мог кинуть камень в идущий состав — дураков не переловишь. Но десятки случаев обстрела, как сейчас говорят...

Заур Гаспарян предлагал, чтобы, кроме двух вооруженных солдат, каждый поезд сопровождала транспортная милиция: по крайней мере информация охраны могла бы опровергнуть слухи. Азербайджанские коллеги поддержали, но, по словам Гаспаряна, большинство машинистов отказалось от помощи. Впрочем, точную информацию, если предпочесть ее слухам, можно получить у транспортного прокурора Азербайджана Ахмеда Алекперова. По его данным, прокуратура ведет следствие только по трем случаям нападения на составы в Мегринском районе. Ни в одном из них применение огнестрель-

ного оружия не доказано. Скорее всего в поезда летели камни.

Экономия времени, мы добрались в Мегри по автодороге. И правильно сделали: поезд, в который мы могли бы сесть в Баку, сюда не доехал. Движение остановилось. Почему?

Накануне в Мегри обыскивали грузовик из села Ньюады (последнее азербайджанское село на территории района, около 800 жителей). Обнаружили два самодельных взрывных устройства, завернутых в бакинскую газету «Вышка», и задержали водителя-азербайджанца. Через несколько часов жители Ньюады остановили пассажирский поезд Ереван—Баку. Обошлось без эксцессов; армянских пассажиров, которые могли бы стать заложниками, спрятали пассажиры-азербайджанцы. Еще через несколько часов по команде НФА поезда встали. Из кабинета Меграбяна я позвонил в Баку, в стачечный комитет (он не прекратил работу после окончания забастовки).

— В Мегри захвачены шесть машинистов, — ответили оттуда. — Пятерых уже отпустили. Когда отпустят последнего, откроем дорогу.

Я видел реакцию сидевших в кабинете, шлагбаум, поднятый колоссальными усилиями, опустился легко и привычно — только из-за того, что кто-то не смог или не захотел проверить факты. Это очень расстраивало, но не слишком удивляло. Лидеры НФА и не пытались представить окончание забастовки победой здравого смысла, признанием недопустимости блокады как средства политического давления. И не особенно скрывали, говоря со мной, что движение восстановлено вынужденно, под угрозой чрезвычайных мер. Поезда в тот день пошли, не дожидаясь освобождения задержанного шофера, после беседы представителей фронта с представителями власти — начальником внутренних войск МВД СССР Юрием Шаталиным и первым заместителем министра внутренних дел Василием Трушиным. Версия о захваченных машинистах отпала. И впервые пошло топливо: из 1364 вагонов, отправленных в Ереван, 71 цистерна (21 с бензином, 5 с дизельным топливом и 45 с мазутом). Вмешательство сил беспристрастных и заинтересованных только в разрешении конфликтов оказывалось действенным.

Единственное, что пока не удается победить никому, — это слухи.

Мы поехали из Мегри в сторону Баку на пассажирском поезде и еще раз пересекли — обратно — территорию района на грузовом. Впечатления подкрепили кураторские данные: в этот день происшествий не было.

Минут 20 от Мегри до приграничного Ордубада. И внешне в жизни людей не должно быть большой разницы. По карте видно, что невозможно блокировать Армению, не блокировав при этом Нахичеванскую автономию (где, кстати, первыми поддержали призыв к забастовке). И здесь через месяц должны были быть заметны все признаки дефицита. Но ни в Ордубаде, ни в Джульфе, ни в самой Нахичевани мы не увидели привычных сейчас для Армении очередей за бензином и продуктами. Объяснение есть: за время блокады через армянский участок мимо Мегри беспрепятственно прошло около 200 поездов на Нахичевань. Есть еще одна версия, привезенная нами из Мегри: в Джульфе и Нахичевани от составов, следующих на Ереван, отцепляют вагоны с тем, что нужно Нахичевани. Мы не нашли подтверждения этим слухам.

В поезде, на котором мы приехали в Джульфу, 52 вагона: 45 со стройматериалами, домиками для пострадавших от землетрясения, остальное — строительная техника. Состав был сформирован в Баку, и до самого Ильичевска — последней крупной азербайджанской станции — от него не отцепили ни одного вагона. И ничего не добавили, если не считать двух мертвых собак, брошенных на бетонную плиту в открытом вагоне. Здесь же, в Джульфе, нам показывали станционные документы с доказательствами сохранности грузов, подкрепляя их почему-то фотографиями простреленных тепловозов. «Поезжайте в Мегри, — говорили нам, — напишите, что армянские экстремисты получают из-за границы оружие, хотят с боем взять Нахичевань. Они хотят создать «Великую Армению» с границами до Воронежа, у них уже выпущена такая карта». Я слушал десятки новых подробностей и детальных рассказов о том, что происходит в Армении. Но никто, ни один человек не назвал источник этой убийственной информации, не сказал, где

можно найти эту карту, действительно ли рисовали ее в Армении...

Как рождается слух? Недавно в Мегри приехал из Джульфы работник КГБ с точными сведениями: на железной дороге положена мина. Пошли искать, и точно в указанном месте, правда метрах в шестидесяти от полотна нашли под камнем взрывное устройство с обгоревшим фитилем. Оцепили район, вызвали саперов, те разобрали стальной снаряд. Он оказался доверху набитым металлической стружкой. Но в сводку «оперативных слухов» эта важная подробность не попала, через неделю все еще говорили о бомбе, которая должна вот-вот взорваться.

... Суточная пропускная способность в Нахичевани — более 20 поездов в каждую сторону. С начала железнодорожных суток — с 18 часов — наш состав был девятнадцатым. И одним из 27, прошедших в этот день через Ильичевск на Ереван. Только завтра, тринадцатого, всплывут в железнодорожных сводках несколько часов мегринского простоя: всего 20 составов, 166 вагонов.

Еще один слух — из категории самых опасных, потому что пущен был министром путей сообщения по Центральному телевидению: «Азербайджанцы садятся на рельсы и не пропускают поезда», — заявил министр, так объясняя полную неподвластность Азербайджанской железной дороги министерству. Такого не видели не только мы, но и все, кого можно считать нейтральными наблюдателями: военнослужащие, специалисты из МВД СССР. Для каждого, кто хоть немного разбирается в ситуации, абсурдность заявления очевидна: азербайджанские железнодорожники беспрекословно действуют в русле политики НФА. (Доведенной до них же не экстремистскими акциями, а в форме приказов). Но очевидна и опасность заявления в ситуации, когда неосторожного слова достаточно, чтобы остановить дорогу.

В Ильичевске локомотив отцепили. Скоро со стороны Еревана должен подойти электровоз с армянской бригадой и армянским милиционером-сопровождающим. А пока есть время, чтобы подвести итоги многокилометрового пути.

По мнению представителя Главного управления внутренних дел на транспорте МВД СССР Александра Ки-

ганина, хищения и порча грузов, доходящих до Ильичевска, не превышают общие цифры по стране:

— Поломанные домики? Но их могли поломать там, откуда они доставлены — в Казахстане, в России. Армянская сторона жалуется, что наливные цистерны часто приходят пустые или заполненные наполовину. Это проверить очень трудно, замерная техника несовершенна. И потом, в Ильичевске есть пункт коммерческого осмотра, где сохранность грузов должны проверять и получатели — армянские железнодорожники. Здесь их нет...

У нас не было возможности проверить слова специалиста. Думаю, армянские контролеры, приехав сюда, тоже не смогли бы повлиять на ситуацию, когда количество топлива в цистерне «невозможно измерить». А варварски изуродованные (а не просто разукомплектованные) в «России» домики не должны были принимать азербайджанские контролеры в Баку.

Прицепили локомотив. Теперь, пропустив встречный состав, машинист Мартын Саакян поведет свой в сторону Арарата — первой крупной армянской станции.

— Да, здесь блокады больше нет, — говорит он. — У нас не было конфликтов с азербайджанскими бригадами, поезда вышли на нормальный график движения. Но у нас, в Армении, блокада по сути остается. Мы привезли туда очень нужную технику, но она стоит — нет топлива. Так какая разница, где ей стоять? Да, давление на нас прекратилось, но ситуация по-прежнему остается напряженной...

По моим наблюдениям, напряжение не спадает. На автомобильной границе Ордубадского и Мегринского районов, где в отличие от рельсового пути шлагбаум не поднимался надолго уже несколько месяцев, каждую ночь дежурят усиленные пикеты жителей. С азербайджанской стороны в деревянном сарае мы встретили милиционера, главврача местной больницы, анестезиолога, терапевта и еще человек пять добровольцев. Здесь следят, чтобы из Армении не прошли вооруженные экстремисты, а в Армению — оружие для них. Здесь открытые семафоры не считают симптомом мирного будущего. Народный фронт Азербайджана строит здесь для своей заставы долговечный и крепкий каменный домик...

17 октября. Со дня снятия блокады на Ереван прошло почти 600 составов, около 500 вагонов с продовольствием и больше 1000 наливных цистерн.

ЛЕОНИД МИЛОСЛАВСКИЙ,
спец. корр. «МН»
«Московские новости»
22 октября 1989 г.

БЛОКАДА ПРЕКРАЩЕНА — СЧИТАЕМ ПОТЕРИ

На днях руководство Азербайджанской железной дороги сообщило об открытии движения поездов на Армению и Нагорный Карабах. Закончилась многомесячная блокада республики и автономной области, однако ее последствия продолжают сказываться на ритме железнодорожных перевозок.

О том, как ликвидировать потери, наладить нормальный график движения, корреспонденту «Известий» Ф. Иванову рассказывает первый заместитель начальника железной дороги И. Мелкадзе.

— Во время блокады нам приходилось жертвовать грузами, предназначенными для самой Грузии, оставлять их на промежуточных станциях, запасных путях. Сейчас на участке от Сочи до Тбилиси скопилось около 60 таких «брошенных» составов, примерно 3 тысячи вагонов. Все это не могло не сказаться на обеспечении республики. В Грузии возникла напряженная ситуация с топливом, в самом Тбилиси очереди за бензином растягиваются за километры, отмечены сбои рейсов Аэрофлота. Из-за нехватки горючего пришлось отменить все вылеты из Тбилиси 30 ноября. Через день положение удалось выправить, но и сейчас самолеты летают с дозаправкой в Ростове или Краснодаре.

За время блокады из-за простоев вагонов Закавказская железная дорога потеряла 10 миллионов рублей — сумма, которую до конца года восстановить, конечно, не удастся. Кто пострадает от этого? Прежде всего сами железнодорожники. Перейдя на хозрасчет, мы планировали увеличить объемы строительства жилья, детских садов, больниц в два-два с половиной раза. Но с такими

потерями эти планы нам теперь не по плечу. Уже не о жилье речь — важно разгрузить дорогу, ликвидировать пробки.

Тбилиси.

«Известия», 13 декабря 1989 г.

ПРОБЛЕМЫ ОСТАЮТСЯ

Составы с грузом для Армении, задержанные по призыву Народного фронта Азербайджана на территории этой республики, постепенно начинают получать зеленый свет. Как сообщил на пресс-конференции заместитель министра путей сообщения СССР В. Бутко, за последние пять дней в Армению передано 7.190 вагонов с продовольствием, горючим, сборными домиками для жителей районов, пострадавших от землетрясения. Теперь остро встал вопрос с их разгрузкой — только в пределах Ереванского отделения скопилось 4.875 вагонов. А вот в НКАО составы с продовольствием и нефтепродуктами по-прежнему не пропускаются. Тревожным остается положение с сохранностью грузов для Армении — за последнюю неделю на Закавказской и Азербайджанской железных дорогах совершено хищений на сумму более 23 тысяч рублей.

Определенная активизация грузопотоков в Закавказье позволила несколько разрядить обострившееся положение на железных дорогах страны в целом. Уменьшилось количество поездов, простаивающих из-за нехватки локомотивов. Однако только на западной границе замерли 230 составов с импортными товарами. Всего же ежедневно простаивают невыгруженными 25 тысяч вагонов. Для нормализации положения, заявил Бутко, железнодорожникам потребуется 35—40 дней. Если, конечно, не возобновится «силовое давление».

Получат ли железнодорожники эту «мирную передышку»? Заместитель министра путей сообщения СССР Л. Пингарев, вернувшийся из Азербайджана, сказал, что гарантий нет. Составы для Армении останавливали (и продолжают задерживать) группы, как он выразился, «чужестранцев», организованные Народным фрон-

том Азербайджана, которые дежурят на ряде железнодорожных станций круглосуточно. Сами железнодорожники в массе своей в подобных акциях участия не принимают. Наоборот: в МПС поступают коллективные телеграммы и письма, в которых железнодорожники выражают обеспокоенность резким падением зарплаток из-за простоев.

Недавно принятое Верховным Советом страны постановление о чрезвычайных мерах пока не дает должного эффекта. Организаторы железнодорожной «блокады», ущерб от которой исчисляется миллионами рублей, пока чувствуют себя в полной безопасности. Народный фронт Азербайджана пригрозил новыми забастовками, если собранные следственными органами материалы будут переданы в суд.

Верховному Совету страны, видимо, придется продумать действенную систему мер и санкций, в том числе экономических, которые позволили бы оградить общество от подобного экстремизма. Но в МПС, наверное, необходимо пересмотреть действующую систему грузоперевозок так, чтобы локальные конфликты, ставшие, увы, не редкостью, не оказывали бы существенного влияния на транспортировку грузов в других регионах страны.

Е. ПЕСТРУХИНА

«Труд» 17 октября 1989 года

НКАО: СОБЫТИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

Мы, сотрудники Всесоюзного научно-исследовательского института (Ленинград), внимательно следим за событиями, разыгравшимися в Нагорно-Карабахской автономной области, а также в Азербайджанской ССР и Армянской ССР, начиная с 20 февраля 1988 года, когда внеочередная сессия Совета народных депутатов НКАО приняла решение о ходатайстве перед Верховным Советом СССР и Верховными Советами Азербайджанской ССР и Армянской ССР об уважении конституционного права армянского народа автономной области на

самоопределение. Бросается в глаза то, что вместо демократического решения этого поднятого на конституционной основе вопроса пущены в ход беспрецедентные в мировой практике методы силового давления, попытки дезинформировать общественность страны и всего мира путем намеренного искажения сущности таких фактов, как геноцид армянского населения в г. Сумганте 27—29 февраля 1988 г. и последующих событий вплоть до злодеяний последних дней, как, например, убийство офицеров советской милиции Андрея Михайловича Тюгаева и Сергея Васильевича Габы на глазах представителей правоохранительных партийных и исполнительных органов Агдамского района Азербайджанской ССР 18 сентября 1989 года.

Это нанесло и продолжает наносить урон авторитету Советской власти на международной арене, не говоря о том, что значительно усугубляет кризисную ситуацию в экономике не только Арцаха и Армянской ССР, но и всей страны. А все вместе это приводит к нигилистическим настроениям народа, и, прежде всего, армянского, который вправе требовать справедливого решения данного вопроса.

Всякие варианты так называемых «компромиссных решений вопроса» не что иное как ущемление интересов армянского народа, то есть принципа справедливости. Единственный допустимый временный вариант компромисса — это немедленный вывод области из подчинения Азербайджанской ССР и передача ее под управление центральной власти СССР до проведения в Нагорном Карабахе референдума с целью определения воли большинства населения области.

Дальнейшее искусственное затягивание решения вопроса является совершенно недопустимым, поскольку реально мы уже сейчас находимся на грани позорной межнациональной войны, с последствиями более страшными, нежели войны по защите Отечества от врагов внешних.

Мы просим Верховный Совет СССР безотлагательно решить вопрос НКАО на основе результатов всенародного референдума в НКАО, то есть по принципу справедливости, а именно признания безоговорочного права нации на самоопределение, в рамках Советской равноправной федерации.

Зав. отделением, доктор г. м. н. Харламов М. Г., зав. сектором НРС Соколов Р. И., зав. сектором, доктор г. м. н. Шувалов Ю. М., старшие научные сотрудники доктор г. м. н. Абрамович И. И. и Корень Т. Н., доктора г. м. н., профессора Тафеев Г. П. и Алейников А. Н., зав. кафедрой ЛГУ, доктор г. м. н. Попов А. В., зав. отделом литологии Предтеченский Н. Н., зав. отделом, доктор г. м. н. Соловьев В. В., зав. сектором, доктор г. м. н. Богданов Ю. В., зав. лабораториями Багдасаров Э. А., и Кашик Д. С., ведущие научные сотрудники, доктора г. м. н. Котляр Г. В., Ильинский Ю. В., Романовский С. И., Иванов Н. В., Попов В. Е., Глезер З. И., Бутрова Э. М., Яркин В. И., Власов Н. Г., старшие научные сотрудники, кандидаты г. м. н. Кропачева Г. С., Заморуев В. В., Семериков А. А., Трусова Е. К., Конилов А. З., Ганелин В. Г., Васильев И. В., Милыптейн Д. М., Авров Д. П., Кочин Г. Г., Тарноградский В. Д., Тихомиров С. Н., Коваленский О. П., Зуев А. В., Учителева Л. Г., Атабекян А. А., научные сотрудники Пропина Г. П., Козырева И. В., Белова М. Ю., Цветков В. П., Вукс В. Я., инженер I категории Слободинский Д. В., ведущий инженер Шмидт А. О., геолог Ярошенко Р. Н., лаборант I категории Миклухо-Маклай О. А., старший редактор Всесоюзной геологической библиотеки Тихомирова Н. Я., старший инженер Зимогорская П. П., зав. машбюро Харкевич Д. С., машинистка Суворова Е. П., сотрудники производственного отдела Кузуб В. А., Еремеева Л. М.

«Советский Карабах», № 247
«Коммунист» 11 ноября 1989
года, № 260.

ДЕПУТАТАМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Принятый Верховным Советом Азербайджанской ССР 5 октября 1989 г. закон о суверенитете республики в значительной мере копирует аналогичные законы других республик, однако содержит и ряд положений, со-

вершенно не учитывающих кризисное реальное состояние этнических, социальных, политических и экономических проблем в Азербайджане. Это особенно бросается в глаза на фоне принятого 3 октября с. г. Постановления Верховного Совета СССР «О неотложных мерах по обеспечению бесперебойного функционирования железнодорожного транспорта и базовых отраслей народного хозяйства».

Как специалисты-геологи, многие годы проработавшие со своими армянскими и азербайджанскими коллегами на территории Закавказья, в том числе Карабахе (Арцах), мы хорошо знакомы с этнической и социально-экономической обстановкой в регионе.

Принятие конституционного закона о суверенитете Азербайджанской ССР, по существу не гарантирующего прав автономных образований, вызывает огромную тревогу у нас как граждан Советского Союза. Пункт о полной законодательной, исполнительной, административной и судебной власти, осуществляемой Азербайджаном на всей территории республики, включая Нагорный Карабах, — это демонстрация полного пренебрежения пусть к несовершенному, но все-таки компромиссному варианту, который представляет собой Комитет особого управления НКАО. Этот закон попирает право населения автономной области на самоопределение — воля безусловного большинства населения НКАО была выражена в решении областного Совета народных депутатов в феврале 1988 года, и подтверждена в августе 1989 г. Съездом народных представителей Нагорного Карабаха, создавшим Национальный совет для руководства областью.

Возможно, немедленное (в марте 1988 г. после сумгаитского погрома) компромиссное решение Президиума Верховного Совета СССР о выводе НКАО из состава Азербайджанской ССР и подчинении областного Совета народных депутатов непосредственно Верховному Совету СССР смогло бы спасти регион от углубления противоречий. Такое решение и в современной обстановке столь далеко зашедшей конфронтации, ежедневно грозящей перейти в братоубийственную гражданскую войну, по нашему мнению, было бы разумным компромиссом. Хотя, конечно, решающее слово в этом вопросе должно принадлежать населению НКАО.

ИНТЕРВЬЮ С АНДРЕЕМ САХАРОВЫМ

(из газеты «Монд», Франция; от 30 сентября 1989 г.
Беседу вели Жак Амалрик и Мишель Татью. Перепечатано в газете «Гракан терт», («Литературная газета») от 3 ноября 1989 г.)

Во всяком случае ясно одно: сохранение подчинения Нагорного Карабаха республиканским властям Азербайджанской ССР, которые не дали правильной оценки сумгаитским и кировабадским событиям, которые неспособны, или не желают деблокировать НКАО и нормализовать железнодорожное и автомобильное сообщение с соседними республиками, является антигуманным и может привести к неисчислимым жертвам с обеих сторон и даже к полному физическому уничтожению армянского населения в Карабахе. Такое положение недопустимо в нашем многонациональном советском обществе.

Считаем совершенно необходимым решить на ближайшем заседании Верховного Совета с участием членов Комитета особого управления и Национального Совета Нагорного Карабаха вопросы: 1) о восстановлении в НКАО действующих областных органов Советской власти и непосредственном подчинении их Верховному Совету СССР; 2) о последующем самоопределении Нагорного Карабаха на основе референдума среди его населения; 3) о полном снятии блокады и обеспечении безопасности граждан обеих сторон.

Старший научный сотрудник ВСЕГЕИ, кандидат геолого-минералогических наук **Остроумова А. С.**, старший научный сотрудник, кандидат г. м. н. **Центер И. Я.**, ведущий научный сотрудник, кандидат г. м. н. **Рыбаков М. Б.**, ведущий научный сотрудник, доктор г. м. н. **Павлова И. Г.**, научный сотрудник **Якубович В. С.**, научный сотрудник **Кутырева М. И.**, начальник методической партии ЦОМЭ **Литвак И. И.**, старший научный сотрудник, кандидат г. м. н. **Зеленугин В. Н.**, старший научный сотрудник **Кронидов И. И.**, инженер I категории **Кузнецова Г. И.**, геолог **Масютина С. А.**, инженер **Панфилов В. А.**

Всесоюзный ордена Ленина научно-исследовательский геологический институт им. А. П. Карпинского (ВСЕГЕИ)

«Советский Карабах»,
14 ноября 1989 г.

Корр: Ваше мнение о межнациональных столкновениях в Вашей стране.

А. Сахаров: Я солидарен с позицией прибалтийских народов в данном вопросе: согласно ей необходимо принять новую конвенцию, которая заменила бы принятую в 1922 году. Мы должны отказаться от существующих по сей день понятий типа: союзная республика, автономная республика, автономная область и т. д.

Необходимо найти такую территориально-структурную единицу, которая исключила бы любую форму неравенства и эксплуатации.

Особенно трагично положение Нагорного Карабаха. Проблема Карабаха возникла тогда, когда благодаря циничной сделке эта область была силой присоединена к Азербайджану. Это преследовало цель: повысить роль мусульман в стране (учитывая такое соседство, как Турция и Иран). С первого же дня революции Москва уделяла большое внимание мусульманам, намерзаясь с их помощью распространить революцию на Востоке. В Турции поддерживался режим Ататюрка, в стране покровительствовали мусульманам. Десятки лет слово «христианин» вообще не произносилось. Горбачев сам настроен проазербайджански.

На начальном этапе проблема Карабаха могла быть урегулирована административным, конституционным путем, на основе права на самоопределение. Но было объявлено, что воссоединение с Арменией противоречит Конституции, которая предусматривает неизменность границ. Но ведь этот принцип Конституции вторичен по сравнению с правом наций на самоопределение.

Необходимо было с самого начала ввести войска МВД в Карабах, что дало бы возможность принять решение в спокойных условиях. Но эта возможность была упущена. Более того, Комитет особого управления (разумное начинание) был сформирован в Нагорном Карабахе только в начале 1989 года, в то время как это не-

обходимо было сделать еще летом 1988 года, когда начались погромы, различные провокации.

Параллельно многотысячным митингам в Баку разгорались страсти. Народный фронт, сформированный недавно в Азербайджане, имеет экстремистскую окраску. Имели место акты насилия с обеих сторон, хотя мы имеем дело здесь не со спорной проблемой между двумя республиками, а с проблемой самоопределения армянской части населения Нагорного Карабаха. Все остальное — это не что иное, как политические интриги и провокации. Сегодня конфронтация приняла чрезвычайно опасный оборот. Когда после землетрясения я приехал в этот регион, то узнал, что азербайджанцы говорят: «Аллах покарал их...» Сегодня Армения блокирована, транспортные средства стоят; перекрыта даже питьевая вода для армянского населения Карабаха.

Страшная угроза нависла и над армянскими областями, которые примыкают к Карабаху, но находятся за его пределами, то есть на территории Азербайджана, — над Шаумянским и Ханларским районами. В Баку сожгли дотла дома малочисленной группы армян, еще находящейся там; в Азербайджане дошли до того, что отказывают больным армянам в медицинской помощи.

«В АРМЕНИИ МЕНЯ ВОЛНУЕТ ВСЕ...»

Михаил Александрович Дудин снова в Ереване. Его взгляд и сердце прикованы к Армении, к Карабаху, к тайне стойкости небольшого народа. Он не просто интересуется событиями, он живет ими, стремится проникнуть мыслью и ощутить нервом. Это изначальное равнодушие поэта обрело форму и силу в стихах об Армении, переводах из современных армянских авторов. И если мы сейчас ищем модель высокой культуры национальных отношений, то думается, прежде всего о высокой роли М. Дудина в утверждении этой культуры.

Недавно Михаил Александрович вернулся из Карабаха. Наш корреспондент попросила его ответить на некоторые вопросы.

— Михаил Александрович, как Вы думаете, почему уже в зрелые годы Советской власти, которая провозгласила равенство и уважение ко всем народам, столь остры вспышки национальной розни?

— Потому, наверное, что забывались какие-то простые принципы человеческой жизни. Очень много было голословного. Фундамента под этой голословностью было мало. Он был зыбким. Возьмем хотя бы Армению. Здесь почти восемьдесят лет назад все перекоरेжили, поставили вверх ногами. После геноцида 1915 года народу не хватило сил противостоять этому. Проблемы были загнаны вглубь, но не исчезли. Национальный вопрос, бурно дискутируемые проблемы национальных языков встали так остро именно потому, что все мы так долго находились под гнетом сталинской национальной политики. Любое напоминание о национальном самосознании, национальной культуре объявлялось национализмом.

— Отсюда, очевидно, и деформации «великой» дружбы народов...

— Да, конечно. Но рано или поздно тайна раскроется — Земля ведь круглая, на ней ничего не скроешь. И что мы увидели? Вот строили, строили Вавилонскую башню, а она на наших глазах стала распадаться. Кирпичи летят на нас, строителей, на тех, кто тащил кирпичи, а не на архитекторов. Ошибка была не только в ходе строительства, но уже в выборе фундамента. Но человек упрям. Вы помните легенду о Сизифе. Боги приговорили его поднимать огромный камень на вершину горы, откуда эта глыба неизменно скатывалась вниз, а он опять поднимал ее на вершину. Вот так и человек. Он все равно будет тянуть ее вверх, на вершину и ничего с этим не поделаешь. Он будет тянуть до тех пор, пока перед ним не откроется суть вселенской гармонии. Одной борьбы за вершину достаточно, чтобы он почувствовал себя счастливым.

Важна, наверное, не столько истина, сколько путь к истине. И чем истина дальше, тем целенаправленнее путь к ней. А то, что сейчас происходит, — это ведь тоже путь к истине, поиску счастья, путь к наполненности жизни, к поиску своего места в великой гармонии мира. А гармония всегда соседствует с хаосом.

Всеми проблемами взаимоотношений между народами мы занимались формально, как и многими другими

делами. Только внешняя сторона нас волновала. Я глубоко убежден, что нет плохих народов на земле. На празднике жизни все народы одинаковы. Но, к сожалению, от сволочей, от деспотов, дармоедов еще не освобождался ни один народ. И он часто попадает под власть деспотов, проходимцев. Может быть, мало чувства ответственности за свою душу? Вот, когда я впервые прочел Нарекаци, понял ту истину, что познание — это величайшая ответственность, дарованная человеческому разуму. Знаю — значит, отвечаю. Нарекаци поставил на высокую ступень вот это великое, морально нравственное назначение искусства. Кстати, скоро его тысячелетие и надо исподволь готовиться к этому празднику человеческой души и провести его достойно. Потому, что личность и наследие Нарекаци — этого удивительного монаха — достойны того, чтобы просвещать и современно-го человека, научить его ответственности. Все разговоры Нарекаци с богом — это не только покаяние. Хотя что такое покаяние? Это отбрасывание ненужного опыта. Вот что делает Нарекаци очень интересным.

— Вы на днях снова побывали в Карабахе. Поделитесь, пожалуйста, вашими впечатлениями.

— В прошлый раз Степанакерт показался очень оживленным, многолюдным. Тогда много было беженцев из Сумгаита, Баку. Их старались устроить. Все были взволнованы, ошеломлены сумгаитскими событиями — было много боли в глазах людей, невысказанности. А сейчас — очереди за хлебом... Комментарии к этому излишни. Но день нашего приезда был хорошим: пришло несколько вагонов муки и для города выделили два, а остальные — по всему Арцаху. Но несмотря на это, я убедился: вера карабахцев в осуществление своих намерений — присоединиться к Армении — обрела новую силу, и поколебать ее невозможно. С каким мужеством они отстаивают свое право не верить в директивную ложь!

С наступлением темноты улицы пустеют, только едут патрульные машины, готовые по первому сигналу бедствия прийти на помощь. Сюда также, как и на станцию «Масис», приходят распотрошенные вагоны со сломанными пломбами. Соседи хотят задушить блокадой непо-

корных карабахцев. По ночам между Степанакертом и Агдамом раздаются одиночные выстрелы ружей и автоматные очереди, и, кажется, что с той стороны вместе с соседним густым туманом ползет по земле темная ночная злоба.

Происходящее трудно понять и объяснить: одни бескорыстно помогают, другие — губят. Откуда эта злоба? Подумайте только: где-то там, в Литве, Киеве, Донецке, в Ростовской области, в Финляндии — людям, попавшим в беду из-за разбушевавшейся стихии, потерявшим кров, хотят помочь — а на пути через Азербайджан эти домики превращаются в мусор. Смотреть на это страшно и думать позорно. Как можно растаптывать человеческое добро и помощь? Это, воистину, не по-людски, не по-божески. Ведь от того, что ты сделаешь худо другому, тебе легче не станет. Пора понять это.

Блокада лишний раз доказывает неразумность и несмысленность человеческих действий. Иногда ведь масса слепа и идет на поводу у ложного светоча. И вот в этой блокаде и начинают проявляться все жестокости, которые до времени скрыты в человеке. И все это потому, что до конца ничего недоделано. Я знаю всю эту историю. Ведь в Нахичеванской области до революции проживало очень много армян, а теперь их один-два процента. Всех выжили. А карабахцы оказались стойкими по своему характеру.

Вместе со мной в Карабах приехали мой старый армянский друг Левон Мкртчян и грузинский поэт-переводчик армянской поэзии Гиви Шахназар. Он родом из Карабаха. Это его родная земля, но, к сожалению, добраться в его родные места нам не удалось. Дороги перекрыты, а вертолетом не получилось: нелетная погода.

В Степанакерте у нас состоялся литературный вечер. Он прошел на какой-то ноте абсолютного доверия. Мы много говорили и мне было ясно: нет никакой силы на свете, чтобы убедить жителей Карабаха отказаться от своих законных намерений, освободить душу от горькой приниженности. Они видят только один путь — от раскрепощения духа к раскрепощению созидательной мощи народа, на которой долгие годы висел заржавевший амбарный замок нелепого жизнеустройства...

— Как Вы относитесь к положению культуры в стране? Ведь с культуры начинается и уровнем культуры определяется эффект перестройки. Будет ли она приоритетным направлением в деятельности руководства?

— Конечно, культура должна быть действенной. Слова без дела мертвы. Мы до сих пор подходили к культуре утилитарно, видя в ней лишь средство для защиты «сегодняшних» идей. По существу мы делали ставку на культуру, оторванную от народа, как говорят, «спущенную» и «одобренную».

— Михаил Александрович, процесс национального самосознания и в наши дни нередко воспринимается как тормоз на путях исторического развития, в то время как ассимиляционные процессы, напротив, считаются прогрессивными. Как Вы относитесь к этому?

— Можно, конечно, привести к одному знаменателю все числители, но это будет очень однообразная картина. Мозаика-то жизни неисчислима и потому прекрасна. И то, что на земле существуют столько языков, литератур, столько культур — это основное достижение человека. Каждый приносит на праздник жизни какое-то свое, неповторимое начало, и это надо обязательно сохранить.

— А в чем Вы видите залог сохранения национальных культур?

— В великой мозаичности. Видите ли, я люблю разнотравье. Вот клеверное поле или поле люцерны — они одинаковые. Другое дело — разноцветный луг. Там больше жизни, больше гармонии, свободы больше. Вот в чем дело-то.

Если бы все наши слова о свободном развитии нации и народностей соответствовали бы делам! А то, сами видите, что получилось. Осознание себя, своей национальной самооценки и уникальности приводит не к шовинизму, как у нас долгое время считали, а напротив, к уважению другой национальной культуры. Это и приведет нас к подлинной целостности. Мы должны понять: любая культура — великая, общечеловеческая ценность. Она должна быть сохранена. Почему мне так интересно

все, что происходит в Армении? Потому что вместе с Арменией мир может потерять одну из самых древних и самых интересных культур человечества.

— Сейчас наблюдается повышенный интерес к религии. Чем это объясняется? Не утратой ли нравственности, каких-то духовных ресурсов?

— Конечно, и этим. Но дело еще вот в чем. Нет очищения души, нет покаяния. Ведь это тоже очень интересно. Я не знаю, как у вас, но на Руси когда-то были дни покаяния, дни, когда люди каялись, очищались... Религия дает все-таки тайну самоочищения человеческой души, а потому к ней и склоняются...

Многих героев классической литературы отличает мировая скорбь. Наше же поколение страдает вселенской иронией...

— Чем опасна ирония? Сама по себе она прекрасна. Беда же в том, что она может быстро перерасти в сарказм. Тогда уже разъедается душа человеческая. Вот недавно я смотрел фильм одного ленинградского кинорежиссера. Снят город Глухов по Салтыкову-Щедрину. И все слова там Салтыкова-Щедрин. Костюмы современные. Современный чиновник говорит то, что сказал великий сатирик сто лет назад. Приезжая в новый город, градоначальник отдает приказ: «Эту гору срыть, а реку повернуть обратно...» Есть у нас безнациональный функционер, который легко отдаст и выполнит любой чиновный приказ; реку перекроить — пожалуйста, вырубить вековой лес, убрать церковь — извольте. А потом мы вот что еще забываем. Перечитайте Некрасова: «Люди холопского звания сущие псы иногда, чем тяжелей наказание, тем им милей господя». Нет ли аналогии в современной жизни?

— Михаил Александрович, почему писатели, носители культуры, сегодня оказались в центре национальных страстей?

— Я об этом не думал, но кто же, если не писатель, должен увидеть то, что назревает в глубине народной.

Кто должен выразить боль народа? Художник-то начинается с заботы, с чувства гражданина. Как утверждал Горький, писатель должен быть общественным деятелем уже потому, что именно так воспринимается его труд народом.

Да, писатели хотят выговориться, до конца высказать все свои обиды и сомнения, воздать по заслугам всем виновникам нашего неуклонного прозябания. Все эти годы бессмысленно расходовались не только природные богатства, но и духовные ресурсы наций.

Все живо в памяти человека, ничего не загонишь вглубь и надо сохранить эту открытость. Разговор, который идет сегодня в советской литературе, нацелен прежде всего на усовершенствование человека — в защиту справедливости, чистоты совести. Суть искусства в том и заключается, чтобы помочь человеку постепенно наращивать нравственный стержень своей души. Помните строки Поля Элюара: «Пока на земле существует насильственная смерть, поэт должен погибать первым». Так они и умирали — Пушкин, Лермонтов, Есенин, Маяковский, Лорка, Чаренц...

— Каковы реальные пределы творческой свободы писателя?

— Я не знаю, о какой свободе вы говорите. Вот недавно я прочел «Лолиту» Набокова. Преодолею ее с трудом. Меня стошнило. Такую свободу я не хочу. Художник должен сам себе определить границы нравственной свободы. Эти границы очень хорошо знал Нарекаци. Свобода — это особое нравственное состояние, она немислима без осознания этических обязательств. Писатель должен иметь свободу, чтобы говорить правду. Но говорить правду — это искусство, труднейшее из всех искусств.

А придать движение правде может только ответственность перед самим собой, перед обществом. Вот посмотрите, какие книги появились в последнее время. Это настоящие, глубинные раздумья художника над своим временем. Книги Платонова, Гроссмана, Замятина — это жестокие книги, но они все-таки лечат, потому что открывают человеческие глаза на правду. Заставляют задуматься, как и Нарекаци, они учат ответственности познания.

А Блок писал некогда о «тайной свободе». Ведь многое из того, о чем пишут сегодня газеты и журналы, нашло отражение в романах Гроссмана, Платонова, Замятина и других писателей. Недаром Тихонов писал:

Наш век пройдет.
Откроются архивы,
Все, что было скрыто
до сих пор.
Все тайные истории извивы
Свои покажут славу
и позор.
Богов иных тогда
померкнут лики
И обнажится всякая беда
Но то, что было истинно
великим
Останется великим
навсегда.

Большая литература зиждется на сострадании, на гуманизме. Все современные проблемы — и глобальные, частные — замыкаются на нравственном стержне человека, и, как мы убедились, одними аплодисментами, переходящими в овацию, краеугольный камень нравственного начала человеческой души не изменить. Тут требуется полная самоотдача, которая «...не читки требует с актера, а полной гибели всерьез».

Многовековая культура — духовная и хозяйственная, налаженный быт — все выродилось или вовсе исчезло вместе с оторванным от земли крестьянством. Сейчас все кричат: «Землю крестьянам!» А крестьян-то нет. Крестьянство воспитывалось веками, а уничтожили его в 5—7 лет. Одних — сослали, других — расстреляли, а третьи — сами превратились в люмпенов... Страна переживала величайшую трагедию, опережая ход истории, ее пытались приблизить к техническому веку. В итоге она катастрофически теряла свое национальное лицо.

Ведь вот что получается. Всякими новациями мы отучили человека любить землю, а сейчас пытаемся восстановить эту любовь к земле, с которой начинается все в человеке. И делаем это какими-то ускоренными методами, отсюда и все срывы. Как я давно убедился: все

на земле стояло и стоит и, дай бог, еще будет стоять на людях, умеющих делать свое дело в совершенстве — на мастерах. И мастер не сделает больно окружающим. Напротив, он поможет самой природе рождать чудо.

МИХАИЛ ДУДИН

Беседу вела Наталья Гомцян
«Коммунист» 2 ноября
1989 года

ЗА БОРТОМ ИСТИНЫ

Скоро минет два года с тех пор, как карабахский вопрос встал перед нами с небывалой в последние десятилетия остротой. Ознаменовать этот своего рода «юбилей» и призвана, по-видимому, изданная в Азербайджане книга документов и материалов, касающихся, по мнению составивших ее сотрудников Института истории партии при ЦК КП Азербайджана, истории образования НКАО и в большинстве своем публикуемых впервые.

Само по себе такую задачу нельзя определить иначе как благородную. Поражает уже объем сборника: 338 позиций только в оглавлении, 314 типографских страниц текстов, плюс 8 страниц вступления «От редакции» и 10 страниц одного оглавления. Для сравнения отмечу, что в последнее время были опубликованы лишь три документа, важные для понимания проблемы (документы №№ 3—5 в книге «Нагорный Карабах. Историческая справка». Ереван. Издательство АН АрмССР). Думается, уже поэтому объем рецензируемой публикации должен по замыслу авторов продемонстрировать фундаментальность, взвешенность суждений и объективность подхода к предмету.

Однако при ближайшем ознакомлении выясняется, что, например, книга открывается многостраничной подборкой, не имеющей прямого отношения к делу. И в дальнейшем на ее страницах в изобилии встречаются материалы, не отвечающие существу вопроса, но занимающие львиную долю объема (например, публикации

«Из статьи «Безхозяйственность», дважды «Продналог», «Нарком — продторгу», «О газете «Коммунист» на армянском языке и т. д.). Мы привели только наиболее яркие примеры, а вообще читатель найдет десятки следов подобной «работы».

В то же время в книге не нашлось места для трех ключевых документов, для понимания вопросов, поднимаемых армянским большинством НКАО на протяжении десятилетий. Речь идет о «Декларации ревкома Азербайджана о признании Нагорного Карабаха, Зангезура и Нахичевани составной частью Армянской ССР» от 30 ноября 1920 года (подписано Председателем Ревкома Н. Наримановым и Наркомом по иностранным делам Гусейновым), «Письме Председателя ревкома Армении С. Касьяна Председателю Азербайджанского ревкома Н. Нариманову» в январе 1921 года и «Декрете Совнаркома Армении о воссоединении Нагорного Карабаха с Арменией» от 12 июня 1921 года (подписан Председателем Совнаркома Армении Ал. Мясникяном и Секретарем Совнаркома Армении М. Карабекяном). А ведь они говорят о том, что азербайджанские большевики после установления Советской власти в Армении добровольно решили восстановить веками попиравшуюся справедливость и передать Карабах Армении для воссоединения двух частей армянского народа. Ясно, что если бы не было этих документов, то армяне Нагорного Карабаха (исторической армянской области Арцах, в которой армяне непрерывно живут в течение тысячелетий) не стали бы обращаться за справедливостью к Советской власти.

Характерно, что первоначально азербайджанских большевиков поддержал даже Сталин («Правда» от 4 декабря 1920 года), который затем приложил — и, к сожалению, успешно, — все усилия для того, чтобы саботировать решение вопроса. Замечу, что и данная статья Сталина, равно как и телеграмма Орджоникидзе о решении Азербайджанского ревкома («Правда» 4 декабря 1920 года), также отсутствует в книге.

Кроме того, многие документы цитируются в сборнике таким образом, что из них изымаются все свидетельства о возможности (рассматривавшейся в 20-е годы многими большевиками) воссоединения Карабаха с Арменией. Приведу только наиболее очевидные примеры.

Так, в материале «Из протокола чрезвычайного съезда Советов 2-го участка Шушинского уезда» (1 августа 1921 г., село Кентхурт) слова зампреда СНК АзССР Л. Мирзояна даются в следующем пересказе: «Тов. доказывает, что с экономической, духовной, политической и национальной точек зрения Карабах тесно связан с центром Азербайджана (Баку)». При этом опускается прямая речь оратора, зафиксированная в стенограмме: «Я знаю, все вы хотите присоединиться к республике Армении. Но ведь Карабах экономически связан с Баку и, если вы получите автономию, то все ваши вопросы будут разрешены». Вот так, путем изъятия, за бортом публикации оказывается демократически выраженное волеизъявление армян Карабаха.

Из телеграммы Г. К. Орджоникидзе Г. В. Чичерину от 21 июня 1920 года после слов «О присоединении этих областей к Азербайджану» убраны слова «или к Армении». Этим не только искажается позиция Чичерина, но и делается непонятной следующая фраза той же телеграммы. «Прошу срочно сообщить, остается ли в силе Ваша телеграмма от 19/VI пр. № 168/174». Ведь известно, что именно Г. В. Чичерин, блестящий дипломат и политик с огромным дореволюционным опытом, профессионально владевший всем комплексом необходимой информации в армянском вопросе, и потому как никто другой умевший отделить абстрактные идеалы от реальностей повседневной жизни, наиболее последовательно отстаивал необходимость воссоединения всех разрозненных армянских земель, включая Нагорный Карабах, под эгидой Советской Армении. Кстати, очевидно, именно поэтому в сборнике начисто отсутствуют материалы, исходящие от Г. В. Чичерина или даже просто имеющие отношение к возглавлявшемуся им ведомству: публикация в Бюллетене НКВД от 20 сентября 1920 г., отражающая беспокойство населения Карабаха в связи с ультиматумом Азербайджана о присоединении Карабаха и Зангезура к Азербайджану: два письма Г. В. Чичерина В. И. Ленину от июня 1920 года, где автор отстаивает необходимость воссоединения Карабаха с Арменией, выписка из протокола № 25 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 7 июля 1920 г., где был утвержден проект Г. В. Чичерина.

Аналогичная участь постигла и пункт пятый из протокола заседания пленума Кавбюро ЦК РКП(б) от 3 июня 1921 г., гласящий «Указать в декларации Армянского правительства о принадлежности Нагорного Карабаха к Армении»; сообщение С. М. Кирова Ленину от 3 июня 1919 г. «Карабах и Зангезур не признают Азербайджанского правительства»: ответ V съезда депутатов армянского населения Карабаха английскому генералу Шательворту от 23 апреля 1919 г., майское 1920 г. послание уполномоченных IX съезда НКВД РСФСР Г. В. Чичерину, где есть такие слова: «2. Объявить о присоединении Нагорного Карабаха к республике Армении, как неотъемлемой ее части» — всех их попросту нет в книге.

В таком контексте подобные умолчания и избирательность составителей сборника выглядят далеко не случайными. Более того — симптоматично. Правда, автором все же не удалось вовсе скрыть все несимпатичные им документы. Так, в «Речи Г. К. Орджоникидзе на торжественном заседании Бакинского Совета по поводу установления Советской власти в Армении (Баку, 1 декабря 1920 г.)» упоминается названная выше «Декларация ревкома Азербайджана». Хотя читателю остается неясно, о чем же в ней шла речь. Тем более, что составители спешат его дезориентировать, не гнушаясь искажением истины, заявляя в специальной сноске о том, что, якобы, именно Г. К. Орджоникидзе допустил искажение текста Декларации.

После этого уже не остается сомнений в том, что книга не отвечает даже самым облегченным представлениям об объективности и фундаментальности.

Масса документов, не имеющих отношения к делу, включена в книгу для механического накручивания объема в целях создать иллюзию «фундаментальности» в худших традициях застойного времени. Многие документы в ней фальсифицированы, а ход истории совершенно искажен. Сборник является ярким примером того, как азербайджанская интеллигенция вместо того, чтобы способствовать духовному возрождению своего народа, прибегает ко лжи и подтасовке фактов как к основным своим «аргументам», что объективно ведет лишь к оболваниванию народа в шовинистическом духе.